

„Облако - вѣстникъ “(Megha - dūta)

древне-индiйская элегія Калидасы.

Ἀένας: Νεφέλαι,
ἀρθόμεν φανεραί
ὁροσερὰν φύσιν εὐάγῃτον,
πατρὸς ἀπ' Ὀκεανοῦ βαρυαχέος
ὕψηλῶν ὄρεων κορυφὰς ἐπὶ
δενδροχόμους, ἵνα
τηλεφανεῖς σκοπιάς ἀφορώμεθα
καρπούς τ' ἀρδομέναν θ' ἱερὰν χθόνα
καὶ πόντον κελᾶδοντα βαρύβρομον.

Аристофанъ. Облака. ст. 275—284.

I am the daughter of earth and water
And the nursling of the sky:
I pass through the pores of the ocean and shores,
I change, but I cannot die.

P. B. Shelley. The cloud. st. VI.

Eilende Wolken, Segler der Lüfte!
Wer mit euch wanderte, mit euch schiffte!
Grüsset mir freundlich mein Jugendland!
Ich bin gefangen, ich bin in Banden,
Ach, ich hab' keinen andern Gesandten
Frei in Lüften ist eure Bahn...

Schiller. Maria Stuart. III, 1.

Komm mit nach Indien, nach dem Sonnenlande,
Wo Ambrablüten ihren Duft verbreiten,
Die Pilgerscharen nach dem Ganges schreiten
Andächtig und im weissen Festgewande.

Heine. Neue Gedichte.

I.

Калидаса, его время и произведения.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ ¹⁾ въ 1813 г. Уильсонъ, одинъ изъ
лучшихъ выдающихся европейскихъ ученыхъ—пionеровъ на на-
шъ тогда открываться обширнѣйшемъ поприщѣ индологiи,
впервые въ Калькуттѣ санскритскiй текстъ поэмы Калидасы
«Megha-dūta», снабдивъ его красивымъ стихотворнымъ переводомъ

¹⁾ Излагаемый этюдъ и переводъ закончены авторомъ лѣтомъ 1913 г., а
печатались 2 октября. Нѣкоторыя новѣйшія библиографическія указанія добавлены
къ текстурѣ.

и обстоятельными примѣчаніями, не утратившими и до сей поры своего значенія. Съ Калидасой, этой «жемчужиной всѣхъ поэтовъ», какъ назвала его индійская традиція, Европа познакомилась отчасти немного раньше: въ 1789 г. его драма «Сакунтала» появилась въ англійскомъ переводѣ Джонса, а черезъ два года въ нѣмецкомъ Фёрстера, и была привѣтствована знаменитымъ четверостишьемъ сего Гёте ¹⁾, откликнувшася весьма сочувственно и на переводъ «Мегха-дуты» ²⁾. Съ тѣхъ поръ «Облако-вѣстникъ» ³⁾, этотъ эгическій и въ то же время страстный монологъ въ 120 ставкахъ, сочетающій причудливую фантастику съ реализмомъ географическаго описанія маршрута отъ центральной Индіи до подножья Гималаевъ, выдержалъ много изданій и у себя на родинѣ, и въ Европѣ, переведенъ на разные языки ⁴⁾, но русскаго перевода дождался лишь теперь въ годъ этого «столѣтняго юбилея», который можно приурочить и къ другой, несравненно болѣе внушительной «юбилейной» датѣ, выраженной впрочемъ въ круглыхъ цифрахъ съ обычной для индійской хронологіи степенью приближенія: *полторы тысячи лѣтъ* со времени жизни самаго Калидасы, относимаго въ преобладающему теперь мнѣнію изслѣдователей къ царствованію Чандрагупты II Викрамадитьи, приурочиваемому на основаніи географическихъ и нумизматическихъ данныхъ къ 375—413 г. по Р.Х. ⁵⁾

¹⁾ Willst du die Blüte des frühen, die Früchte des späteren Jahres,
Willst du, was reizt und entzückt, willst du, was sättigt und nährt,
Willst du den Himmel, die Erde mit *einem* Namen begreifen,
Nenn'ich, Sakontala, dich, und so ist alles gesagt.

²⁾ Und „Meghaduta“ den Wolkengesandten,
Wer schickt ihn nicht gerne den Seelenverwandten?
(Zahme Xenien, 2-te Reihe)

„Der englische Übersetzer des Wolkenboten ist gleichfalls aller Ehren wert denn die erste Bekanntschaft mit einem solchen Werke macht immer Epoche in unserm Leben“ (West-östlicher Diwan, Noten und Abhandlungen).

³⁾ Предположеніе Мэкдовелля (History of sanscrit literature, London. 1900 p. 335), будто обращеніе къ облакамъ въ «Маріи Стюартъ» написано подъ вліяніемъ элегіи Калидасы, опровергается тѣмъ фактомъ, что трагедія Шиллера была поставлена въ Веймарѣ еще 17 июня 1800 г.

⁴⁾ Изъ нѣмецкихъ переводовъ лучшіе—стихотворный Макса Мюллера (1847) и прозаическій Шютца (1858). Изящной французской прозой перевелъ Геринь (Le nuage messenger, traduit par A. Guérinot, Paris. 1902).

⁵⁾ V. Smith. Early history of India. 2 (Oxford. 1908), p. 287. Macdonell. l. c. p. 320—5. Pischel. Die altindische Literatur, s. 202 (Die Kultur der Gegenwart I. 1. Berlin-Leipzig 1906). Collins. The geographical data of the Raghuvansa and Daśakumaracarita. (Leipzig, 1907) p. 48.

Царствование Ашоки Великого (272—232 до Р. Х.), христианского Константина Великого или вѣриѣ апостола и славнѣйшаго представителя династїи Маурья, основанной вѣтъ Чандрагуптой (Σανδρόκοττος), ²⁾ современникомъ Александра Македонскаго, прекратившейся въ 184 до Р. Х., эпоха династїи (IV—VI в. по Р. Х.), снова объединившей значительную часть Индостана подъ властью того же царства Магадха со столицею Паталипутрой (Παλιβοῦρα, нынѣ Патна), династїи Маурья въ 302 г. принимавшей грека Мегасфена въ вѣнчѣ отъ Селевка Никатора, эта эпоха, слывшая въ западномъ преданїи подъ именемъ «золотого вѣка царя Викрамадитьи», представляла собой самую блестящую въ исторїи индїйской литературы и культуры, о которой имѣются къ счастью и драгоценныя китайскаго пилигрима, буддиста Фа-Хіена, пробывшаго въ 405—411 г. по Р. Х. Если обширныя территорїальныя завоеванія, поэтическое отраженіе которыхъ усматривается въ IV вѣкѣ Калидасы «Raghu-vamśa» (Родъ Рагху, Династїя вѣтъ), прославили втораго монарха этой династїи Самудрагупту (306—375), то культурный расцвѣтъ и золотой вѣкъ санскритской литературы совпадаютъ съ царствованіемъ его сына Самранты II, носившаго также почетный титулъ Викрамадитьи (विक्रमादित्य т. е. Солнце отваги), адоптированный этой фамиліей Aetistus у римскихъ императоровъ. Его резиденціей кромѣ Паталипутры была также и древняя столица «солнечной династїи вѣтъ», Айодхья (нынѣ провинція Удхъ на мѣстѣ древнихъ авадехъ), реставрація которой поэтически изображена въ XVI вѣкѣ Рагху-ванши ³⁾, а также и Уджаїни (Οζήνη) въ бывшемъ вѣкѣ Малава (нынѣ Уджейнъ во владѣнїяхъ махараджи гваліоръ). Наконецъ, эту «Флоренцію индїйскаго Ренессанса» прославила Калидаса въ «Мегхадутѣ» (I, 27—40), и знаменитый Дан-

²⁾ Smith. I. c. p. 177—8.

³⁾ Царствованіе Чандрагупты-Маурья, взошедшаго на престолъ послѣ произведеннаго переворота еще совѣтъ молодымъ человѣкомъ лѣтъ 22, относится 302—30 г. до Р. Х. (Smith. I. c. p. 115—137). Поэтическое отраженіе этого «переворота» представляетъ намъ драма Вишиякхадатты «Мудра-Ракшаса» написанная въ XVI вѣкѣ спустя.

⁴⁾ Этотъ пѣсьнъ артистически передана въ переводѣ А. Graf von Schack. Stimmen aus dem Osten, т. 126—137. «Kuşa's Heimkehr» (Stuttgart. 1877).

динъ (VI в. по Р. Х.) въ своемъ романѣ «Похожденія десяти принцевъ», и неизвѣстный авторъ (быть можетъ тотъ же Дандинъ) драмы «Глиняная телѣжка», извѣстной въ сценической обработкѣ для европейскихъ театровъ подъ именемъ главной героини пьесы «идеальной гетеры» Васантасены ¹⁾.

Литературная слава «вѣка Викрамадитья» не потускнѣла отъ того, что пришлось отрѣшиться отъ выставленной Максомъ Мюллеромъ лѣтъ 30 тому назадъ эффектной теоріи «Индійскаго возрожденія» въ VI—VII в. по Р. Х., рисующагося теперь совсѣмъ инымъ видѣ: дѣло въ томъ, что предположенная М. Мюллеромъ варваризація и огромная брешь въ санскритской литературѣ предшествующихъ столѣтій, особенно во время нашествій скивовъ (Сяи и т. наз. Кушанскаго царства въ сѣверной Индіи, опровергаются все болѣе и болѣе новыми находками. Еще въ 1892 г. Сильвестръ Леви открылъ санскритскую поэму «Жизнь Будды» (*Buddhacarita*) знаменитаго буддистскаго поэта и ученаго Ашвагхоши, современника кушанскаго царя Канишки (*Канушки*), царствовавшаго въ I—II в. по Р. Х. (его резиденціей былъ нынѣшній Пешаваръ). Эта поэма, доступная теперь и русской публикѣ благодаря цѣнному переводу Бальмонта, представляетъ собою образецъ высокой степени развитія искусственнаго эпоса и является соединительнымъ звеномъ между «Рамаяной» Вальмики ³⁾ и творчествомъ Калидасы. А недавнія находки рукописей въ Турфанѣ, въ средней Азіи, обогатили фрагментами буддистской драмы того же Ашвагхоши «Шарипутра-пракарана» ⁴⁾, свидѣтельствующими о законченной формѣ драмы съ ея чередо-

¹⁾ См. введеніе къ нѣмецкому переводу этого романа, I. I. Meyer (Leipzig, Lotus Verlag, 1902) и мою статью «Дандинъ и его романъ» (Зап. Харьк. Univ. 1898. Gavronski. Sprachliche Untersuchungen über das Mrechakatika und das Dasakumaracaritam. (Leipzig. 1907).

²⁾ Winternitz. Geschichte der indischen Literatur, II, 1. s. 201—212. (Leipzig, 1913). Pischel l. c., s. 200. С. Леви въ предисловіи (на русскомъ языкѣ къ переводу К. Бальмонта (Асвагоша «Жизнь Будды», Москва 1913). *Nandargikar*. въ «Preface» къ своимъ изданіямъ «Мегхадути» (Бомбей 1894) и «Рахуванши» (Пуна, 1897). Покойный Кауэлъ (Cowell), первый издатель и переводчикъ «*Buddhacarita*» (Oxford, 1893) называлъ Ашвагхошу индійскимъ Эвниемъ, а Калидасу — Вергилиемъ.

³⁾ Winternitz. G. d. i. Lit. I, s. 440: es ist wahrscheinlich, dass das Ramayana im 4 oder 5 jhr. v. Chr. von Valmiki unter Benutzung alter Akhyanas gedichtet ist. cf. Pischel l. c. s. 200. V. Henry. Les litteratures de l'Inde (Paris, 1904) p. 161—2.

⁴⁾ Lüders. Das Sariputrprakarana, ein drama des Asv. (Berlin, 1911).

эпосы и стиховъ, санскрита и пракритовъ. Можно надѣяться, что будущее раскроетъ и другія промежуточные звенья от Гоши до Калидасы, и имена предшественниковъ (Бхасы, Кавипутра), упоминаемыхъ авторомъ «Сакунталы» въ первомъ пьесы, комедіи «Малавика и Агнимитра»¹⁾ быть лишь пустымъ звукомъ такъ же, какъ было въ открытіемъ цейлонскаго ученаго Дхармарамы одинъ изъ послѣдователей Калидасы, поэтъ Кумарадаса, авторъ «*Ānakī-nāgana*» (похищеніе дочери Джанаки т. е. Ситы, Рамы)²⁾. Но вслѣдъ за блестящимъ вѣкомъ Викрамадитьи и его преемниковъ Кумара-Гупты (413—455) и Скандаратны (455—480) нахлынули первыя волны новаго нашествія варварскихъ завоевателей, устремившихся изъ средней Азіи черезъ Афганистанъ въ Индію нѣсколько позже, чѣмъ въ Европу: Гунны, имя которыхъ (Hūna) встрѣчается одинъ разъ и у Калиды³⁾, вѣрнѣе тѣ гунскія орды, которыя остались въ Азіи («бѣлые гунны», эфталиты) временно осѣвъ на равнинахъ (Дарья) и затѣмъ почти цѣлое столѣтіе (455—540) приносили ужасъ и временно захватывали сѣвер. Индостанъ и дали орудійскихъ Атиль: Торамана и Михирагула («Голласъ» Космы Индикоплефста, византійскаго монаха VI вѣка). Никогда до этой мрачной эпохи, при династіи Гупта, не имѣла ставрація брахманизма, успѣвшаго видоизмѣниться, окрѣп-

Примечаніе. Зачѣмъ же, отложивъ въ сторону творенія Бхасы, Саумиллы и показывать такое предпочтеніе творенію современнаго поэта Калидасы?

Докторъ театра. О какое безразсудное сужденіе! Послушай:

всѣмъ знаетъ хорошо, что старо,	Неглушій разобратся въ нихъ сумѣетъ,
и для всѣхъ новые поэты.	И лишь глупецъ чужому мнѣнію вѣритъ.

Вѣрнее, имя Бхасы уже перестало быть «пустымъ звукомъ»: только что французскій переводъ его драмы «Васавадатта» (*Le théâtre indien avant le VIe siècle*, A. Baston, avec une préface de S. Levy. Paris. 1914). Индійскій пан-Гангати Шастри отыскалъ въ Траванкортъ рукописи 11 драмъ Бхасы и почти полное изданіе ихъ текста въ Trivandrum Sanscrit Series. Bhāsa's Works.

²⁾ *K. dargikar.* Kāmāradāsa and his place in sanscrit literature (Poona, 1908).
³⁾ *U. dargikar.* Übereinstimmungen in Gedanken, Vergleichen und Wendungen bei den indischen Dichtern von Valmiki bis auf Magha (Leipzig 1905) s. 4, 24, 32—3.

⁴⁾ *Ibidem.* IV, 68 въ описаніи странъ и народовъ покоренныхъ Рагу, при которомъ образомъ прославляется Самудра-Гупта (*Collins*, I. c. s. 48):

Упавшихъ женщинъ на щекахъ поблѣвъ румянецъ отъ побѣдъ,
 Чистодъ мужьями ихъ своей отвагой Рагу одержалъ.

нута и приспособиться къ борьбѣ съ буддизмомъ, который окончательно одолеваетъ на родинѣ въ послѣдующіе вѣка. Къ той же эпохѣ относятся и древнѣйшія Пураны ¹⁾, закрѣпившія эту представленію и давшія Индіи, хотя бы въ самомъ мифически-фантастическомъ обликѣ въ которое подобіе ея древней исторіи, откуда черпала данныя и тогдашняя «беллетристика»: родословная Солнечной династіи въ «Рагху-Ваншѣ» основана на данныхъ «Вишну-Пураны». О внѣшнихъ условіяхъ жизни, обстановкѣ, нравахъ и изощреніи культурѣ индійскаго «высшаго общества» того времени достаточно свидѣлствуютъ изысканность и утонченность литературнаго стиля и формъ, имѣвшихъ уже тогда цѣлую плеяду своихъ теоретиковъ и критиковъ; старѣйшимъ изъ нихъ, дошедшимъ до насъ и авторитетнымъ до сей поры въ Индіи, является трактатъ Дандина «Зеркало поэзіи» ²⁾. А для еще болѣе наглядности любопытно познаться съ характеристикой образованнаго «горожанина» (*pāṇatikā*) т. е. свѣтскаго фронта изъ «золотой молодежи», данной въ видѣскомъ «*Ars amandi*» (*Kāmasūtra* т. е. любовное руководство) Ватсаны, какъ разъ подходящей для этой эпохи и литературы ³⁾.

¹⁾ Winternitz. l. c, I, s. 440 fg. Smith l. c. p. 19, 288. Pischel. l. c. s. 13.

²⁾ „Зеркало поэзіи“ (*Kāvya-darśa*) Дандина до сихъ поръ пользуется въ Индіи огромнымъ авторитетомъ. Краткій анализъ его есть въ моей статьѣ о Дандинѣ, а также О. Щербатской „Теорія поэзіи въ Индіи“ (Ж. М. Нар. Пр. 1902), въ которой интересны разборъ и позднѣйшей теоріи о „поэтическомъ намека“ (*dhvani*) формулированной въ X в. Анандавардханой. Обширное и превосходное изслѣдованіе Regnaud. La rhétorique sanscrite (Paris, 1884) содержитъ сравнительный анализъ индійской и греческой поэтики.

³⁾ „Запасшись познаніями и устроивъ свой домъ на деньги добытыя подарками, побѣдами, торговлей, платежами, либо полученными въ наслѣдство или же тѣмъ и другими путями виѣсть, надо начать жизнь свѣтскаго человѣка (*pāṇatikā*). Онъ долженъ жить въ столицѣ, большомъ городѣ, городѣ или мѣстечкѣ, гдѣ есть отличныя жилища, либо въ иномъ мѣстѣ соответственно роду занятій. Тамъ по близости отъ воды онъ постройтъ себѣ домъ съ садомъ, обширнымъ дворомъ для работъ и дѣлъ значимыми. Въ наружной опочивальнѣ должна стоять мягкая постель съ подушками въ обобщихъ концахъ и вогнутая по срединѣ, съ бѣлымъ одеяломъ, а вблизи нея другое ложе. У изголовья—мѣстечко для травяной подстилки и скамья для жертвоприношеній. Тамъ пусть лежатъ оставшіяся послѣ ночи притиранья и вѣники, корзинки съ варенымъ рисомъ, сосудъ съ ароматами, лимонная корка и бетель, а на противоположной. На гвоздикѣ висѣть лютиа; мольбертъ, ящикъ съ красками, каки-нибудь книжки; вѣники въ желтаго амаранта; неподалеку на полу—ложе для отдыха, чтобы преклонить голову; доска для игры въ кости. Снаружи калитка съ ручками птицами; въ уединеніи мѣстечко для стодярныхъ и разныхъ работъ и другихъ дѣлъ. Въ саду, въ тѣни, качели съ мягкой подушкой, а на землѣ скамья, усаженная цвѣ-

и имѣется много данныхъ для обрисовки этой эпохи Калидасы, возстановленія его біографіи нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ легендарныхъ анекдотовъ ¹⁾. Можно лишь заключить, что онъ шивантомъ, какъ по его имени (Kāli-dāsa т. е. рабъ бо-
жи, суруги Шивы), такъ и по его произведеніямъ, сви-
дѣствующимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и объ основательномъ знакомствѣ
съ панишадами и философскими ученіями Санкхья и Юга ²⁾.
Похоже, что его авторство лишь для шести произведеній, трехъ
и трехъ поэмъ ³⁾. Несомнѣнно первая по времени изъ драмъ
независимая отъ фантастики комедія «Малавика и Агнимитра»
хотя безъ граціи и юмора живо, но «стилизуя» согласно
идеямъ теоретическихъ трактатовъ, картину придворныхъ интригъ
и походовъ царя Агнимитры, сына Пушьямитры изъ
династіи Шюнга, царствовавшей въ Видишѣ (нынѣ Бхильса) во II в.
Въ этой комедіи мы видимъ и вполне мирное и друже-
любное сосуществованіе брахманизма и буддизма: при дворѣ царя,
котораго совершаетъ великій брахманический обрядъ «жертво-
вожденія коня» ⁴⁾, играетъ важную роль буддистская монахиня.
Если первая комедія Калидасы имѣетъ реальную основу
и сюжетъ, то послѣдующія драмы, его шедевръ «Сакун-

Т. е. устройство его жилья». (Das Kāmasūtre des Vātsyāyana, die indische
Liebeslehre, aus dem sanscrit übersetzt und herausgegeben von R. Schmidt. I, cap. 4.
и «Elegants»). Дальше перечисляются его «занятія» (s. 62—64): послѣ обѣда
развѣсывать туалетомъ—веселымъ развлеченіемъ, вечеромъ—музичированіе, за-
ключенія свиданія и т. д., пирушки, посѣщеніе садовъ, въ опредѣленные дни—
посѣщеніе храма богини краснотычя (т. е. въ «Литературномъ клубѣ»!), спектакли,
танцы въ домахъ гетеръ или людей своего круга, причемъ «происходятъ
и всѣхъ насчетъ поэмъ и искусствъ» (s. 68).

Henberg. Die Literatur des alten Indien (Stuttgart-Berlin. 1903) s. 216—17.
Le théâtre indien (Paris 1890) p. 165—6. Jackson. Notes from India (J. o.
Asiatic Soc. 1902).

Griffith I. c., s. 33.

Поэма «Ritusanhāra» (Циклъ временъ года) по мнѣнію большинства изслѣ-
дователей принадлежитъ Калидасу, хотя традиція и приписываетъ ему эти «ин-
дийскія поэмы», какъ называлъ ее Анри (V. Henry) въ своемъ коротенькомъ, но
интересномъ изслѣдованіи (Les littératures de l'Inde, p. 217—8).

Знаменитый, зародившійся еще въ ведическую эпоху обрядъ «жертво-
вожденія коня» (ayamedha) совершавшійся особенно могущественными царями для
его возвеличенія, былъ воскрешаемъ и въ болѣе позднія времена: въ II в. до
н. э. при Пушьямитрѣ и въ IV—V в. Р. Х. при Самудра-Гуптѣ и Кумара-Гуптѣ I.

тала»¹⁾, и по обилію музыкально-вокальнаго элемента скорѣе похожая на оперу «Урваши» (С. Леви считаетъ ее послѣдней по времени и видитъ въ ней слѣды упадка творчества, а Нишан усматриваетъ въ ней большой шагъ впередъ, подготовившій «Сакунталу»), витають обѣ въ области легенды, міога и фантастики, окрашенной вдобавокъ тѣми нѣжными, мягкими, человѣчными чертами, которыя такъ плѣнительны въ творествѣ Калидасы и вызываютъ ставшее уже избитымъ сравненіе его съ Рафаэлемъ и Моцартомъ.

Древнѣйшая версія легенды о Сакунталѣ, юной прелестной отшельницѣ, плѣнившей славнаго царя Душянту, прошедшей черезъ тяжкое испытаніе, потомъ соединившейся съ несправедливо отвергнутымъ ее супругомъ—все по волѣ судьбы—и даровавшей ему сына, концевъ, сына Бхарату, основателя «Лунной династіи» въ Хастинпурѣ (нынѣ Дали), имѣется въ «Махабхаратѣ». Превосходная «баллада», въ формѣ діалога между нимфой Урваши и царемъ Пуруравасъ имѣется еще въ Ригъ-Ведѣ (X, 95)²⁾; возможно, что и тогда она уже была драматизирована; самая же эта сага о вѣдической любви между двумя существами, принадлежащими къ разнымъ сферамъ, низшей и высшей, смертной и безсмертной, имѣетъ о себѣ цѣлую литературу, сближается даже съ сагой о Лозенгринѣ³⁾. Вообще индійская драма, сразу заинтересовавшая Европу, стала предметомъ разносторонняго изслѣдованія, а превосходная книга С. Леви «Le théâtre indien» (Paris, 1890) останется навсегда классической по богатству матеріала, яркости изложенія и тонкому анализу. Подыскивая явленія болѣе сходныя съ инд-

¹⁾ Транскрипція имени „Сакунтала“ вмѣсто болѣе точной „Шякунтала“ (Сакунти) слишкомъ уже укоренилась. Эпизодъ изъ „Махабхараты“ переведенъ графомъ фонъ-Шаккъ (Die Stimmen des Ganges, s. 32—55). Небольшая поэма Фета „Сакунтала“ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени, со всеми индійскими версіями.

²⁾ Превосходный и обстоятельный разборъ этого гимна далъ проф. К. Гельмерс (Vedische Studien, I, также Rigveda in Auswahl, II, II). Очень интересенъ также разборъ гимна у проф. Л. фонъ-Шпрёдера (Mysterium und Mimus im Rigveda, Leipzig 1908, s. 232—274). Послѣдній по времени и очень цѣнный переводъ этого гимна см. A. Hillebrandt, Lieder des Rigveda, s. 142—5. (Göttingen-Leipzig, 1913. Quellen der Religions-Geschichte. Gruppe 7. Indien). На „оперный элементъ“ въ драмѣ „Урваши“ указывалъ еще Фетисъ (Histoire generale de la musique. II, p. 327—Paris, 1869).

³⁾ L. v. Schröder. Die Vollendung des arischen Mysteriums in Bayreuth (München 1911) s. 147—74 („Schwanenelbeumysterium und Lohengrin“).

катромъ въ области европейскаго, скорѣе всего можно найти чуждыя черты въ XVII в. во французскомъ жанрѣ «Style de Louis XIV», а также въ пышныхъ красотахъ испанской драмы XVII вѣка. Небезынтересно отмѣтить кстати, что знакомство съ Калидасомъ, много разъ переведенными на главные европейскіе языки, настолько распространилось, что всѣ три вдохновили нѣкоторыхъ композиторовъ: имѣются двѣ нѣмецкихъ оперы «Мала-Вингартнера и «Урваши» Кинцля, французскій балетъ «Сакун-тала» Рейе (по сценаріуму Теофиля Готье) и концертная увер-тюра «Сакунтала» Гольдмарка.

Однако не такъ доступны европейскому вкусу санскритскія поэмы (Kâvyas) той же эпохи, жанръ, въ которомъ Калидаса, по мнѣнію многихъ, прославился не меньше, чѣмъ въ драмѣ. Чтобы оцѣнить искусство и виртуозную изощренность формы, стихосложение, подборъ словъ, стилистическихъ «украшеній» здѣсь уже не только знакомство съ подлинникомъ «Рагху-ванши» и «Кумара-сангитомъ», поддающихся лишь частичному переводу. И только «Сакунтала» и по размѣрамъ, и по формѣ, еще по замѣчанію Готье «не заключающій въ себѣ идей недоступныхъ безъ затрудненія европейскому уму» является счастливымъ исключеніемъ и ставится поставленъ, какъ другой шедевръ, наряду съ «Сакун-талой». Этого сближаетъ съ нею еще и насыщенность чутъемъ красоты природы, чары которой индійскій поэтъ умѣлъ тонко чувствовать и такъ искусственно изображать за много вѣковъ раньше, чѣмъ его современники (и даже братья²). Первой по времени изъ трехъ поэмъ (Kâvyas) Калидасы вѣрнѣе всего считать вслѣдъ за Пинхелемъ «Raghuvamśa» (или «Ванш», около 3000 стиховъ), составленную въ эпическо-панегири-ческомъ стилѣ легендарную хронику «Солнечной династіи» Рагху.

Въ предисловіи къ своему переводу «Сакунталы» (Paris. 1884): Lamartine n'aurait pas été trop dépaycé à l'hôtel de Rambouillet. Il en a les qualités: l'élégance, la noblesse et parfois l'enphase, la délicatesse et surtout la pré-
cision. Въ позднѣйшихъ французскихъ отзывахъ интересны слова Ламартина (Comptes de littérature, Entretien V) о «Сакунталѣ»: «un chef d'oeuvre de poésie épique et dramatique, qui réunit dans une seule action ce qu'il y a de plus grand dans la Bible, de plus pathétique dans Eschyle, de plus tendre dans Racine».

Въ «Сакунталѣ» какъ драмы, занимался еще Герлеръ (Ueber ein morgenländisches Drama. Einige Briefe).

Въ «Сакунталѣ» красиво сдѣланную характеристику Калидасы у Густана Мейера. (Essai sur le théâtre indien (Strassburg, 1893), II, s. 97—106).

Воспѣвъ послѣдовательно 4 царей (Дилипа, Рагху, Аджа, Дашаратха) въ первыхъ девяти, онъ посвящаетъ 6 пѣсень воплощенію Вишну въ образѣ Рамы, давая свою собственную версію событіямъ изложенныхъ въ «Рамаянѣ» Вальмики, удѣляетъ потомкамъ Рамы еще 4 пѣсни и обрываетъ поэму на смерти безумно сладострастнымъ царя Агниварны, погибающаго отъ «царской болѣзни» (gāyayakṣmaṇi, т. е. сухотки спинного мозга. Весьма вѣроятно, что эта болѣзнь имѣла также цѣлью прославить иносказательно династію Гупта. Параллелизмъ походовъ Рагху и Самудрагупты, опоэтизированный реставрація покинутой столицы Айодхьи (XVI пѣсня) и апокалипсическія аватары Рама-Вишну (Чандра-Гупта II Викрамадিতья былъ Вишнута-томъ¹⁾ все это данна въ пользу такого взгляда.

Въ слѣдующей его поэмѣ, мифологическомъ эпосѣ «Kumārasambhava» (Рожденіе Кумары т. е. Сканды, бога войны) считаются безспорно подлинными лишь первыя 7 пѣсень; остальные 20 «заподозрѣнныя» вдобавокъ еще и чрезмѣрно эротичны. Мнѣ давшій сюжетъ этому произведенію, въ которомъ авторъ, по мнѣнію Писелы, уже вышелъ на самостоятельный путь, упоминается и въ «Мегхадутѣ» (I, 43—44, II, 10), къ которому я и перехожу.

¹⁾ Изъ современныхъ критическихъ разборовъ индійскихъ ученыхъ и лекторовъ интересны: *Nandargikar* (по англійски въ предисловіи къ его изданію *Krishnamachariar* (по санскритски) въ его „Raghuvamśa“ (Srirangam, 1911). За отсутствіемъ въ здѣшней университетской библіотекѣ *Journal of the Royal Asiatic Society* и дѣшево возможности воспользоваться статьями *Manmohan Chakravarti* (1903—4) о которыхъ говорятъ *Collins* (I. c., p. 48) и *Smith* (I. c. p. 288).

²⁾ *Smith*. I. c. p. 277.

³⁾ *Macdonell*. I. c. p. 326—8. *Pischel* I. c. s. 201. Недавно изданъ очень стильно сдѣланный нѣмецкій переводъ прозой. O. Walter. *Der Kumārasambhava oder die Geburt des Kriegesgottes, ein Kunstgedicht des Kālidāsa*. Leipzig, 1913. Въ немъ вошли лишь первыя 8 „заподозрѣнныя“ пѣсни.

⁴⁾ Кроме страницъ посвященныхъ „Мегхадутѣ“ въ вышеприведенныхъ трудахъ Писелы, Ольденберга, Ари, Макдоналля, въ предисловіяхъ и примечаніяхъ къ переводамъ Уильсона, Шютца, М. Мюллера, Герино и Нандарджикара, очень замѣтны и цѣнно: *Rangacharya*. A critical appreciation of Kalidasa's Meghasandhāna (Madras, 1910).—Въ южной Индіи поэма известна болѣе подъ именемъ „Meghasandhāna“ (Обращеніе къ облаку, порученіе облаку).—Мой переводъ сдѣланъ по текстъ бомбейскаго изданія (Godbole and Parab) съ комментариемъ знаменитаго Калидаси (XV вѣкъ), которому я слѣдую и въ нумераціи отдѣльныхъ стансовъ. Я пользовался также изданіями текста Гильдемейстера (1841) и Штенцлера (1874), а также работой *Beckh*. Ein Beitrag zur Textkritik von K.'s Meghadūta (Berlin, 1907), сдѣланной тибетскій переводъ поэмы (XI—XIV вв.) съ рѣзкими различіями индійскихъ и европейскихъ изданій санскритаго оригинала.

Сюжет этой небольшой поэмы, которую впервые, кажется, Шеллер очень удачно назвал элегией, незатѣйливо и удивно гармонируетъ съ планомъ и «тональностью» настроения поэмы. Одинъ изъ геніевъ-полубоговъ, насѣляющихъ волшебное божество Куверы, владыки богатствъ, «Царя царей» обитаетъ въ своей дивной легендарной резиденціи Алакѣ близъ вершинъ Гималая, одинъ изъ сонма этихъ чудесныхъ существъ носившихъ въ индійской мифологіи имя Якшей (yaksha), извергнувъ за какой-то проступокъ изгнанный на одинъ годъ въ разлукѣ и тоскуя по своей супругѣ покинутой противъ воли несчастный Якша обращается къ облаку, направляющему юга на сѣверъ передъ наступленіемъ дождливаго времени и умоляетъ его взять на себя роль вѣстника и передать тѣмъ же путемъ супругѣ, страдающей въ одиночествѣ, угѣшить ее и тѣмъ самымъ помочь ей дожидаться свиданья съ супругомъ. Кончаніи срока изгнанья, истекающаго осенью послѣ дождей. Описаніе пути, затѣмъ сказочнаго царства Куверы и самаго Якши въ сочетаніи съ постоянными намеками и аллюзиями, заимствованными изъ мифовъ и легендъ, даетъ обильный матеріалъ поэтической живописи Калидасы, который нанизываетъ одну за другою, словно драгоценное ожерелье, отдѣльныя картины, представляющія изъ себя каждая въ отдѣльности законченную отшлифованную миниатюру, создавая изъ этихъ пестрыхъ и разнотѣтныхъ камней роскошную мозаичную картину. Воспрониманіе душевнаго состоянія такого мифическаго существа, какъ изгнаннаго самой судьбой лишь для радостей любви и страсти и переживающаго роковымъ образомъ трагедію разлуки, становится поводомъ для лирико-патетическихъ изліяній и показавшаго устами царя Агнимитры ¹⁾ слѣдующее положеніе:

«... союзъ межъ влюбленнымъ страстно и безстрастнымъ
 совершившемся, въ немъ нѣтъ блаженства для меня!
 Лучше смерть тѣхъ двухъ, кому ужъ нѣтъ надеждъ,
 чѣмъ въ комъ огонь любви пылаетъ съ равной силой!

¹⁾ «Малавика и Агнимитра» д. III, ст. 15, слова царя Агнимитры еще не имѣютъ обладанія красавицей Малавикой, появившейся пѣвицей въ числѣ развѣщающихъ главную царицу Дхарини, которая всячески препятствуетъ соединенію вѣнчанной четы. Потому пѣвица оказывается принцессой и можетъ сдѣлаться законной супругой Агнимитры и «третьей» царицей.

Характерную черту въ теоретическомъ ученіи объ индійской поэзіи, какъ бы соотвѣтствующую европейски - общепринятому понятію объ «эстетическомъ наслажденіи», составляетъ терминъ *раса* (*rāsa*), буквально *вкусъ* т. е. то преобладающее чувство, которое проникаетъ собою данное произведеніе или отдѣльную часть его и заставляетъ читателя-слушателя испытать, пережить, «*вкусить*» соотвѣтствующее ощущеніе. Въ соотвѣтствіи съ 8 главными «основными» чувствами различается и 8 «вкусовъ» *раса*: любовный (*ṣṛṅgāra*), комическій (*hāsyā*), жалостный, патетическій (*karuṇā*), ужасный, трагическій (*raudra*), героическій (*vīra*), страшный (*bhayaṇaka*), отталкивающий (*bibhatsa*), чудесный, удивительный (*adbhūta*) соотвѣтствующіе восьми основнымъ чувствамъ, аффектамъ (*bhāva*): любовь (*rati*), смѣхъ (*hāsa*), печаль (*śoka*) гнѣвъ (*krodha*), отвага (*vīra*), страхъ (*bhaya*) отвращеніе (*jugupsā*), очарованіе, удивленіе (*vismaya*). Конечно, доминирующимъ для «Облака-пастуха» будетъ «раса» любовный. Но и въ «любовномъ вкусѣ» индусы дѣлаютъ еще подраздѣленіе, такъ сказать, мажорное и минорное: «любовь въ наслажденіи» (*sambhoga-ṣṛṅgāra*) и «любовь въ разлукѣ» (*vīralambha-ṣṛṅgāra*). Индусы были великими мастерами въ изображеніи и смакованіи «любовной тоски» и ихъ поэтизація разлуки роднится въ сущности со «страстнымъ томленіемъ» (*Sehnsucht*) германскаго романтизма. Индусы и теперь особенно любятъ въ Шекспирѣ «Ромео и Джульетту» и конечно оцѣнятъ когда узнаютъ «Тристана и Изольду» Вагнера. Въдѣ словъ Джульетты: «не зная, слишкомъ рано увидала, и слишкомъ поздно я его узнала!» (*Too early seen unknown and known too late*) и Изольды: «Мною избранъ, мной утерянъ!» (*Mir erkoren, mir verloren*) можно назвать квинтъ-эссенціей индійскаго «*vīralambha-rāsa*»¹⁾.

Современный индійскій критикъ Рангачарья²⁾, разбираая съ большимъ тактомъ и тонкимъ чутьемъ элегію Калидасы и отбрасывая всю напряженность страсти ее героя, проникнутой однако же и само-

1) Индусы тѣмъ болѣе могутъ „вкусить“ прелесть поэзіи „Тристана“, что самая музыка Вагнера изъ всѣхъ европейскихъ композиторовъ имъ приходится особенно по душѣ, какъ подтверждаетъ въ своемъ только что вышедшемъ капитальномъ изслѣдованіи Странгуэйзъ. (*Strangways. Music of Hindostan. Oxford. 1914. p. 426*) Hindus have said to me more than once that they like Wagner best of our music.

2) *Rangacharya* I. c. p. 20—31, 89—92.

онъ ради спасенія и поддержанія жизни любимаго существа, считать что это «самозабвеніе въ любви» (the pathos of self-love) и есть основной ея «раса». Можетъ ли европейскій «вкусить» поэзію «Облака-вѣстника» въ этомъ смыслѣ? Мнѣ кажется, что можетъ, хотя, конечно, причины и условія того, что называемъ обыкновенно «эстетическимъ наслажденіемъ» часто несомненно субъективны, что удобнѣе было бы и здѣсь при помощи индійскаго объясненія и привести лишь стихъ поэты Калидасы (Сакунтала, V, 2):

Когда любуюсь прелестью, или внемля чуднымъ звукамъ,
 бываю въ счастья вдругъ тоской охваченъ человекъ,
 то безсознательно его душа припоминаетъ
 привязанностей въ прежнихъ воплощеняхъ прочный слѣдъ.

II. Риттеръ.

II.

Облако-вѣстникъ (Meghadûta).

Древне-индійская элегія Калидасы.

(Переводъ съ санскритскаго съ примѣчаніями).

I часть (pûrvamegha).

1.

Отторгнутой отъ милой гнѣвнымъ приговоромъ властелина,
На годъ изгнанья обреченный за проступокъ, падшій Якша
Въ пріютъ тѣнистый средь лѣсовъ на Рама-гири удалился,
Близъ водъ прозрачныхъ, дщерью Джанаки купаньемъ освященнымъ.

Вся поэма написана стансами, по 4 строчки въ каждой, однимъ и тѣмъ же мѣромъ *mandâkrânta*, характеръ и темпъ котораго можно буквально передать терминомъ нашей музыкальной агогикки: *lento andante*. Каждая строчка состоитъ изъ 17 слоговъ съ цезурой послѣ 4-го или 10-го:

1. Рамагири - гора Рамы, вѣроятно нынѣшній Рамтекъ къ сѣв. отъ Наллуръ въ Центр. провинціи, одно изъ многихъ легендарныхъ «убѣжищъ Рамы», посѣщенное героемъ «Рамаяны» во время его 14-лѣтняго изгнанія, раздѣленнаго съ нимъ женою Ситой, дочерью Джанаки, царя Видехійскаго. Когда она была похищена чудовищемъ великаномъ Раваной (ср. I, 31 с, 58) на сказочный островъ Ланка. Рамъ освободилъ ее лишь съ помощью обезьяняго войска и рыцаретвеннаго героя — обезьяна Ханумана (ср. II, 37). Въ Индіи отъ древнихъ временъ и до сихъ поръ она является воплощеніемъ идеала женской вѣрности и любви.

Властелинъ т. е. Кувера, царь Якшей, богъ богатства; другой его зовутъ Царь царей (ср. I, 3).

2.

...милый на горѣ проведши больше полугода
...иши съ исхудалыхъ рукъ запястья золотыя,
...ить какъ-то лѣтомъ облако, прильнувшее къ вершинѣ
...сонъ, когда согнувшись хочетъ нанести ударъ пригорку.

3.

...ипростоялъ предъ нимъ слуга Царя царей въ раздумьи,
...изезы, весь охваченный глубокою тоскою.
...и облака тревогу ощущаютъ и счастливыцъ
...бѣе изгнанникъ, жаждущій обнять свою подругу!

4.

...ажь осень; чтобъ придать своей супругѣ жизни силы
...прить облако объ участи своей ей вѣсть доставить.
...почтивъ его цвѣтами свѣжими, какъ подношеньемъ,
...ишь ласково о ласковомъ супруги утѣшени.

5.

...и), создание свѣта, воздуха, воды и пара,
...иеть вѣстникомъ служить и передать живое слово?
...ишь думалъ, вѣрно, Якша, весь охваченный тоскою:
...и созданья отымають вѣдь способность къ разсужденью.

Возомъ именно въ первый день мѣсяца *ашадха* (іюнь ст. стили), пред-
...и мѣсяцу *набхаса* или *шравана* (іюль), начинающему дождливое время
...и Индусы еще въ древности установили дѣленіе года на 6 сезоновъ, по
...и каждой: *гришма* (лѣто), *варша* (дожди), *шярадъ* (осень), *хеманта* (зима),
...и (начиная весна), *васанта* (весна), ср. II, 2.

Хура и потеря браслетовъ, козець и т. п. у разлученныхъ любовниковъ одинъ
...и близкихъ симптомовъ, ср. «Сакунтала», т. III ст. 10, слова царя Душянты:

Отъ внутреннего жара жаркія текутъ ночью слезы
Изъ глазъ прикрытыхъ пальцами, а на рукахъ тускнѣтъ жемчугъ.
Хоть лука тетивы рукою исхудалой не касаюсь,
Запястья золотыя все скользятъ, скользятъ... я ихъ теряю!

Періодъ дождей считается наиболѣе томительнымъ для разлученныхъ (ср. I,
р. II 2-й строки весьма вѣроятенъ вариантъ непринятый Маллинатхой, но под-
...и тибетскимъ переводомъ (см. Beckh, Ein Beitrag, s. 11):

Всклинувъ отъ запаха цвѣтущихъ *кетика*, глотая слезы...

Кетика (*Pandanus odoratissimus* (ср. I, 23) см. Roxburg (Flora indica. Calcutta,
р. I): «его бѣлые лепестки распространяють чудесный запахъ, всеми при-
...и самымъ, самый роскошный и сильный изъ всѣхъ ароматовъ на свѣтѣ».

6.

— О ты, потомокъ славный знаменитыхъ облаковъ Пушкаръ!
Любимецъ Индры! знаю, обликъ свой мѣняешь, какъ желаешь.
Судьба велитъ: къ тебѣ я съ просьбой прибѣгаю. Коль откажешь,
Отказъ твой будетъ мнѣ почетнѣй, чѣмъ отъ низкаго услуга.

7.

Прибѣжище несчастныхъ, Облако! Доставь моей подругѣ
Извѣстье обо мнѣ, проклятымъ властелина разлученномъ,
Въ столицу Якшей прилетѣвъ, въ Алаку, гдѣ дворцы сверкаютъ,
Когда изъ роцъ самъ Шива мѣсяцемъ съ чела ихъ озаряетъ.

8.

И на тебя, когда помчишься ты своимъ путемъ воздушнымъ,
Надѣясь и вздыхая взглянуть жены путниковъ далекихъ.
Заслышавъ голосъ твой, кто сможетъ въ ласкахъ отказать супругѣ?
Лишь я, изгнанникъ бѣдный, вынужденъ проклятымъ властелина

9.

И тихо, тихо, пусть тебя качаетъ вѣтерокъ пріятный,
И нѣжнымъ пѣньемъ провожаетъ чатака, твой другъ крылатый!
И журавли, обвивъ кольцомъ тебя сулящаго потомство,
Уладу ихъ очей, сопровождать летящаю въ пространство.

6. *Пушкаръ*. Мифическая разновидность облаковъ покоящихся въ Гималаяхъ и долженствующихъ затопить вселенную въ концѣ мірового цикла, находящагося въ періодѣ «Кали-юга» начавшемся со времени сраженія Курундовъ и Пандавовъ въ «Махабхаратѣ» (ср. I, 48, 49), по индійскому лѣтосчисленію за 3102 ч. до Р.-Х. Индра, богъ-громовержецъ, является и повелителемъ облаковъ. Не лежитъ ли въ основѣ индійской классификаціи «облачныхъ фамилій» различіе ихъ по формѣ, дѣлится ли? ср. *Н. Морозовъ*. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Гл. III «кое-что о типическихъ формахъ, принимаемыхъ облаками во время осеннихъ грозъ».

Къ морализирующей сентенціи ср. *Калдеронъ* «Жизнь есть сонъ». Яога. III, еск. 3, слова Расауры:

No tengo que prevenir
Que en un varon singular

Cuanto es noble accion el dar,
Es bajeza el recibir.

7. Богъ Шива (онъ же называется часто «Владыка») очень благоволяетъ къ Куверѣ и часто посѣщаетъ его роши близъ Алаки, покинувъ высоты Гималаевъ, въ которыхъ предавался аскетическимъ подвигамъ. Чело Шивы украшено місяцемъ или діадемой, у него три глаза и синяя шея (ст. I, 34).

9. По вѣрованію индусовъ птичка Чатака (*Cuculus melanoleucus*) выводитъ только дождевыхъ вапль, а журавли плодятся осенью, послѣ дождей.

10.

ты увидишь, наконецъ, ее, супругу брата,
 какъ быстрый мой! Она жива и вѣрно дни считаетъ.
 Стебелѣ цвѣтку, такъ сердцу женщины вѣжному въ разлукѣ,
 плучъ, подавъ опору, ихъ отъ гибели спасаетъ.

11.

Въ громъ, твой голосъ сладостный для слуха, что всю землю
 словно зонтомъ изъ грибовъ, тотчасъ же за тобою
 и полетятъ, по Мана́са далекомъ стосковавшись,
 плышь стеблями лотоса вплоть до горы Кайласа.

12.

и обними горы высокую вершину,
 и чтутъ на склонахъ слѣдъ стопы священной Рагхуида.
 и вѣрный годъ, когда возобновляется съ тобой свиданье,
 и къ тебѣ горячими слезами проявляетъ.

Всѣ Якша называетъ себя самого братомъ Облака-вѣстника. Въ драмѣ
 (VIII в. по Р. X.) «Малати и Мадхава», актъ IX, есть сцена и стихи
 и слѣдъ подражательности этимъ ближайшимъ стихамъ. Герой драмы
 и слученный со своей возлюбленной Малати, тоже обращается къ облаку
 и же стихотворномъ размѣрѣ:

Тебѣ, мой другъ, какъ друга милаго не обнимаетъ молнья?
 И журавли обычной вѣжности не выражаютъ?
 И вѣтерокъ восточный мягкой ласкою не освѣжаетъ?
 И Индры лукъ (ст. 1, 15), вездѣ сверкающій, не украшаетъ?
 Коль, странствуя свободно въ мірѣ, милую мою ты встрѣтишь,
 Утѣшь ее сперва, потомъ повѣдай о судьбѣ Мадхавы.
 И да не будетъ этой вѣстью срѣзанъ стебелекъ надежды:
 И такъ едва-едва онъ держитъ жизнь моей прекрасноокой!

Священное озеро Манаса (нынѣ Манасороваръ) лежитъ за сѣвернымъ
 Малаевъ; изъ него берутъ начало истоки Сѣтледжа и Брахмапутры. Это
 озеро близъ лежащая гора Кайласа (ст. I, 58) необычайно священны для
 и та мѣстность подробно обследована, описана и изображена у Свена Хен-
 nimäläyа, Entdeckungen und Abenteuer in Tibet, B. II, s. 90—130 (Leip-
 ытось, какъ извѣстно, самый излюбленный цвѣтокъ въ индѣйской поэ-
 значеній его есть много синонимовъ, но кромѣ того различаются лотосы
 ичные, затыль—бѣлые, голубые и розовые. R. Schmidt. Beiträge zur
 asica. Z. D. M. G. 1913. III.

Рагхуидъ т. е. Рама. Облако ороситъ дождемъ гору, а капли росы будутъ

13.

Теперь узнай свой путь: я лучший укажу, тебя достойный.
Услышь потомъ для слуха уопительный привѣтъ сурругъ.
Когда устанешь, утомленный лишь прильни къ вершинѣ горной
Испей воды рѣчной и отдохнувъ пускайся въ путь проворно!

14.

— «То вѣтеръ хочетъ снести горы вершину» такъ вперивши взоръ
Дрожа наивно скажутъ жены Сиддховъ, твой полетъ замѣтивъ.
Покинувъ склонъ покрытый сочнымъ камышомъ, лети на сѣверъ,
Избѣгнувъ на пути нападки хобота слоновъ суровыхъ.

15.

Ты встрѣтишь еочетанье чудное рубиновъ и смарагдовъ.
То радуга, дуга надъ муравейникомъ отъ лука Индры.
Твой обликъ синій ею отѣнится ярче и милѣе,
Какъ смуглый Кришна-пастушокъ хвостомъ блистающимъ пастухъ.

14. Сиддхи—гении, полубоги витающіе въ поднебесьи, отличающіеся чистотою и святостью и обладающіе 8-ю чудесными свойствами, позволяющими имъ достигнуть всего желаемого. По индійской мифологии 4 главныхъ и 4 промежуточныхъ странъ горизонта поддерживаются 8-ю исполинскими „вселенскими“ слонами (*dig-naga*) „сѣверномъ“ изъ нихъ Айравата, любимецъ Индры, см. I. 51, 62. Стихи 3 и 4 — метастансы, по толкованію Маллинатхи представляютъ изъ себя *chlesha* т. е. омонимическую игру словъ, построенную на томъ, что слово *Nicula* (Ничула) обозначаетъ также имя некоего поэта Ничула, современника и друга Калидасы, а *Dignaga* — также имя некоего жестокого, „литературнаго критика“.

Покинувъ склонъ, гдѣ жилъ изысканный Ничула, лети на сѣверъ.

Избѣгнувъ на пути нападки отъ жестокихъ рукъ Дигнаговъ!

15. Лукъ Индры т. е. радуга, олицетворяемая еще въ Ригъ—Ведѣ (X, 10) въ видѣ особаго божества Гандхарва-Вена, видна лишь тогда, когда Индра вступаетъ тетиву, отправляясь на подвигъ; она подымается изъ муравейника, гдѣ скрывается змѣя. Для этой ассоціаціи образовъ ср. *Taittiriya-brāhmayānam*, I, 5, 3-4. Древнихъ индусовъ луки были очень большого размѣра, такъ что одинъ воинъ упирался въ землю при стрѣльбѣ (*Arrianus Indici*, 16).

Кришна, одно изъ воплощеній Вишну, извѣстенъ еще въ „Махабхаратѣ“ особенно по знаменитому эпизоду въ VI книгѣ „Бхагавад-гиты“. Пребываніе Брахмы въ видѣ пастушка среди красавицъ-пастушекъ изображено яркими красками въ знаменитой поэмѣ „Гита-говинда“ Джаядевы (XII в. по Р. X.); эту „эротическую пастораль“ индусы истолковываютъ и символически, въ родѣ „Пѣснь пастуха“ Соломона. ср. предисловіе С. Леви къ переводу Куртилье. *Le gita-govinda* poème de Jayadeva, traduit par G. Courtilier. (Paris 1904).

16.

пахарямъ приносишь урожай!»! съ улыбкой простодушной
горя, ихъ жены нѣжно взорами въ тебя вопьются.
тѣмъ ароматомъ свѣжей пахоты надъ полемъ Мала,
тѣмъ путь слегка на западъ, а потомъ лети на сѣверъ.

17.

увлажшаго дождемъ лѣсной пожаръ на склонахъ горныхъ,
и тѣмъ скитальца, вознесетъ высокій Амракута.
и тѣмъ позабыть не можетъ человекъ ничтожный:
и тѣмъ поддержать тебя рѣшится исполинъ тотъ горный?

18.

и тѣмъ вершину смуглой шапкою своей покроешь
и тѣмъ, зардѣвшимся золотомъ созрѣвшихъ манго,
и тѣмъ дивная для небожителей картина: словно
и тѣмъ раскрыла грудь. Кругомъ свѣтло, а въ серединѣ тѣмно!

19.

и тѣмъ, убѣжищемъ лѣсныхъ дикарокъ, обождавши,
и тѣмъ много влаги, станешь легче и помчавшись дальше
и тѣмъ вѣду близъ Виндхійскихъ горъ: бѣгутъ струи по камнямъ
и тѣмъ, какъ морщинки, что слона узоромъ покрываютъ.

20.

и тѣмъ дождь, отвѣдай волнъ благоухающихъ отъ пота
и тѣмъ разбивающихся въ бѣгъ объ куртины джамбу.
и тѣмъ когда ты полнъ воды, тебя унести не въ силахъ вѣтеръ:
и тѣмъ многокъ тотъ, кто пусть, а вѣсь имѣетъ только полный!

16. Ян-явроятно нынѣ мѣстечко Мала, къ сѣв. отъ Раттанпура въ провинціи
архивали въ горахъ Мекаль. Эта мѣстность издавна славится своимъ плодо-
и тѣмъ советъ „житвицей Индіи“. Murray's Handbook for travellers, 5 edition, s. 85.
17.—18. Манго (дерево, цвѣтъ и сочные ароматичные плоды золотистаго цвѣта)
и тѣмъ Amra, отсюда Amra-kuta-манговая вершина, нынѣ Амаркантакъ на
и тѣмъ Виндхійскаго хребта, гдѣ берутъ начало рѣки Нармада или Рева (нынѣ
и тѣмъ впадающая въ Камбѣйскій заливъ) и Сона, притокъ Ганги.
19. Дамбу (Eugenia glomerata), кустарникъ съ черными плодами, отъ котораго
и тѣмъ и одно изъ своихъ туземныхъ названій: Джамбу-двипа. Потъ, струя-
и тѣмъ и слоновъ во время течки и образующій своими струйками прихот-
и тѣмъ считался необычайно ароматичнымъ.

21.

На вѣжныхъ стебелькахъ коричнево-зеленые кадамба
И отпрыски банановъ молодые надъ рѣкой увидѣвъ,
Почуявъ крѣпкій аромать земли среди лѣсныхъ пожарищъ,
Укажутъ серны путь тебѣ, а ты омоешь ихъ струями.

21а.

Увидѣвъ птичекъ чака, ловящихъ капли дождевыя,
Слѣдя за длинной вереницей журавлей и ихъ считая,
Заслышавъ громъ, поплютъ тебѣ свои благодаренья Сиддхи,
Вкусивъ объята страстныя супругъ, отъ страха къ нимъ прильнувши

22.

Предвижу я: какъ ни спѣшишь вѣсть обо мнѣ принесть супругъ,
Задержишься ты на горахъ благоухающихъ цвѣтами:
Тебя тамъ встрѣтитъ свѣтлый влажный взоръ и звонкій крикъ павлиновъ.
Не сможешь ты разстаться сразу и безъ промедленья съ ними!

23.

Въ Дашярна прилетишь: цвѣтами кѣтака луговъ ограды
Бѣлѣютъ, вдоль дорогъ щебечутъ на деревьяхъ птички въ гнѣздахъ,
Лѣсовъ опушки почервѣли отъ плодовъ созрѣвшихъ джамбу.
Навѣрно, тамъ на нѣсколько ужъ дней задержатся фламинго!

24.

Добравшись до столицы ихъ, прославленной вездѣ Видиши,
Ты, какъ любовникъ, утолишь свиданья страстное желанье,
Испивши поцѣлуй Ветравати: она бурлитъ волнами
И хмурится, какъ женщина, заслышавъ громъ надъ берегами.

21. Кадамба-Нипа (Nuclea orientalis), ср. II, 2. Кадали (Musa sapientum) — бананъ. Варіантъ, допускаемый и Маллинатхой для 2 и 3 строки:

*Увидѣвъ надъ рѣкой, и молодые отпрыски банановъ
Оттуда, крѣпкій аромать земли среди лѣсовъ почуявъ.*

22. Павлинь всегда испытываетъ жажду; когда онъ прѣвѣтствуетъ приближеніе дождя радостнымъ крикомъ, то глаза его увлажняются слезами.

23—24. Дашярна — нынѣ пров. Бундельхандъ; столица ихъ Видиши (нынѣ Бхильса), гдѣ происходитъ и дѣйствіе драмы Калидасы „Малавика и Агинджитъ“. Ветравати (нынѣ Бету), притокъ Джумны.

25.

настановись и отдохни на горкѣ Ничай; тотчасъ
съ тобой она вся содрогнется юными кадамба.
пещерахъ куртизанокъ. ароматъ душисто-пряный
существовъ сладострастья юныхъ горожанъ оставилъ.

26.

всплывъ силъ лети впередъ, струями освѣживъ бутоны
жасмина, что сады вдоль береговъ рѣки покрыли.
прохлади на мигъ прелестныхъ дѣвъ — цвѣточницъ щечки:
тихъ потъ рукой всѣ ушки-лотосы измяли.

27.

кои и прійдется уклониться отъ пути на сѣверъ,
сплывуй Уджанни съ ея террасами, дворцами.
судьбы разочарованъ, если не поддашься чарамъ
свѣжающихъ, какъ молнии, у прелестныхъ горожанокъ.

28.

иди и встрѣтишь съ поясомъ изъ птицъ кричащихъ надъ волнами:
красавица, она водоворотъ свой выставляетъ.
всплывъ ней, ты жажду утолишь: извѣстно, что у женщинъ
ослабѣвъ любовникомъ въ любви признанье замѣняетъ.

3. Горка Ничай т. е. низкая, повидимому возлѣ Бхильсы. „Содроганье“, „сознанье дыбомъ“ волосъ на тѣлѣ, одинъ изъ обязательныхъ атрибутовъ „сладострастья“ у индусовъ. О специфическомъ „ароматѣ“ „изрыгаемомъ“ поэтомъ буквально въ оригиналѣ) пещерными гротами, замѣнявшими „отдѣль-
близнѣ“, Маллипатха говоритъ, какъ объ особомъ качествѣ индійскихъ

жасмина (jasminum auriculatum), yuthikā. Сравненіе лица, ушей, рта, съ лотосами опять одно изъ общихъ мѣстъ индійской поэзіи.

4. Уджанни (Ὀζύνη у грековъ) или Аванти (нынѣ Уджейнъ въ владѣніяхъ князя Аліора на плоскогоріи Мальна), резиденція знаменитаго въ индійской исторіи императора. Описаніе современнаго состоянія Уджанни, этой „Флоренціи Востока“ и сохранившихся тамъ памятниковъ см. Deussen Erinnerungsbilder, s. 194—201 (Kiel-Leipzig, 1904). Jackson Notes from India. J. o. S. 1902, p. 307—317.

5. Паниндхья, одинъ изъ небольшихъ притоковъ Чамбала (см. I, 45), на рѣкѣ Уджанни. Подлинное слово пунъ („глубокій“ пунъ считался однимъ изъ очаровательныхъ красавицъ, ср. II, 19), въ переводѣ замѣненъ болѣе подходящимъ словомъ уха „дономъ“. Здѣсь дѣлается намекъ на „флиртъ“ рѣки (женщина) (слово мужнина).

29.

Въ разлукѣ исхудавъ, косою тонкой извивая струйки
И потускнѣвъ отъ листьевъ, что поблекли и съ деревь упали,
Рѣка тоску жены въ разлукѣ любящей тебѣ представить:
Твой долгъ теперь ее утѣшить и наполнить свѣжей влагой!

30.

Въ Аванти, гдѣ въ селеньяхъ старцы повѣствуютъ о дѣяньяхъ
Удаяны, въ столицу славную Уджайни отправься.
Какъ будто для блаженныхъ за заслуги мало царства Индры!
И на землѣ еще для нихъ есть уголокъ блаженный: тамъ онъ!

31.

Тамъ вѣтеръ съ Шипры на зарѣ приносить нѣжный крикъ фламанды
И запахъ лотосовъ, расцвѣтшихъ при его прикосновеньи,
Онъ силы женщинъ истомленныхъ сладострастьемъ обновляетъ:
Такъ смѣлымъ словомъ и движенъемъ ихъ любовникъ возбуждаетъ.

31a.

Тамъ увидавъ на рынкахъ груды камней драгоценныхъ
И нити жемчуга, и изумрудовъ, какъ трава, зеленыхъ,
Коралловые вѣтки, ты подумаешь: пучина моря.
Утративъ всѣ свои сокровища, лишь воду сохранила!

29. Вѣрная жена въ разлукѣ съ мужемъ не должна заботиться о своей кривизнѣ и заплетаетъ волосы въ одну косичку, которую можетъ расплести только самъ супругъ по возвращеніи: ср. 11, 28, 29, на что здѣсь дѣлается какъ бы „варительный“ намекъ.

30. Легендарный царь Удайна, влститель народа Ватса (его столица была Каушамби къ сѣв. отъ Аллахабада), похитившій принцессу Васавадатту, дочь царя Прадхота-Чандамахасена, влстителя Уджайни. Легенда объ ихъ приключеніяхъ имѣла обильный матеріалъ поэтамъ и составляетъ также основную рамку для „индійскаго Декамерона“, сборника „Катхасаритсагара“ кашмирскаго писателя Сомадевы (XI в. по Р. Х.). Въ недавно открытой драмѣ предшественника Калидасы, знаменитаго Бхасы (ср. примѣчаніе на стр. 7 вступительной статьи) озаглавленной „Сонъ Васавадатты“ (Svapnavāsavadatta) изображается дальнѣйшій эпизодъ: женитьба Удаины на второй „главной женѣ“, Падмавати, принцессѣ Магадхійской.

31. Шипра, тоже притокъ Чамбала, протекающій близъ Уджайни

31b.

Удаяна прелестную похитилъ дочь Прадхоты,
пальмы золотой его бесѣдка тамъ стояла
обпенствѣ исторгнулъ изъ земли свой столбъ слонъ Налагири,
гостей разсказами объ этомъ забавляютъ.

31c.

жани состязаются съ зелеными конями солнца,
велики слоны: съ висковъ ихъ потъ, какъ дождь, струится.
храбрецы, что съ исполиномъ Раваной сражались,
меч на тѣлѣ обнаженномъ выставляютъ.

32.

изъ оконъ ароматомъ отъ волосъ упившись
павлиновъ дружески кричащихъ насладившись,
бѣгѣ, прійдя въ восторгъ отъ зрѣлища террасъ дворцовыхъ,
цвѣтами и слѣдами краски женскихъ ножекъ.

33.

синей шеей Шивы, предъ тобой склонятся Ганы,
святой обители Владыки трехъ міровъ направся:
сады тамъ вѣтерокъ съ Гандхавати душистый
полюбовь и волнь, гдѣ женщины купаньемъ забавлялись.

31b, с хоть и обозначены у Маллинатхи, какъ „вставки“, но все же ком-
руетъ имъ. Этотъ нѣсколько перегруженный „Бедеръ для Уджаяни“ очевидно
руетъ предвосхищаетъ фантастическую картину Алаки (II, 1—11). Цвѣтъ
вещихъ колесницу Солнца, по индѣйской традиціи—зеленый.

33 Гандхавати (т. е. душистая) вѣроятно одинъ изъ притоковъ Шьяры или
озеръ, одно изъ которыхъ, по словамъ Дейссена (l. c.) до сихъ поръ
называется.

Ган-геніи составляющіе свиту Шивы и его сына, бога мудрости, Га-
II Шивы посетила послѣ того, какъ онъ по просьбѣ остальныхъ бо-
спасенія всего міра выпилъ страшный ядъ, всплывшій со дна океана
богами, дабы при его бурленіи получить 14 знаменитыхъ сокровищъ, въ
были и напитокъ безсмертія (amṛta, ἀμβροσία), корова Сурабхи

34.

Когда бъ ни прибылъ ты, о другъ мой, въ Махакала, долженъ выждать
Пока не скроется отъ глазъ твоихъ за небосклономъ солнце.
Удары барабана при вечернемъ славословьи бога
Торжественнымъ замѣнишь громовымъ раскатомъ къ вѣщей славы.

35.

Звеня при пляскѣ поясами баядерки, опустивши
Подъ тяжестью священныхъ опахалъ въ изнеможенны руки,
Тебѣ гирлянды взоровъ, черныхъ пчелокъ, бросаешь въ благозарю
Ты раны имъ омылъ, слѣды ногтей любовниковъ горячихъ!

36.

Потомъ свернувшись шаромъ надъ руками бога, какъ надъ рошей
И вспыхнувши китайскихъ розъ румянцемъ, краше зорь вечернихъ
Слона окровавленную замѣнишь шкуру въ пляскѣ Шивы
И яснымъ благодарнымъ взоромъ будешь награжденъ богини.

37.

Когда по Царской улицѣ во мракѣ непроглядномъ въ полночь
Спѣшать къ любовнику въ его жилище женщины со страхомъ,
Ихъ вспышкой молнии озари, какъ золотой чертой по камню.
Но воздержись отъ грома и дождя: онѣ вѣдь боязливы.

34. Махакала-святилище Шивы, близъ Уджаини, было очень популярно, о въ романѣ „Похожденія 10 принцевъ“ Дандина (VI в. по Р. X.). Молитва три раза въ день, утромъ, въ полдень и вечеромъ, обязательна для правотѣрнаго брахманы; въ храмахъ и святилищахъ она сопровождается пѣніемъ, инструментальной музыкой и пляской (ср. I, 35, 56).

35. Царапины и укусы—обязательный элементъ индѣйской „любвонной науки“. См. „Камасутра“ Ватсьянины. II часть, глава 10, 11. „Знатокъ“ умѣлъ „выпарывать“ даже особые узоры, какъ то: полумѣсяцъ, тигровый коготь, павиный змѣй, заячій прыжокъ, лепестки лотоса и т. д.

36. Шива изображается съ 4 или 8 руками, воздѣтыми вверхъ. Каждый вечеръ онъ пляшетъ неистовый танецъ собственнаго паообрѣтенія вмѣстѣ со своей супругой Гаури (она же Бхавани, Кали, Парвати, Дурга) держа въ рукахъ одиозную шкуру убитаго имъ слона. Богиня не любитъ этого и поэтому очень рада, если Шива на этотъ разъ вмѣсто окровавленной шкуры по ошибкѣ схватитъ облакъ даита китайской розы (Japâ-pushpa=rosa sinensis).

37. „Царская улица“ (ср. II, 9) имѣлась въ каждомъ городѣ, какъ въ Италіи въ каждомъ городѣ есть свой „corso“.

38.

Ты и ночь на кровлѣ дома, гдѣ и голуби уснули,
другой-молнией, отъ сверканья непрерывнаго уставшей,
свѣдомъ солнца снова долженъ снарядиться ты въ дорогу:
дѣль порученье долженъ тотъ, кто обѣщался другу.

39.

Вѣннмъ любовницамъ подъ утро осушаютъ слезы
ижи утѣхами: нельзя скрывать отъ нихъ лучъ солнца!
Тѣмъ свѣточъ самъ росу осушить на цвѣтахъ лилей.
Иградишь пути его лучамъ, погибнешь жертвой гнѣва!

40.

Вѣннмъ обликомъ своимъ, какъ въ зеркалѣ, ты отразишься
вѣннмъ, ясныхъ, какъ спокойная душа, волнахъ Гамбхиры.
Вѣннмъ, свѣтлыхъ словно лотось, рѣзвыхъ, словно рыбки,
Играють въ водоворотѣ, ты не отвергай сурово!

41.

Вѣннмъ покровъ воды лазурный, стиснутый бамбукомъ гибкимъ—
ручи, оголивши бедра берега крутого,
Вѣннмъ ли, другъ мой, опустившись сможешь сразу вновь подняться:
Вѣннмъ обнаженную кто сможетъ, разъ вкусилъ усладу?

42.

Вѣннмъ понесетъ тебя по направленію къ Девагири
Вѣннмъ вѣтеръ, что даетъ созрѣть плодамъ лѣсныхъ смоковницъ.
Вѣннмъ аромат земли, упившейся твоею влагой;
Вѣннмъ слоны, поздрами радостно вдыхая.

Вѣннмъ Намекъ на „флиртъ“ облака со своей женой-молніей.

Вѣннмъ Дневной лотось—любовница солнца.

Вѣннмъ Гамбхира тоже притокъ Чамбала, на зап. отъ Уджанини.

Вѣннмъ Дикая смоковница (*udumbara*)—*figus glomerata*.

Вѣннмъ вѣтрице всего нынѣ Деогаръ немного сѣвернѣ линіи Уджанини-Бхильса.

43.

Потомъ ты превратись въ цвѣточный дождь и надъ жилищемъ Сканды
Излей потокъ цвѣтовъ, обрызганныхъ водой небесной Ганги.
Вѣдь весь свой жаръ и блескъ, что ярче солнца свѣта, самъ Владыка
На мѣстѣ томъ въ огонь излилъ, дабы спаслося царство Индры.

44.

Раскатомъ грома, гулко между горъ пронесшимся, заставишь
Плясать павлина, друга Сканды. Мѣсяцъ Шивы отразился
Въ его глазахъ; когда жъ перо съ глазкомъ онъ изъ хвоста тераетъ,
Для сына Гаури вмѣстѣ съ лотосомъ перо—серьгу вдѣваетъ.

45.

Почтивъ рожденнаго межъ камышами, продолжай дорогу:
Вѣдь Сиддхи съ лютнями, боясь дождя, отступать предъ тобою.
Но преклонись предъ рѣчкой, воплощеньемъ славы Рантидевы,
На мѣстѣ томъ, гдѣ приносилъ онъ въ жертву дочерей Сурабхи.

46.

Черпни изъ ней воды, склонившись низко, смуглый словно Кришна.
И небожителей четамъ на землю взоры опустившимъ
Широкая рѣка издалека покажется преузкой:
Какъ будто нитка жемчуга съ большимъ сапфиромъ посреднѣмъ.

43—44. Превращеніе облаковъ въ цвѣты, ниспадающіе съ неба на головы боговъ—героевъ, популярное вѣрованіе у индусовъ. Индійскій Марсъ, богъ войны Сканда (онъ же Картиккея, Кумара) сынъ Шивы, рожденъ безъ матери: Шива бросилъ свой „блескъ“ (semen geminale), ср. *Deussen. Geschichte der Philosophie*, I, 2, s. 263) въ огонь; тотъ передалъ его водамъ Ганги, откуда 6 нимфъ Криттика (т. е. созвѣздіе Плеядъ) извлекли новорожденнаго „межъ камышами“ бога и воспитали его, какъ сына. Сканда, святилище котораго лежало близъ Девагпри, изображался съ 6 глазами, 12 глазами и руками, державшимъ лукъ и вѣдущимъ верхомъ на павѣнѣ, своемъ любимцѣ. Богиня Гаури относится къ нему съ материнской нѣжностью.

45—46. Чарманвати (нынѣ Чамбалъ) притокъ Ямуны (Джумны). Рантидева, миеячскій царь Дашипура (нынѣ Дхольпуръ), 6-й изъ династіи Бхаратидовъ, несомнѣнно богатый, принесъ въ жертву столько коровъ, что кровь стекавшая съ ихъ кожи (по санскритски чарманъ) образовала рѣчку Чарманвати (т. е. кожанная). Сурабхи „божественная корова“ (ср. I, 33) разсматривается, какъ прародительница всѣхъ коровъ.

47.

тивъ черезъ нее, своею красотой возбудишь
ивъ игривыхъ взорахъ любопытныхъ женщинъ Дашяпура:
изъ бѣгаютъ, какъ серны пестрыя, рѣсницы вскинувъ,
изворы изъ-подъ лiанъ-бровей, какъ пчелки надъ жасминомъ.

48.

ви въ Брахмаварта, осѣнить своею можешь тѣню
идгѣ погибли воины и сражались Куруиды,
идуна потоки острыхъ стрѣлъ излилъ героямъ славнымъ
иды, какъ ты дождя струями лильи заливаешь.

49.

идъ, склонись и предъ священными водами Сарасвати:
идя передъ ними и самъ Плугоносецъ, что изъ дружбы
иды удалился, и вино оставивъ, и Ревати.
иды ты очистишься и будешь чернымъ лишь снаружи.

50.

идя возлѣ Канакхала къ дочери Джахну, снизошедшей
идны царственной горы и воскресившей Сагаридовъ.
иды бы смѣясь надъ гнѣвомъ Гаури, пѣнясь устремилась
иделнами мѣсяцъ на челѣ ея супруга—Шивы.

Брахмаварта или Курукшетра, священная для брахманизма по религіозно-экологическимъ традиціямъ мѣстность къ сѣв. отъ Дѣли, между рѣками Ганг-Опизати; здѣсь же возлѣ Тханесара мѣсто легендарной богатырской битвы Курудами и Пандуидами, окончившейся побѣдой послѣднихъ, описанной въ *Махатмѣ*. Арджуна, третій изъ 5 братьевъ, сыновей Панду, другъ Кришны, въѣзденнымъ лукомъ Гандива, полученнымъ отъ бога Индры.

Балазарама или Баладева, старшій братъ Кришны (предводителя племени *Махабхаратъ*), употреблявшій вмѣсто оружія свой плугъ „Лангали“, отъ коего прозвище „Плугоносецъ“, пожелалъ остаться нейтральнымъ въ битвѣ Буди Панду. Онъ очень любилъ выпить, но отказавшись отъ участія въ битвѣ и вино, и свою жену Ревати, и удалился на берега священной р. Сарасвати отъ всѣхъ рѣховъ.

Канакхала, нынѣ Канкхалъ, близъ Хурдвара, знаменитаго мѣста паломническато склона Гималаевъ; см. его описаніе Gordon Cunningham. In the Himalaya. 1901, p. 519—546.

Мифъ о сошествіи Ганги (по санскр. Ганга, ж. р.) съ небесъ рассказанъ въ *Махатмѣ* (I, 38—44): некогда царь Сагара, изъ Солнечной династіи, царившей

51.

Когда уверившись въ небо, словно слонъ Айравата, захочешь
Напиться изъ нея воды прозрачной, какъ хрусталь, и чистой,
И тѣнью затемнишь ея поверхность, можно будетъ думать,
Что Ганга здѣсь причудливо соединилась вновь съ Ямуной.

52.

Къ истокамъ Ганги прилетѣвъ, къ горѣ бѣляющей свѣтами
Съ утесами душистыми отъ мускуса газелей горныхъ,
Прильнешь къ вершинѣ, чтобы отдохнуть отъ странствій, и представишь
Какъ черный комъ, рогами бѣлаго быка Владыки взрытый.

53.

Когда въ горахъ лѣсной пожаръ, отъ тренья деодаровъ въ вѣдѣхъ
Начавшись, опалитъ быкамъ хвостовъ пушистые султаны,
Ты долженъ затушить его скорѣй, заливъ дождя струями;
Богатство—сила сильныхъ, коль утѣшило оно безсильныхъ.

въ Айодхѣ, имѣвшій 60000 сыновей, собирався въ сотый разъ совершать великій
обрядъ „жертвоприношенія коня“ (aśvamedha). Но этого сотаго коня, предназначеннаго
для жертвы, похитилъ богъ Индра и скрылъ его въ подземномъ царствѣ. Царь Са-
гара повелѣлъ всемъ своимъ сынамъ отыскать коня; не найдя его нигдѣ на землѣ,
они начали рыть землю и въ преисподней натолкнулись на стоявшаго подлѣ камня
святаго аскета-мудреца Капила, погруженнаго въ созерцанье. Потроженный Ка-
пила однимъ своимъ гнѣвнымъ взглядомъ сжегъ всехъ Сагаридовъ. Много тысячъ
лѣтъ спустя одинъ изъ потомковъ Сагары, царь Бхагиратха своими аскетическими
подвигами добился того, что боги позволили небесной рѣкѣ Гангѣ спуститься на
землю, оросить и освятить своею водою прахъ Сагаридовъ, которые смогли тогда
сразу попасть на небо. Но такъ какъ Ганга не могла сразу прикоснуться къ землѣ,
то Шива подставилъ ей свою голову, чѣмъ возбудилъ ревность своей супруги Пар-
ри. Протекая дальше по землѣ Ганга потрожила аскета Джахну; тотъ въ гнѣвѣ
проклялъ ее и выпилъ всю ея воду; но потомъ смягчился и „родилъ ее вновь“, по-
ливъ черезъ свое ухо; отсюда эпитетъ Ганги „дочь Джахну“.

51. Ямуна (Джумна) соединяетъ свои мутныя воды съ прозрачными струями
Ганги близъ древней Праяги (нынѣ Аллахабадъ), и дѣлаетъ ихъ темными; такой же
свѣтовой эффектъ произведетъ и тѣнь облака.

52. Гималайскій хребетъ (Himālaya — обитель свѣта), считается также истокомъ
Ганги. Быкъ Нанди, любимецъ Владыки-Шивы, ослѣпительно бѣлаго цвѣта (ср. 6, 50).

53. Деодары или индійскія сосны (*Pinus longifera-deodora*) растутъ на
высотѣ отъ 6 тыс. футовъ, ихъ санскритское названіе devadāru (божественное де-
рево), sarala.

Заключительную сентенцію въ духѣ альтруистической морали ср. съ стихами
Бхартрихари (Nitiśāstra, 74, 75 по бомбейскому изданію Голиватка).

54.

и стремятся на тебя свирѣные шарабхи,
вернешь съ пути внезапно, ихъ погибель неизбежна.
лучше отгони ихъ прочь и громомъ, и дождемъ, и градомъ;
и да будетъ потерпѣвшій нападаю неудачу!

55.

и скалѣ увидишь слѣдъ стопы священной Шивы. Сиддхи
и сходятъ на колѣна въ моленьяхъ неустанно. Слѣдуй ихъ примѣру!
и войрой подойдетъ къ нему, тотъ отъ грѣховъ уже очищенъ;
и ждешь жъ тѣла ждешь его удѣлъ блаженный Гановъ.

56.

и когда въ него проникнетъ вѣтеръ, зазвучитъ пріятно,
и жены будутъ воспѣвать побѣду надъ Трипурой.
и войрой ты забарабанишь мягко между скалъ священныхъ,
и насладится музыкой и пѣньемъ своихъ вѣрныхъ.

57.

и на эти чудеса на снѣжныхъ склонахъ Гималая,
и вѣрь, какъ фламинго, горнымъ переваломъ Краунча,
и ражиль сынъ Джамадагни. Узкой полосой извившись,
и Вишну угодилъ стоишь, сразившей Бали.

54. Шарабхи—мифическія животныя въ родѣ оленя съ 8 ногами, враги льва

55. Симхары—мифическія существа изъ „музыкальной свиты“ Куверы, съ туловищемъ и лошадиной головой. Трипура, сынъ Бали, 1000-рукій и когда побѣжденный Шивой, который теперь въ своемъ святилищѣ Канарѣ, слышитъ слѣдъ его священной стопы, наслаждается „концертомъ“ (sangitana) „индійскимъ ансамблемъ“: пѣніе, духовые (бамбукъ) и ударные инструменты.

57. Сынъ Джамадагни т. е. Парашю-Рама (Рама съ скинрой) изъ древняго жреца Бхригу, непримиримый врагъ касты кшатріевъ (воиновъ), считающійся отцомъ изъ воплощеній Вишну, какъ и Рама, съ которыми онъ даже встрѣчается (Bhavansa, XI, 68—94). Сказаніе о Джамадагни, его женѣ, убитой и восстановленъ ихъ покорномъ сынѣ дало мотивъ для второй пьесы въ „поэтической трилогии“ „Paria“ (Des Paria Gebet. Legende, Dank des Paria), законченной въ 1890 г. и 30 лѣтней обработки, см. *Haberlandt. Der altindische Geist.* (Leipzig, 1900) и *Winternitz's Indische Legenden.* Желая помочь въ великой битвѣ Мандундамъ

58.

Пройдешь и станешь гостемъ зеркала богинь, горы Кайласа.
Что Равана многоголовый тщетно сокрушить пытался.
Вершинами, какъ лотосъ бѣлыми, она уходитъ въ небо,
Сверкая словно отъ вѣковъ застывшій бѣлый хохотъ Шивы.

59.

Предвижу зрѣлище: какъ будто темной краской умашенный,
Надъ бѣлой, словно клыкъ слона, вершиною горы поднявшись,
Очамъ отъ изумленья неподвижнымъ ты предстанешь дивно,
Какъ темный плащъ, облекшій плечи плугоносца Баларамы.

60.

Когда самъ Шива, сбросивъ прочь змѣю—свое запястье, руку
Подастъ, чтобъ по «Горѣ забавъ» съ ней шествовать богинѣ Гату,
Тогда согнись извивами, внутри себя сдержавши воду,
Ставь лѣстницей для восхожденья ихъ по ступенямъ алмазнымъ.

онъ покинулъ гору Кайласа, гдѣ жилъ ученикомъ у Шивы, и проложивъ себе
резъ Гималаи проходъ въ горѣ Краунча; вѣроятнѣ всего подразумѣвается этотъ
проходъ Нити (свыше 16 тыс. ф.) наиболѣе близкій къ озеру Манаса. Бал, страш-
ный демонъ, сынъ Прахлады и отецъ Трипуры, наводилъ ужасъ на всѣхъ боговъ.
По ихъ просьбѣ Вишну воплотился въ видѣ карлика и попросилъ у Бала, что-
бы «странство въ 3 шага». Исполнивъ согласился, а Вишну въ два шага прошелъ ма-
и небо, третьимъ же наступилъ на самого Бала и загналъ его въ преисподнюю.

58. Когда 10-головый демонъ—исполнивъ Равана, похитившій впоследствии
Ситу (см. I, 1)—въ своемъ высокомъ вѣнцѣ пытался унести вершину священной гора-
ной горы Кайласа, то Шива помѣшала этому: руку Раваны прищемила уступы
и 2000 лѣтъ не выпускали.

Образцами «идеальной» бѣлизны у Индусовъ считались (см. Дандинъ, *Dar-
kṣaṇaśaṣṭitām*, I глава «Вступленія»): осенній мѣсяцъ, жасминъ, камфора, жемчугъ,
лотосъ, лебедь, слонъ Айравата, молоко, гора Кайласа и громкій хохотъ
Шивы. Если для насъ странно звучить «бѣлый смѣхъ», то для индуса вѣроятно стр-
ненъ «красный смѣхъ?».

59. Баларама (ср. I, 49) въ отличие отъ своего брата, темнокожаго Кра-
(т. е. чернаго), самъ свѣтлокожій, но носитъ темный плащъ.

60. Шива носитъ, какъ запястье, змѣю, чѣмъ смущаетъ свою супругу Гату,
радъ которой онъ снимаетъ это украшеніе передъ прогулкой на «спортивной по-
щадкѣ» (*kṛīḍa-śaila*), составлявшей принадлежность всякаго дворцоваго паря (ср. II,
14). Чтобы судить, какое благоговѣніе вызываетъ этотъ стихъ у современнаго индуса,
ср. *Rangacharia A critical appreciation of Kalidasa's Meghad-
eśa*. (Madras, 1910), p. 55—6: «The display of the tender considerateness and

61.

тебя, запястій остріемъ тебя пронзивши
одежду выпустивъ, купаться въ ней затѣютъ.
Другъ, онѣ тебя въ жару въ покоѣ не оставятъ,
напугай, ихъ уши оглушивъ раскатомъ грома.

62.

Алака, гдѣ золотые лотосы цвѣтутъ, напейся,
Алавата на мигъ уста любезно прикрывая
Кальпа, словно шелковыя ткани, раздувая,
полаждайся видомъ исполина Гималая.

63.

Суди Алака, какъ къ любовнику, прильнула, сбросивъ
свою одежду—Гангу. Другъ мой, ты вѣдь ихъ узнаешь!
Гангами ея дворцовъ грядями облака витаютъ:
Ганги нити жемчуга красавицъ кудри украшаютъ.

story of Civa, the Father of the Universe, in relation to Gauri, His Divine
and Mother of the Universe, is indeed as charming here as the sugge-
and splendour of the crystalline Kailasa; and it is no less charming to
scope and manner of the service which the moving cloud-messenger is
founder with religious devotion and reverence to the Great Parents of the

Алака не располагаетъ къ „флирту“, а потому Облако-вѣстникъ
играющаго небесныхъ красавицъ Апсарасъ, „божественныхъ гетеръ“.

Дерево Кальпа т. е. „пожелай-дерево“, растущее въ небесномъ паркѣ
даже вместо плодовъ все, что у него попросятъ (ср. II, 11).

Алака, чудесная резиденція Куверы въ царствѣ Якшей, подробно описы-
II—11, здѣсь сравнивается съ любовницей; ея любовникъ—гора Кайласа,
Богъ начало Ганга, какъ бы составляющая одѣяніе Алаки, сброшенное ею
и т. д.

II часть (Uttaramegha).

1.

Въ дворцахъ тамъ все съ тобой соперничать достойно: съ блестящими —
 молвий —
 Красавицы, а съ радугой — картины, звуки барабана
 И пѣнье — съ низкимъ мягкимъ громомъ, ихъ алмазные площадки —
 Съ твоей водой прозрачной, съ высотой — заоблачныя башни.

2.

Въ рукахъ красавицъ — лотосы; въ кудряхъ — гирлянды изъ жасмина
 Отъ пыльцы пышноцвѣтныхъ лодхра блѣдность ихъ лица прелестна
 Цвѣты куравака — на головахъ, въ ушахъ — сириша свѣжій,
 На темени же — нина, распустившійся съ твоимъ прибытьемъ.

2а.

Тамъ вѣчно въ опьянѣнны рѣютъ пчелы вокругъ деревь цвѣтущихъ,
 И вѣчно лотосы цвѣтутъ въ кругу изъ вереницъ фламинго.
 И вѣчно распустивъ блестящій хвостъ кричатъ павлины,
 И вѣчно полная луна чудесно освѣщаетъ ночи.

2б.

Тамъ только слезы радости въ очахъ сверкаютъ, не печали.
 И только жаръ любви знакомъ: его свиданьемъ утоляютъ.
 И только ссора служить поводомъ къ разлукѣ для влюбленныхъ.
 И только возрастъ юности извѣстенъ подданнымъ Куверы.

II.

1. Максъ Мюллеръ перифразируетъ эту одну стансу двумя „da die indische Kürze der Construction hier unpassend ist“.

2. Въ этой волшебной страсти жены Якшей имѣютъ одновременно цвѣты всѣхъ 6 сезоновъ: kuravāka (Gomphraeria globosa), красный амарантъ — весной (vasanta), sirisa (Mimosa sirisa) — лѣтомъ (grishma), nira (Nauclea kadamba) — въ дождь (varsha), kamala (Nelumbium) — осенью (śarad), lodhra (Symplocos racemosa) — зимой (hemanta), kunda (Jasminum multiflorum) — ранней весной (śiṣira); ср. 1, 2.

2 а, б, с обозначены Маллиятхой, какъ „вставные“, но комментируются ими и написаны очень эффектно.

3.

сблизившись съ красавицами на террасахъ изъ хрусталя,
и расцвѣченныхъ чудесно звѣздъ сіяньемъ, Якши
«Лави» вкушаютъ, этотъ даръ волшебный древа Кальпа.
Якимъ громомъ замѣни имъ звуки барабана!

4.

бы весело съ безсмертными играютъ; влажпосвѣжій
бегъ Ганги вѣтерокъ ихъ овѣваетъ; пріютившись
ли въ тѣнь прохладную деревъ прибрежныхъ, вмѣстѣ ищутъ
капи драгоцѣнные, въ песочкѣ золотомъ ихъ скрывши.

5.

тригубыя, когда любовникъ страстный дерзновенно
въ кой кушакъ и сброситъ шелковую ткань съ ихъ тѣла,
жарясь, чтобы затушить алмазныя лампы,
какъ горячія, бросаютъ въ нихъ напрасно горсть сандала.

6.

обла, приподнятыя вѣтромъ до вершинъ дворцовыхъ,
ниже влаги дождевой испортивши картины,
бы бы въ испугѣ чрезъ рѣшетки оконъ вылетаютъ:
тому превратятся въ паръ и въ воздухѣ растаютъ.

7.

лунный камень, вправленный въ окошко, влагу источаетъ
линый часъ, коль путь ему ты болѣе не заграждаешь,
лунный свѣтъ каплями тѣла красавицъ освѣжаетъ,
лишь страстныхъ ласкъ любовниковъ изнемогаютъ.

Сего рода „любвиный напитокъ“: rati-phalam—любви плодъ.

Гла въ своемъ небесномъ теченіи зовется Мандавини.

Современная парафраза была бы: „посыпаютъ пудрой электрическія лам-

Ориентальской живописи и скульптуръ см. прекрасную роскошно изданную

W. H. H. Indian sculpture and painting. London 1906.

Лунный камень (сандра-канта) будто бы вбираетъ въ себя лучи мѣсяца, а
излучаетъ ихъ въ видѣ холодныхъ капель.

8.

Тамъ каждый день спѣшать, несмѣтными богатствами владея,
Любовники съ небесными красавицами въ садъ Вайбхраджа
И съ ними въ разговоръ вступаютъ; а Кимнары сладкогласны
Въ то время славу и сокроища Куверы воспѣвають.

9.

Тамъ путь ночной любовницъ угадаешь при восходѣ солнца.
Усыянъ онъ скатившимися на бѣгу съ кудрей цвѣтами
И золотыми лепестками лотосовъ съ ушей упавшихъ,
И жемчугомъ разорванныхъ надъ ихъ грудями ожерелій.

10.

Тамъ часто Шива, другъ Куверы, обитаетъ. Зная это
Туда свой лукъ и тетиву изъ пчель принести не смѣетъ Кама.
Но ихъ игривыя красавицы глазами замѣняютъ:
Искусно хмуря брови всѣмъ любовникамъ сердца пронзаютъ.

11.

Тамъ дерево волшебное одно всѣмъ женщинамъ даруетъ
Одежды пестрыя, вино, что зажигаетъ страстью очи,
Бутоны и расцвѣтшіе цвѣты, всѣ украшенья сразу,
И краску, красный лакъ, для ножекъ ихъ, какъ лотосы прекрасныя.

12.

Тамъ отъ дворца Куверы къ сѣверу увидишь и мой домикъ:
Онъ радугой-вратами издали блистаетъ, лукомъ Индры;
А рядомъ наше деревце мандара, какъ ребенокъ милый
Взращенный милою моею, подъ тяжестью цвѣтовъ поникши.

8. Современная парафраза: „Донъ Жуаны—Якши идутъ гулять въ горный паркъ съ небесными кокетками“.

10. Кама, индійскій Купидонъ, богъ любви, тоже вооруженъ лукомъ и стрѣлами, жжетъ стрѣлами сердца. Его лукъ и стрѣлы изъ цвѣтовъ, а тетива—веревка изъ волосъ. Онъ очень боится Шивы, такъ какъ тотъ некогда своимъ гнѣвнымъ взглядомъ обратилъ Каму въ пепелъ за то, что богъ любви, по просьбѣ остальныхъ боговъ, помогъ гнѣвному демону Тарака, пытался поразить своей стрѣлой Шиву, дабы возбудить любовь къ дочери Гималая Парвати (она же Дурга, Гаури и т. д., ср. I, 36), но только отъ нихъ могъ родиться богъ, который одолѣетъ Тараку. Шива прощаетъ на свѣтъ, но не обычнымъ способомъ, Сканду (ср. I, 43); см. „Происхождение войны“ (Kūṁḁasambhava) Калидасы, пѣсь III. Потомъ Шива позволилъ Каму родиться лишь по усиленной просьбѣ его супруги Рати.

12. Mandāra (Erythrina indica)—Коралловое дерево.

13.

и прудъ, ступеньками изъ изумруда обрамленный,
изотосами на топазныхъ стебелькахъ укрытый.
и пахъ живутъ фламинго безмятежно и не вспомнить
и недалеко Мана, когда тебя увидать.

14.

и «Гора забавъ»; ея вершина изъ сапфировъ,
и льной окруженная изъ золотыхъ банановъ.
и моей жены, ту горку, я несчастный вспоминаю
и дѣ на тебя, о другъ, когда ты молніей сверкаешь.

15.

и бесѣдка тамъ съ рѣшоткой изъ куръака цвѣтущихъ,
и нный и прелестный кесара растутъ предъ нею.
и ную вмѣстѣ жаждетъ чудной ножки моей милой,
и нтъся нѣжныхъ устъ ея прикосновеньемъ сладкимъ.

16.

и шесть изъ золота, подъ нимъ площадка изъ хрусталя.
и нвесъ изубранъ изумрудомъ, какъ бамбукъ зеленымъ.
и н павлинъ, пріятель твой, на немъ усѣвшись пляшетъ,
и нзвони бьетъ, звеня запястьями, моя подруга.

и фламинго и журавли всегда стремятся на сѣверъ, въ горы; ср. у современ-
и направленного и въ Европѣ индійскаго поэта *Rabindranath Tagore*. *Gitan-*
goings), a collection of prose translations made by the author from the
и н. (London 1913), p. 94: Like a flock of homesick cranes flying night
и n for mountain nests let all my life take its voyage to its eternal home...".
и ннъ подлинникъ (*Gītānjali*, 148) буквально „словно фламинго стремя-
и нса“.

и нна растенія: асoka (Ionesia asoka), kesara-bakula (*Rottleria tinctoria*)
и нусовъ съ повѣртіями о „похоти“ различныхъ растеній, которые для
и нна требуютъ человѣческаго участія; асoka расцвѣтаетъ лишь тогда,
и нна прикоснется къ нему своей ножкой, а кесара—когда она область
и нна собственного рта.

17.

Храня въ душѣ примѣты эти, другъ, конечно ты признаешь
(Надъ дверью лотоса и раковины есть изображенье)
Мой домъ, хотя и выглядит онъ безъ хозяина уныло:
Такъ увядаютъ по заходѣ солнца лотосы дневные.

18.

Тотчасъ, для скорости, слова принявши обликъ молодого,
На той «Горѣ забавъ» прелестной, мной описанной, спустившись
Ты долженъ осторожно заглянуть внутрь дома молнии вспыхивающей
Какъ будто вереницей свѣтлячковъ, проникшихъ чрезъ окошко.

19.

Стройна, смугла, съ зубами острыми и алыми губами,
И съ узкимъ станомъ, но глубокимъ лономъ, съ быстрымъ взглядомъ серымъ
Съ походкой медленной тяжелыхъ бедръ и съ полными грудями
Она среди красавицъ міра—первое созданье Брахмы!

20.

Она молчитъ. Ее, мою вторую жизнь, узнать ты долженъ:
Со мной разставшись бѣдная тоскуетъ, точно чакравака.
Отъ скорби тяжелой тяжело гнетущихъ дней, конечно.
Она поблекла, думаю, какъ лиана осенью ненастной,

21.

Отъ горькихъ непрерывныхъ слезъ глаза припухли у бѣлзубаго,
Отъ жаркихъ воздыханій ротикъ алый потерялъ румянецъ.
Лицо, на ручку опершись, почти закрыто волосами,
Теперь подобно мѣсяцу, когда его ты затуманишь.

17. Лотосъ и раковина принадлежатъ къ числу 9 сокровищъ Куверы, состоя-
ляющихъ какъ бы его гербъ, начертанный на дверяхъ жилищъ его вассаловъ.

19. „Лоно“ вмѣсто „пупъ“ (ср. I, 28).

20 Чакравака (apas caesareas), символъ супружеской вѣрности: эта птица
всегда осуждена ночью разлучаться съ самцомъ и жалостно кричать.

22.

ты увидишь, либо совершаетъ приношенья,
какъ исхудалый мой на память рисовать пытаюсь,
поетъ канарейку въ клѣткѣ, что поетъ такъ нѣжно:
увиши ли, о милая, хозяина? Тебя любилъ онъ»!

23.

быть быть, одѣвшись кое-какъ, къ груди прижавши лютню,
напроивъ — отъ горючихъ слезъ намокли струны —
опиѣсно спѣть, гдѣ съ именемъ моимъ есть словъ созвучье,
лири, подобранный ужъ ею, снова забывается.

24.

вѣды до дня свиданья неистекшіе считаетъ:
руина порога разложивъ цвѣты, по нимъ гадаешь,
буду встрѣтилась со мной мечтая, сладость ощущаешь:
женщинъ это все въ разлукѣ развлеченье составляетъ.

25.

кажемъ еще не такъ мучительна за недосугомъ;
она на досугѣ, думаю, мученья нестерпимы.
иногда, другъ, когда она къ землѣ припавъ безъ сна страдаетъ,
встань у окна и ободри моимъ привѣтомъ.

В примечаніяхъ къ изданію *Godbole-Parab: sârikâ* — a bird song; по Уильсону: *Годбола*. Начиная съ ст. 22 до 30 включительно по мнѣнію Мааллиатхи, изображающею всѣ 9 стадій, которыми полагается пережить влюбленнымъ путь въ разлукѣ, а именно: 1) задумчивость (*manas*), 2) тоска (*sangâ*); 3) рѣши-тельность опредѣленнаго желанья (*samkalpa*), 4) безсонница (*jâgara*), 5) плачъ (*gatâ*), 6) равнодушіе, притупленность (*vishayadvesha*), 7) потеря стыда (*apamâ*), 8) безуміе, психозъ (*cittavibhramâ*), 9) обморокъ, стоагнъ (*madgeshana*). 10-я стадія (*avasthâ*) соотвѣтствуетъ одна станса. Подробное и интересное по обстоятельности описаніе этихъ „стадій любви“ имѣется въ довольно поздней инд. поэмѣ „*Naṭyaśeṇḍra carita*“ поэта Харикаяи (XVII в.). Текстъ и переводъ съ предисловіемъ изданъ О. Щербацкимъ (Зап. Имп. Ак. Наукъ. Мбл. стр. 86—96. Последней 10-й стадіей считается смерть отъ любви.

23. Музыкальной впечатлительности индусовъ и ихъ музыкъ достаточно ясно свидѣтельствуетъ сцена въ знаменитой драмѣ „Глиняная тѣлѣжка“ (1871) въроотно VI в. по Р. Х., гдѣ герой Чарудатта возвратившись изъ воин-ства, слышитъ свое восхищеніе и даетъ одѣвку пѣвца (актъ III, сц. 1). Воз-растные индійскія названія 7 нотъ: *sa, ri, ga, ma, ra, dha, ni, sa*, черезъ пер-си и арабъ были занесены въ Европу, равно какъ и самое названіе „гама“ (мелодія); см. *Pischel. Geschichte der ind. Literatur*, s. 187 (хотя тамъ нѣтъ и названія специалистовъ-музыкантовъ). Этотъ вопросъ затронулъ уже давно *Indische Literaturgeschichte*. (Berlin. 1876) s. 291, 367—8.

26.

Одна на ложѣ, исхудалая, она серпомъ свернулась,
Какъ новый мѣсяцъ восходящій на востокъ, узкій, блѣдный.
И ночи, что со мной въ любви утѣхаетъ мягомъ пролетали,
Теперь въ разлукѣ безконечно тянутся, лишь для печали!

27.

Тяжелыми отъ слезъ рѣсницами она безсильно хочетъ
Прикрыть глаза, открывшіяся было мѣсяцу на встрѣчу,
Его лучамъ прохладнымъ сквозь окно проникшимъ, по привычкѣ
Они закрылись: спать она, иль нѣтъ... какъ логось въ день туманный

28.

Нависшія на щеки кудри, смытыя простой водою,
Откинувъ вздохомъ, засушившимъ алыхъ устъ ея бутоны,
Сойтись со мной хоть въ грѣзахъ жаждетъ, жалостно ко сну взываетъ.
Но капли слезъ, заливъ глаза, теперь и снамъ путь преграждаютъ.

29.

Коса, что въ день разлуки ты сама сплела сорвавъ гирлянды,
Должна быть мной распущена, когда минуетъ срокъ проклятья.
Она узка, жестка и рѣжетъ щеку; судоржно рукою
Съ отросшими ногтями бѣдная ее пытается отбросить.

30.

Несчастная, всѣ украшенья снявъ, на ложе безпрестанно
Ложится и все мечется измученнымъ и хрупкимъ тѣломъ...
Навѣрно ужъ тебя пролить слезу горячую заставитъ!
Бываютъ жалостливы тѣ, кто сами слезы проливаютъ.

31.

Увѣренъ я, исполнено любви ко мнѣ ея сердечко
И первая разлука привела въ такое состоянье.
Не хвастаюсь, не назову себя счастливымъ безпричинно:
Ты скоро самъ увидишь все во-очью такъ, какъ описалъ я.

32.

там отвыкнувъ отъ вина, игру бровей забыли,
о втираньяхъ краски, подъ нависшими кудрями.
воз тобою, думаю, моргнуть у черноокой вѣки,
взвѣшиваетъ лотось, если потревоженъ рыбкой въ рѣчкѣ.

33.

иссечь лѣвое бедро—оно бѣлѣй ствола банана—
живъ утѣхъ любви, ласкаль и глаживаль я часто...
рока лишено своихъ обычныхъ украшеній:
нѣжныхъ ногтей и нитей жемчуга не носить больше!

34.

твое влаги! если милую уснувшую застанешь,
овишись, громъ свой удержи хотя бѣ на четверть ночи!
вздых, если ей приснилось со мной свиданье,
моргнуть мѣны узъ своихъ съ возлюбленнымъ внезапно!

35.

вѣтеркомъ, пропитаннымъ жасмина ароматомъ,
дожда подругу освѣжи и разбудивши
обладать съ ней смѣло громомъ, придержавши молнию.
будетъ пристально глядѣть въ окошко, гдѣ ты станешь.

32. ...и всякихъ предчувствій, къ числу которыхъ относятся непроизвольныя
мгнанья и т. п., для женщины лѣвая сторона—счастливая, правая—не-
счастливая; мужчинъ же наоборотъ.

33. иссечь „царапины любви“ см. I, 35. Эти царапины, наносимыя „по пра-
вѣ“ любовниками, должны служить напоминаньемъ о любви: R. Schmidt. Beiträge
zur Erotik (Leipzig. 1902) s. 484—496, приведены извлечения изъ другихъ
японскихъ любви“ кромѣ Ватсуйны, прелюбопытныя по своей педантичной об-
становкѣ и „философскимъ“ разсужденьямъ: „Когда любовники—спеціалисты
искусности, то это по истинѣ составляетъ квинтэссенцію бога любви. И
инстинкты безконечнаго счастья для мастеровъ любви“.—„При видѣ слѣ-
дствіемъ—на тѣлѣ мужчины или страстной женщины, даже у святого
возникаетъ отъ страсти, тѣмъ болѣе у всякаго другого!“ (s. 495).

34. четверть ночи или одна „стража“ (3 часа) считается, по „Кама-сутрамъ“
идеальнымъ срокомъ для непрерывныхъ „любовныхъ наслажденій“, даже при са-
мѣйшемъ темпераментѣ.

36.

— Супруга другъ стоитъ вблизи тебя; ты — не вдова, знай это!
И вѣсть о немъ я передамъ тебѣ, что сердцу онъ довѣрилъ.
Пріятно низкимъ громомъ тороплю я путниковъ усталыхъ,
Стремящихся скорѣе распустить далекимъ женамъ косы. —

37.

Она услышитъ это и, вздохнувъ отъ нетерпѣнья, взглянетъ,
Какъ Сита на посланца, сына Вѣтра, и почтивъ привѣтомъ
Дослушаетъ тебя, мой братъ! Для женщины получить извѣстье
О миломъ черезъ друга почти то жъ, что получить свиданье.

38.

Тогда для своего и моего успокоенья, братъ мой!
Ты скажешь: — Твой возлюбленный пріютъ нашелъ въ пріютъ Рамы.
Онъ живъ и о твоёмъ здоровьѣ жаждетъ получить извѣстье. —
(У всѣхъ подверженныхъ превратностямъ судьбы привѣтъ обычный.)

39.

— Отторгнутый судьбой онъ въ мысляхъ какъ бы сочетаетъ
Съ твоимъ худымъ свое съ тоски изсохшее худое тѣло,
Съ твоими жаркими слезами — тоже слезы, а съ печалью
И вздохами — свою еще сильнѣйшую печаль и вздохи. —

40.

— Коснуться твоего лица желая какъ-то при подругахъ,
Тебѣ сказалъ онъ тихо на ушко, что могъ сказать бы громко...
Теперь, когда тебѣ нельзя его ни видѣть, ни услышать,
Моимъ устами довѣрилъ онъ слова своей любви печальной. —

37. Сынъ вѣтра т. е. Хануманъ (ср. I, 1) явившійся съ вѣстью отъ Рамы.
Ситѣ, когда она была въ плѣну у Раваны.

41.

изгибкій станъ — въ изгибахъ лѣанъ, твой взглядъ — у серны
боязливой,
лунный ликъ — въ лучахъ луны, а пышность косъ — въ хвостѣ
павлина,
и рѣки я узнаю твои нахмуренныя брови,
те, о пылкая! ищу, но возсоздать не въ силахъ!»!

42.

и гнѣвъ страстную, нарисовавъ на скалахъ камнемъ,
и захочу изобразить къ ногамъ твоимъ припавшимъ...
и слезы градомъ изъ очей и взоры омрачаютъ:
и здѣсь осуществить свиданье намъ не разрѣшаетъ!»!

43.

и образъ твой желанный, наконецъ, хоть въ сновидѣннѣ,
и призракъ въ воздухѣ пытаюсь удержать руками.
и божества не въ силахъ ужъ изъ сожалѣннѣ
и меня съ вѣтвей росы жемчужными слезами».

44.

и ичится къ намъ на югъ прохладный вѣтеръ съ Гималая
и почками и свѣжимъ сокомъ деодаровъ,
и схватить, обнять его порывъ бодрящій ароматомъ!
и мочь тамъ онъ обнималъ тебя, на сѣверѣ далекомъ»!

45.

и скоротать ужасные часы безсонной ночи,
и варъ палящій днемъ всегда... Его снести нѣтъ мочи!
и страстно сердце, быстрокая! но все напрасно!
и мучительно разлукой такъ ужасно»!

41. Начиная отъ этой стансы „вѣсть“ поручаемая Облаку-вѣстнику излагается
поэтически. Страдалецъ Якша доходитъ здѣсь до высшаго аффекта и эти стихи
имѣютъ великолѣпны. Манера такого „расчлененія“ описываемой красавицы
умѣрительна и въ испанской драмѣ, напр. у Кальдерона, *El magico prodigio*
(I, esc. 118), гдѣ Сиприано описываетъ красоту Хустины въ 40 стихахъ
и потому же способу и заканчиваетъ:

Son las partes que componen
A esta divina mujer.

46.

«О будущемъ усердно размышляя я пріободряюсь.
Не приходи жъ въ отчаянье и ты напрасно, дорогая!
Ничей удѣлъ вѣдь не бываетъ сплошь счастливымъ или несчастнымъ.
Судьба бросаетъ насъ то внизъ, то вверхъ, какъ ободокъ колесный».

47.

«Когда со змѣя встанетъ спящій Вишну, конченъ срокъ пролѣтѣть.
Пока же проводи четыре мѣсяца смеживши очи.
За то потомъ, на волѣ, нашей страсти пылкія желанья
При лунномъ свѣтѣ утолимъ мы всласть въ тиши ночей прохлаждать».

48.

—Еще добавилъ онъ: «Ты помнишь, разъ прильнувъ ко мнѣ въ постель.
Проснулась ты со стономъ и въ исцугѣ слѣзы проливала?
И на мои распросы, наконецъ, отвѣтила съ улыбкой:
—Пригрезилось мнѣ, будто измѣнилъ ты мнѣ съ другой, коварный!».

49.

«Извѣстью обо мнѣ теперь должна ты вѣрить безусловно.
Объ участи жъ моей не безпокойся! Лживо изреченье:
Разлука — смерть любви. Неправда! Кто въ разлукѣ не вкушаетъ
Съ возлюбленной своей утѣхъ любви, лишь пылъ свой разжигаетъ».

46. О „колесѣ фортуны“ см. еще въ Ригъ-Ведѣ, X, 117, 5:

Въ нуждѣ другому пусть поможетъ сильный,
На путь далекій въ будущемъ взирая:
Какъ колесо вертается колесницы,
Идетъ богатство къ одному, къ другому.

47. Вишну почиваетъ на лонѣ „мірового змѣя“ во время дождливого времени года и просыпается въ началѣ осени, самаго „любовнаго сезона“, когда прохладныя осеннія ночи особенно цѣнятся любовниками.

50.

милую, печальную въ своей разлукѣ первой,
снѣгъ той горы, гдѣ Шивы быкъ избороздилъ вершину.
гдѣ вѣсти вѣрныя отъ ней доставивъ, ты спасаешь
жизнь столь нѣжную, какъ на разсвѣтѣ юный цвѣтъ жасмина.

51.

сказалъ мнѣ «да», мой другъ! Но я тебѣ повѣрю смѣло:
не по словамъ, но твоему вѣряясь благородству.
снѣгъ испить воды своей даешь ты птичкѣ чакравака:
онъ отвѣчаетъ благородный другу, а дѣлами!

52.

тѣбѣ, или изъ жалости ко мнѣ, несчастному въ разлукѣ,
жертвѣ рока,
тебѣ все, о другъ, о чемъ прошу я искренно и скромно,
но, однако, въ желанные края, дождемъ сверкая,
къ возлюбленной — молнией ни на мигъ не разлучаясь!

Этотъ стихъ хотя комментируется и не отвергается Маллинатхой, но
сказанъ и весьма неудачно, о чемъ очень рѣшительно высказался еще Gilde-
meister въ своихъ примѣчаніяхъ къ своему изданію „Meghadûta“ (Bonnae.
1878). Prorsus enim inepte a teli nube poscitur ut redeat, neque haec scribere
posset, qui in versibus praecedentibus tam eleganter et ingeniose indicaverat,
ut signo quidem neque sono respondentem fingere velle.

Маллима, по правиламъ, должна кончаться намекомъ на счастливое будущее,
или предзнаменованіемъ или пожеланіемъ, а потому благодарный Якша желаетъ
своему другу, Облаку-вѣстнику, никогда не разставаться со своею возлюбленной —
вѣстью. Маллинатха цитируетъ изъ трактата „Sârasvâtâlamkâra“: ânte kâvyasya
âpâhavyâd âcisam uttamâm sarvatra vyâpyate vidvân nâyakecchânurûpinim.
Вѣстникъ долговѣчности поэмы, пусть (поэтъ) сдѣлаетъ наилучшее пожеланіе.
Вѣстникъ (поэтъ) уболаготворяется всячески — соответственно желанію ея героя.

Прилагаемая иллюстрація переснята съ одной изъ картинъ въ краскахъ, сдѣланныхъ для «Мегхадуты» современнымъ замѣательнымъ индѣйскимъ художникомъ Абаниндронатхъ-Тагоромъ. Онъ иллюстрируетъ текстъ I, 45, 2: «Вѣдь Сиддхи съ лютнями, со дождемъ, отступаютъ предъ тобою...» (Буквально: «Ты, перелезая горы, освободяешь путь пары Сиддховъ съ лютнями изъ боязни твоихъ капель...») Снимокъ сдѣланъ съ приложения къ роскошному и цѣнному изданію *Havell. Indian sculpture and painting. London 1908 (Plate 74)*, содержащему также три иллюстраціи на ту же тему того же художника вмѣстѣ съ небольшою характеристикой этого реставратора въ области національной индѣйской живописи. Абаниндронатхъ принадлежитъ къ той же старинной и знаменитой индѣйской фамиліи Тагоровъ, которая дала Индіи рядъ выдающихся людей въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ (Paul Cremer. *Rabindranath Tagore. s. 8—9. Berlin. 1914. Der moderne Dichter*. Къ нему и увѣнчана нынѣ такой геніальной личностью, какъ находящійся теперь въ полномъ расцвѣтѣ силъ и творчества (род. въ 1861 г.) поэтъ-философъ — поэтъ-композиторъ Рабиндранатхъ Тагоръ.

П. Риттеръ.

Опоренія Симеона Полоцкаго на темы изъ всеобщей исторіи.

I.

Древняя Русь, насколько мы можемъ судить, мало интересовалась называемой всеобщей исторіей и немного о ней знала. Единственныя упоминанія находимъ въ лѣтописяхъ; хронографы и свѣдѣнія компиляціи давали болѣе или менѣе полный перечень византійской исторіи, сообщали и нѣкоторые факты исторіи европейской, о троянской войнѣ, объ Александрѣ Македонскомъ. Русскій читатель могъ разсказать не меньше, чѣмъ французскій его, западно-европейскій книжникъ. Не подвергалось сомнѣнію и самое понятіе объ исторіи, какъ объ особой отрасли наукъ. Извѣстно и начало разсужденій о пользѣ исторіи ведетъ къ началу, заявившаго въ посвященіи своего «Ядра» Петру Вернадскому: «Что о Исторіяхъ обще належитъ, когда я природу исторіи размышляю, весьма помышляю, что они великіе видѣнію челоука приносятъ ползы; понеже въ нихъ, какъ въ чистѣйшемъ зеркалѣ, прежде жившихъ бытія, совѣты, рѣшенія и дѣла такъ ясно, какъ злые видимъ»¹⁾.

Понятіе въ дѣлѣ и этого знанія относятся обычно къ Петру Вернадскому; однако, и въ томъ, что касается исторіи, она дала о ней развитіе и углубленіе началъ, заложенныхъ въкомъ раньше. Интересъ къ Западу, явный уже въ XVI-омъ столѣтіи, возрастаетъ въ XVII-мъ: отраженіе этого интереса въ собственно исторической наукѣ въ общихъ чертахъ извѣстно: переработка старой редакціи «Ядра», дополненнаго изъ польскихъ и латинскихъ источниковъ, и изданіе переводовъ — Бѣльскаго, Гваньини, Стрыйковскаго, Баро-

¹⁾ См. Калачева, кн. 2, пол. 1 М. 1855, отд. III, стр. 4: С. М. Соловьевъ, «Историческая исторія XVIII вѣка: Манкиевъ и др.

нія, Слейдана и др.¹⁾), восходящихъ иногда къ началу XVII-го вѣка. Проводникомъ новыхъ знаній часто являлась Юго-Западная Россія въ одномъ изъ литературныхъ произведеній которой мы находимъ между прочимъ, и первое заявленіе о пользѣ исторіи въ стихахъ:

Давныхъ вѣковъ отмѣнный часъ трудне завитый
Будетъ мѣти, кто хочетъ, достъ латво открыты
Скоро толко зъ Гісторій Науки вабудетъ:
Въ тотъ же часъ глупства въ речахъ заразомъ побудитъ
Познаетъ дѣлность славныхъ Россійскихъ Гетмановъ,
Вѣдомости доступить въ житію можныхъ Пановъ:
Европу тотъ, Азію, зъ Африкою змѣритъ,
Котрій розумъ въ широкихъ Гісторіяхъ ширитъ:
Лечъ гды зъ землѣ обернетъ свою мысль до Бога,
Зъ Гісторіей есть простая до неба дорога..²⁾

Позднѣе мы найдемъ подобное и въ одномъ стихотвореніи написанномъ въ Москвѣ, но принадлежащемъ также питомцу Киевской учености:

Книги исторій возлюби читати,
От нихъ бо мощно что бѣ въ мірѣ знати
И по примѣру животъ свой правити,
Дабы спасенно и преславно жити.
Само чтеніе многи умудряетъ,
Яко бо свѣщу во тмѣ возжигаетъ...

Послѣдняя цитата взята изъ «Риѣчмологіона» Симеона Полоцкого, одного изъ самыхъ энергичныхъ поборниковъ просвѣщенія и новыхъ литературныхъ формъ въ Москвѣ XVII-го вѣка³⁾. Его огромное литературное наслѣдіе далеко не можетъ назваться изчерпаннымъ; самый матеріалъ не вполне еще приведенъ въ извѣстность.

¹⁾ Указаны и описаны въ книгѣ А. Н. Соболевскаго — Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII вѣковъ СПб. 1903, стр. 53—56, 76—86 и далее.

²⁾ Голубевъ, Исторія Киевской Дух. Акад. I, прилож. VIII: Евхаристическое Печеніе Петра Могилы 1632, Лѣторосль Наукъ первая, Кліно то есть цвѣчене въ чтеніи Гісторій — Филона Псковскаго (стр. 23; Голубевъ, стр. 61).

³⁾ Рукоп. Моск. Синод. Библ. № 287, л. 530.

какъ извѣстно, очень много: «на всякій же день имѣть писати въ полѣдсть по полу тетради, а писаніе его бѣ иконо и уписисто»¹⁾. Разнообразно и содержаніе его писаній. Онъ нѣтъ специально историческихъ трудовъ, но свой интересъ къ исторіи онъ заявилъ не только приведенными стихами, но переводомъ нѣсколькихъ главъ изъ «Speculum Historiale» Вильгельма Бовэ²⁾, — но и частыми ссылками на исторію, историческими примѣрами, разсѣянными въ его стихотворныхъ сборникахъ и часті въ проповѣдяхъ. Русской исторіи при этомъ онъ почти не касался: матеріалъ даетъ т. наз. «всеобщая», древняя и средняя, и новѣйшая и гражданская. Выясненію этого матеріала и посвящена первая статья — предисловіе къ издаваемымъ ниже виршамъ изъ «Многоцвѣтнаго».

Исторія не входила, какъ особая наука, въ группу семи свободныхъ искусствъ, изучавшихся въ Кіево-Могилянской коллегіи, основанной³⁾ Самуилъ Петровскій-Ситняновичъ, будущій іеромонахъ и епископъ Полоцкій, ни въ программы той іезуитской коллегіи, гдѣ онъ получалъ свое образованіе. Но для дидакала и проповѣдника историческая наука въ «историческихъ» книгахъ была обязательна. Свѣдѣнія Гисторіи и Кройкини о розманныхъ панствахъ и столахъ, бывающихъ въ нихъ дѣяло и теперъ щосъ дѣеть..», говоритъ Гасковъ въ своей «Наукѣ»⁴⁾. Исторія давала цѣлый рядъ наглядныхъ примѣровъ къ моральнымъ положеніямъ проповѣди: для этого пользовались ею и средневѣковые латинскіе проповѣдники, и русскіе, и южно-русскіе. Въ проповѣдяхъ Симеона Полоцкаго, разделенныхъ въ два тома — «Обѣдъ душевный» и «Вечеря» мы не только находимъ ссылки на то, что «писется въ исторіяхъ» и на «историковъ: правда, сравнительно съ южно-русскими проповѣдниками — тѣмъ же Голятовскимъ напр., — Симеонъ не такъ часто приводитъ примѣры изъ священной исторіи, но и изъ исторіи гражданской и міеологіи, а изъ гражданской —

¹⁾ Соп. гр. Уварова № 247, л. 4. Цитирую по Татарскому, Симеонъ Полоцкий, стр. 341.

²⁾ Соп. Моск. Синод. Библ. № 660, л. 266 и сл.

³⁾ См. доказательства тому въ книгѣ проф. К. В. Харламовича, Малоискусствіе на великор. церк. жизнь. Каз. 1914, стр. 379.

⁴⁾ Цитирую по Историч. Хрестоматіи Буслаева (1861), ХСІ, ст. 1128 (по изд. 1659).

охотиѣ ссылается на Александра Македонскаго и византийскихъ царей, какъ на извѣстныхъ русскому слушателю или читателю. Дѣйствительно, ссылки на Демокрита, Ираклита, Діогена изъ Мосеева, рассказы въ родѣ легенды о монахѣ Поплѣ, молившемъ демона, посланнаго Юліаномъ Отступникомъ изъ Сиры на западныя страны ¹⁾, о великодушіи и могуществѣ Александра Македонскаго, или о царѣ Иракліи, изъ багряницы облачившемъ во вретѣще, дабы внести на плечахъ своихъ во Іерусалимъ крестъ Господень ²⁾ — всѣ они не были новостью для слушателей Симеона, знавшихъ все это изъ «Пчелы», хронографовъ и произведеній подобнаго. Новостью были не приклады, а искусныя риторическія приемы: изъ прикладовъ же и упоминаній объ историческихъ лицахъ — новыми были немногіе.

Историческія ссылки ограничиваются, главнымъ образомъ, тремя: рассказавъ, напр., въ одной изъ проповѣдей «Объдѣ» о триумфахъ великихъ царей, онъ припоминаетъ Кесаря, вѣзжавшаго въ колесницѣ изъ египта на сорока слонахъ, Марка Антонія — на львахъ, Аврелиана — на оленяхъ, Нерона — съ тысячею колесницъ, запряженныхъ среброподкованными мекками, Сесостра, царя египтскаго, чью колесницу везли четыре вѣнчаннаго царя — ильиана, «Оле гордости! Оле киченія! тако ли царь небесе и земли? Мало подобіе: ибо яко во чревѣ матернемъ, изъ Назарева во Иерусалимъ прииде на ослѣ» ³⁾. Въ другомъ словѣ воспоминаніе о великихъ и мудрецахъ иллюстрируетъ ту же мысль о суетности земныхъ величій и славы; все проходитъ: «гдѣ Александръ преславный, Кризь богатый, Иръ убогій, Демокритъ обругатель міра, Ираклитъ оплакатель суетствъ его? Гдѣ Іулій премощный кесарь, Неронъ мучитель, Аристотель любомудрѣйшій, Демосѣинъ сладкоглаголющій? Все аки не бывшее..» ⁴⁾.

Цѣлыхъ рассказовъ немного: минуя міеологію — Мидаса, Фалтона, Сирень, можно было бы указать для примѣра слѣдующій — насколько я знаю, неизвѣстный въ русской литературѣ до Симеона

¹⁾ Обѣдъ душевный. Москва 1681 л. 620 об.

²⁾ Тамъ же л. 531.

³⁾ Обѣдъ, л. 643.

⁴⁾ Прибавленіе къ „Вечери“: слово на погребеніе честнаго жены, л. 125 об.

дѣль о грѣхопадѣніи Адама и Евы: «не сотвори Богъ тако
скоотійская царица нѣкая мужу си, яже хитростію ху-
въ потщася устроенну быти яблоку златому зѣло извѣнѣ
о внутрь смертныя стрѣлы содержавшу, ими же прико-
яблоку абіе убивашеся. Ненавидящи же она мужа си и
дѣвали предъ нимъ яблока художество, тайну утаивши па-
Даръ же не вѣдый лукавыя жены коварства, взять рукою
и рзновенно, но абіе стрѣлами тайными пронзеся» ¹⁾. Съ этимъ
мѣстѣ, гдѣ говорится о Фенеллѣ, «женѣ Скоотійскаго (т. е.
некаго) паря Кемеѣа (Kenneth II) мы встрѣтимся и въ
«Гдѣ Многоцвѣтномъ» ²⁾. Кстати, это, кажется, единственный
мѣсто, гдѣ авторъ «Обѣда» ссылается на примѣръ изъ западно-
ейной исторіи. Въ проповѣдяхъ онъ вообще скупъ на при-
мѣры мѣрѣ возможности, ограничивается, какъ уже сказано,
иной исторіей; въ этомъ отношеніи гораздо смѣлѣе его уже
Ростовскій, слѣдующій изъ крупныхъ дѣятелей, прибыв-
въ Москву отъ юго-западной Руси: въ проповѣдяхъ послѣд-
нихъ найдемъ въ качествѣ прикладовъ и исторію смерти Клео-
на Павзанія, царя Лакедемонскаго, и Алариха Готскаго, и
иорвина, и Гассана, пашу Капрскаго, не говоря о царяхъ
иныхъ византійской исторіи ³⁾. О Стефанѣ Яворскомъ и его
и историческимъ цитатамъ и говорить нечего.

Омъ источникахъ, откуда беретъ свои приклады и цитаты Си-
въ въ печатномъ изданіи проповѣдей говорится лишь въ самыхъ
выраженіяхъ: это либо ссылки на «исторіографовъ» (запи-
нахъ напр., легенду объ Иродіадѣ, пляшущей на льду ⁴⁾, на то,
объясняется въ исторіяхъ», что «Демосеенъ пишетъ», либо ссылки
иногда, иногда какъ бы съ извиненіями: «пїитове по своему
иаснословятъ».. «баснословіе се есть еллинское, но добрѣ
и изъясляетъ нравы» ⁵⁾ и т. под. Только разъ прямо ука-

¹⁾ Обѣда, л. 217.

²⁾ Иертоградъ, рукоп. Акад. Наукъ 31. 7. 3. л. 159 об. «Жена блудная». Кен-
и, л. 175. Мадъкольма I, ум. 995 г.

³⁾ Изъясненія св. Димитрія Ростовскаго, изд. 5-е, Москва 1833, т. 2 (стр. 20—
476, 538); т. 3 (стр. 553) и мног. др.

⁴⁾ Обѣда л. 235.

⁵⁾ Тамъ же, л. 165.

занъ свѣтскій историкъ—лѣтописецъ Матѳеѣй Стриковскій. 1) дѣтельствующій о поганскомъ обычаѣ праздника Куналы, въ черіе Рождества Св. Іоанна Предтечи.

Нѣкоторые изъ упомянутыхъ разсказовъ и цитатъ мы найдемъ и въ сборникѣ эпиграммъ и элегій Симеона «Вертоградѣ Мнѣшномъ», гдѣ онъ не чувствовалъ себя такъ связаннымъ такими условіями, какъ въ проповѣдяхъ. Этотъ большой сборникъ, писавшійся въ теченіе многихъ лѣтъ, былъ для Симеона записною книгою, куда онъ заносилъ и свои стилистическія уроченья, результаты житейскихъ наблюденій и, главнымъ образомъ, результаты усерднаго чтенія, постоянного посѣщенія «пребогатоцвѣтнаго вертоградовъ» «странныхъ ідіоматъ» 2); выраженіе, которымъ современники характеризовали любимаго автора Симеона—Викентія Бовѣ «*libros egit et in unum multa redegit*» 3) — вполне подходитъ къ автору «Вертограда». Августинъ и Іеронимъ, Златоустъ и Григорій Папа, богословы, моралисты, проповѣдники, естествословцы и историки давали ему обильный матеріалъ, изъ котораго онъ выбиралъ по своему усмотрѣнію. Огромная книга должна была въ итогѣ не только поучать и развлекать, но и являться своего рода справочникомъ, толковымъ словаремъ для любознательнаго читателя, «Азбучникомъ» въ стихахъ: темы стихотвореній (заглавія) расположены въ алфавитномъ порядкѣ, ибо по Августину (*lib. 19 De civitate Dei, ad Marcellinum, cap. 13*) «*ordo est parium, dispariumque, et cuique loca tribuens, dispositio. Ex quibus verbis colligitur, quod illa quae bene ordinata sunt, et disposita, facilius in locis suis inveniuntur*».

Что же взялъ Симеонъ у историковъ?

Мы найдемъ въ «Вертоградѣ» не мало стихотвореній на историческія темы. Со стороны своей формы они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Первая—это эпиграммы въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ понимала школьная цитатика: это «подписаніе оброчковъ», афоризмъ въ стихахъ, краткое толкованіе непонятнаго слова

1) Прибавленіе къ «Вечеря» л. 37 об.—38.

2) Рукоп. Акад. Наукъ 31. 7. 3, л. 2 об.

3) *Histoire littéraire de France*, т. XVIII, р. 458.

любопытномъ случаѣ и т. под. Вотъ на примѣръ, эпиграфъ къ изображенію царя Константина:

Подписаніе образа царя Константина.

Константина Максентій мучитель гоняше,

Онже истинна Бога вспомошь призываше;

И видѣ пополудне крестъ изображенный,

Надъ солнцемъ, паче солнца свѣтомъ украшенный.

То знамя все воинство его свѣтло зряше,

При немъ написаніе: *симъ побѣждай*, бяше.

Внощи, во снѣ Христосъ Богъ цареви явился,

Имже съ крестомъ на врага ити наставися.

Царь же на знаменіихъ, кресты устроилъ есть,

Тако во оруженный враги побѣдилъ есть,

Не терпяще бо силы креста, побѣгоша,

Яко фараонъ въ мори, въ рѣцѣ погибоша ¹⁾).

Другими примѣрами стихотвореній того же типа являются и древнихъ мудрецовъ, приводимыя по разнымъ поводамъ, и притчи Оалеса, Диогена, Аристиппа о философіи, семи мудрецовъ о гражданствѣ, отвѣтъ Демосфена склонявшимъ его на блудъ, и загадки, предложенной рыбаками Омиру и т. под. Нѣ-

¹⁾ Илл. Академіи Наукъ 31. 7. 3., л. 613. — „Вертоградъ Многовѣтный“ изданъ въ трехъ спискахъ: Акад. Наукъ (последняя копія), Синод. № 288 (полно, просмотрѣнная Симеономъ, но менѣе полная) и Синод. № 659 (автографъ Погодина). Изученіе этихъ списковъ показало мнѣ, что различіе между ними заключается преимущественно въ порядкѣ расположенія стихотвореній въ составѣ сборниковъ: что касается текста отдѣльныхъ стихотвореній, различіе не настолько значительно, чтобы было необходимо приводить ихъ въ текстѣ. Разночтенія ограничиваются отдѣльными словами, порядкомъ словъ: орфография. Вопросу о текстахъ „Вертограда“ посвящена мною другая статья, представляемая къ печати: здѣсь я позволилъ себѣ приводить цитаты, за исключениемъ, по одному—наиболѣе полному и окончательному списку—изъ Синод. № 659 (за любезное содѣйствіе въ занятіяхъ моихъ этой рукописью приносимую благодарность В. И. Срезневскому). Въ силу типографскихъ затрудненій печатаются гражданскимъ шрифтомъ, и орфография ихъ не соблюдена: пропуски, раскрыты, ударенія, къ сожалѣнію, устранины, надстрочныя буквы не введены; ІА и Ѡ передаются черезъ Я, Ѡ и Ѣ черезъ О и Ѡ и т. д. (подробности). Кромѣ того, въ текстахъ нѣтъ послѣдовательнаго написанія: иногда въ стихѣ съ большой буквы.

которые были уже напечатаны въ «Исторической Хрестоматіи» Буслаева, въ статьѣ о Симеонѣ Полоцкомъ Майкова¹⁾, а оттуда перепечатываются въ новѣйшихъ хрестоматіяхъ и курсахъ исторіи русской литературы.

Наряду съ ними—стихотворенія второй группы, болѣе интересные: иногда это цѣлыя повѣсти въ стихахъ, «саги», если такъ возможно употребленіе этого излюбленнаго нѣмецкими учеными недостаточно опредѣленнаго термина²⁾. Среди нихъ—и рассказы о женѣ скотійскаго царя Кемеа—Фенеллѣ, приводимый Симеонъ безъ имени царя и царицы въ проповѣдяхъ; и популярное преданіе о Львѣ Андрокла³⁾, и о вѣрномъ рабѣ Панопліона⁴⁾; рассказы о убійствѣ лонгобардскаго короля Альбоина его женою Розамундой наконецъ, среди многихъ другихъ, хорошо памятный всякому сюжетъ—о гибели епископа Гаттона, съѣденнаго мышами:

Казнь за сожженіе нищихъ.

Епископъ Могунтійскій нищихъ не любяше,
Туне ядуцы мышы, оны нарицаше.
Егда же гладъ по странѣ велій сотворися,
Тогда число оубогихъ велми оумножися.
Онъ нищененавистникъ скупствомъ держимъ бѣше,
От демопа лукавый совѣтъ воспріяше.
Собра нищихъ множество въ житницу пространу,
Милостину сказуя имъ уготованну.
Егда же собраніи от глада стеряху,
От него хлѣба въ пищу умилно прошаху:
Рече ко рабомъ своимъ: се воплѣтвуютъ мышь,
Восхити кождо пламень, тыя да палиши.
Раби житницу съ тѣми нищими спалиша,
Велѣніе безбожна мужа исполниша.

¹⁾ Историч. Хрестоматія О. И. Буслаева, М. 1861, стр. 1192 и сл. Майковъ Л. В. Очерки по исторіи русской литературы XVII—XVIII вв. Спб. 1889, стр. 100 и сл.

²⁾ Разнообразныя опредѣленія саги см. хотя бы у Wehrhan K.—Die Sage in der germanischen Literatur, Leipzig 1908, 6 и сл.

³⁾ „Левъ“, ркп. Ак. И. л. 252 об.—253 об. (имя раба Авдрохъ).

⁴⁾ „Рабъ вѣрный“, тамъ же л. 412—413 об.

⁵⁾ „Местъ или отмщеніе“ (№ 3), л. 279—280.

Но злomu дѣлу зла казнь Богомъ сотворися,
 Нечестивый епископъ червми расточися.
 И гдѣ либо на стѣнахъ имя его бѣше,
 Дивнѣ родъ мышей того писмо истребляше,
 Во знаменіе извѣстно, яко бѣше тое,
 Изъ книгъ жизни истренно имя проклятое.
 И душа премерзкая яко въ адъ вержесе.
 Червіемъ неоусыпнымъ ко снѣди дадесе.
 Отъ праведна судіи правъ судъ сотворися,
 Сія слышай, ко нищымъ милостивъ творися,
 Да Господь нищихъ, милость свою явить тебѣ,
 И питаетъ тя хлѣбомъ жизни здѣ, и въ небѣ¹⁾.

Изъясненіе, слѣдующее за рассказомъ, составляетъ его необходимо принадлежность: весь онъ служитъ нагляднымъ примѣромъ, или проповѣди болѣе или менѣе краткой, за нимъ слѣдующей и въ «Римскихъ дѣяніяхъ», эта мораль не всегда святой, держаніемъ рассказа, иногда неожиданна для читателя. Такъ, въ стихотвореніи «Подражаніе» говорится о льстецахъ—тепѣ Филиппа Македонскаго, тирана Діонисія и др., старавшихся подражать даже немощамъ тѣхъ, у кого они ожили; выводъ дѣлается такой:

Такъ бы Христа вѣрнымъ должно подражати
 Добродѣтели его на себѣ являти:
 Не скудости мужъ тлѣнныхъ, а то есть извѣстно,
 Яко сиевымъ царство готово небесно²⁾.

Эти морализаціи наиболѣе интересуютъ и самого автора, и читателя: онъ и пересказываетъ обыкновенно ту или другую легенду или анекдотъ. Эта черта сближаетъ сборникъ съ тѣми «нѣмецкими пособіями для проповѣдниковъ» — собраніями опреченій, изреченій, примѣровъ, которые подъ титулами Polyantha,

¹⁾ См. же, л. 221 об.—222. Преданіе имѣетъ обширную литературу, разобранную въ *Die Sage vom Mäuseturm* (Zur Volkskunde. Heilbronn 1879), *Die Mäuseturm-Sage von Popiel und Hatto*. Posen, 1888, *Zeitschrift f. d. deutschen Unterricht*. IX. 1895, s. 505—549.
²⁾ См. по рукоп. Синод. № 659, л. 193.

Loci communes, Flores exemplorum, Florilegia etc. (такъ похожее на заглавіе «Вертограда Многоцвѣтнаго») были въ рукахъ у нашихъ русскихъ проповѣдниковъ XVII в., были и у Симеона Полоцкого. Его сборникъ и возникъ, между прочимъ, какъ результатъ хорошаго знакомства автора съ этой литературой: между нимъ и проповѣдниками Симеона можно было бы установить извѣстную связь. Очевидно, едва ли Симеонъ при собираніи и составленіи всѣхъ этихъ сборниковъ имѣлъ цѣлью дать въ руки будущихъ проповѣдниковъ практическое пособіе. Сборникъ предназначался для болѣе широкаго круга читателей и, прежде всего, конечно, для тѣхъ, чье вниманіе Симеон было особенно цѣнно—для его царственныхъ учениковъ и учениковъ ихъ родителей и близкихъ людей. Къ этой мысли склоняетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ немъ такъ много ссылокъ на исторію: «книги исторій возлюби читати», рекомендуетъ въ «Главы послѣднемъ» царь Алексѣй Михайловичъ своему наслѣднику¹⁾. Примѣры изъ исторіи древней и средней, гражданской и церковной въ совокупности должны показать, что такое идеальный правитель государства, каково должно быть его отношеніе къ подданнымъ и приближеннымъ, къ духовной власти и т. д. Съ другой стороны, исторія даетъ и образы дурныхъ и жестокихъ правителей, достаточное число примѣровъ того, какъ не должно поступать царямъ: противопоставленіе этихъ образовъ могло давать въ руки читателей своего рода «*Speculum regum*», наглядное руководство къ искусству правствовать.

Древность даетъ образцы такихъ идеальныхъ правителей. «Добродѣтели суть и во поганехъ»: это—Филиппъ Македонскій, Юлій Кесарь, Августъ, Титъ, Траянъ. Въ новое время—Константины, Францискъ I, Альфонсъ Арагонскій являютъ примѣры царскихъ добродѣтелей. Разумѣется, однимъ изъ первыхъ качествъ добродѣтельнаго царя должно быть смиреніе. «Сущіи убо на высотѣ сзвѣ, смиряйте сердца, смиряйте и главы»²⁾. Смирененъ былъ Октавіанъ, царь римскій: онъ любилъ бесѣдовать съ простымъ народомъ и совѣтникамъ, укорявшимъ его за это, сказалъ: хочу быть такимъ царемъ, какого желалъ бы себѣ самъ, если бы былъ однимъ изъ

¹⁾ См. цитату въ началѣ статьи, Синод. 287, л. 530.

²⁾ «Смиреніе» № 1 л. 456 об.

ыхъ¹⁾. Подданные хотѣли вписать его въ число боговъ: въ нѣмъ ему предстала Дѣва нѣкая съ младенцемъ на рукахъ, онъ кругъ близъ солнца, и, познавъ, что этотъ младенецъ его, онъ возбранилъ нарицать себя Господомъ²⁾. — Смирительно для царя, какъ бы славенъ и древенъ ни былъ, ничего и говорить о царѣ, избранномъ отъ незнатнаго, а Сикилійскій, сынъ скудельника, ставилъ на трапезѣ свои сосуды, дабы не забывать своего худородія³⁾. Къ таже и мысль побуждаетъ и мысль о непрочности человѣческаго, а мысль о суетѣ вообще всего мірскаго —

Царство мірское, честно людямъ ся являетъ,

Кто его отъ челоуѣкъ чести не вѣнчаетъ;

Но не на долѣ можетъ цари утѣшати.

Яко предѣлъ оному Богъ изволилъ дати.

Ибо или царя смерть лютая хищаетъ,

Или царству премѣну Господь попускаетъ.

Гдѣ они суть царіе иже славни быша;

Едва не всю вселенну себѣ покорша.

Александръ Македонскій гдѣ днесь пребываетъ,

Ниже гроба ли костей еговыхъ кто знаетъ.

Гдѣ отецъ пресилныи Августъ, мечъ въ мѣсто вложивши

Во всей вселеннѣ брани и кровь утолвивши;

Въ персти земнѣи истлѣ весь червѣ снѣдоша

Такожде и прочіи князи отидоша.

Или Ассирійское гдѣ есть нынѣ царство;

Гдѣ Греческое оно славно государство;

Во чюдѣ впаде рудѣ, иже работаше

Греческу царству мечемъ, тои скипетръ прѣяше.

Гочнѣ со иными царствы подъ солнцемъ ся дѣють.

Ни едино недвижно стояти умѣть.

Едино токмо царство постоянно зѣло..⁵⁾.

иже, царство небесное.

¹⁾ "въ смиреннѣй" л. 545.

²⁾ "Августъ" № 2 л. 33 об.

³⁾ "худородія память" № 1, л. 524 об.

⁴⁾ "Пирую по Синод. 659 л. 363—363 об.

Помимо смиренія, другая основная черта благого царя — забота о подданныхъ. Царь Давидъ вопіялъ къ Богу, моля казнить грѣхъ не его народъ, а его самого:

Оле любви царскія! самъ хочетъ умереть.

Аки отецъ, ли мати, за любябѣ дѣти.¹⁾

Александръ Македонскій, увидѣвъ воина, умирающаго отъ ханжества, всталъ съ своего трона, посадилъ замерзающаго и тѣмъ спасъ его отъ смерти; Траянъ, разодравъ царское одѣяніе, отдаетъ его повязки раненымъ воинамъ²⁾. — Заботясь о подданныхъ, царь ищетъ средствъ, чтобы благотворить имъ. Титъ считалъ почетнымъ день, когда не сотворилъ никому добра³⁾. У персидскаго царя Артаксеркса десница была длиннѣе шуйцы, что давало поводъ говорить; «царска ми десница долга есть даяти, кратка ми есть шуйца, нѣ хочу бо взяти»⁴⁾. «Тѣмъ Божіе и царское даяти дѣло». — Но съ другой стороны нельзя наливать въ дырявыя бочки, не наполнить раздраныхъ мѣховъ: поэтому правъ и Альфонсъ, король Арагонскій, отказавшій въ дарахъ расточительному воеводѣ:

Любя своихъ подданныхъ, царь подаетъ имъ примѣръ великаго и въ любви къ труду, при чемъ не стыдится дѣлать все своими руками. Тотъ же Альфонсъ, мудрый король, такъ отвѣчалъ нѣкому, упреждавшему его за любовь къ работѣ: «еда Богомъ крали и естествомъ не къ дѣлу руцѣ воспріяли?».

Научи сямъ отвѣтомъ: царемъ не срамъ быти,

Рукама дѣло честно своимъ робити⁵⁾.

Примѣръ горячей любви къ просвѣщенію подалъ Францискъ I, король французскій, упомянутый въ стихотвореніи, обратившій вниманіе Буслаева и имъ впервые нанечатанномъ:

Обычай бо есть въ людехъ царя подражати,

Еже ему любезно, всѣмъ то возлюбляти.

¹⁾ „Любовь къ подданнымъ“, Ак. Н. л. 266.

²⁾ „Любовь къ воинамъ“, тамъ же, л. 266 (№ 1 и 2).

³⁾ „Благотвореніе“, тамъ же, л. 43 (№ 3).

⁴⁾ „Долгорукъ“, тамъ же, л. 127 об.

⁵⁾ „Разточеніе“, тамъ же, л. 416 об.

⁶⁾ „Дѣлати“, ркп. Ак. Н. л. 145.

Благо убо есть царству, егда благи нравы,

Царствуяй воспріемлетъ, ради всѣхъ исправы. ¹⁾

И то, что творить царь, и несогласно съ мнѣніемъ толпы: такъ извѣстно ²⁾, рекомендуетъ «мудрому» отнестись къ жизни презрительно:

Что наипаче отъ правды далеко бываетъ,

Гласу народа мудрый мужъ то причитаєтъ и т. д.

Особенно опасно царю прислушиваться къ рѣчи кишащихъ льстецовъ. Британскій король Кануть хорошо изобличилъ всестокорно царскому слову, твердили льстецы; король, выйдя на берегъ, приказалъ волнамъ не касаться его одежды:

Море же одежды царски обливаше,

Волнъ своихъ метати напъ не престающе.

Тогда къ ласкателемъ сотворилъ есть слово:

Се зрите, слушати нѣсть море готово,

Всѣ убо вы мя словесы лцаете,

Егда вся покорна быти вѣщаете. ³⁾

Еще въ этомъ случаѣ царь ограничился обличеніемъ, то въ другомъ правъ, примѣняя къ льстецамъ и строгія мѣры. Справедливо ступилъ Θεодорихъ, краль Африки, съ рабомъ своимъ, вѣнчанъ изъ угодливости къ нему перейти въ аріанскую ересь: зная объ этомъ, велѣлъ его казнить: кто измѣнилъ такъ своему Богу, не будетъ вѣренъ и королю:

И тако окаянный Бога удалися,

И кравевы милости съ животомъ лишися. ⁴⁾

Ничего — нищія: у нихъ нѣтъ друзей, которые говорили бы имъ жить царю тяжелѣе, чѣмъ простому человѣку. Дамокль,

¹⁾ «Бразъ», тамъ же л. 341 (№ 4); *Буслаевъ*, Ист. Хрест. 1194; его же — *Н. И. Николаю Александровичу*, Старина и Новизна, кн. XII, М. 1907, 169—70.

²⁾ «Свѣдѣніе о народѣ», ркп. Ак. Н. л. 97 об. — 98. Майковъ, цит. соч. стр. 119.

³⁾ «Обличеніе», тамъ же л. 567 об. — 568.

⁴⁾ «Аріанъ», ркп. Ак. Н. л. 33.

⁵⁾ «Личета царей», тамъ же, л. 337 об.

льстецъ тирана Діонисіа, прельщавшій царя «блаженіемъ богатства и славы», такъ былъ изболченъ послѣднимъ. Дамокль облекли въ багряницу, возложили ему на голову вѣнецъ, скипетръ:

Придоша красніи юноши служити,
 Повелѣнія слово дѣломъ сотворяти.
 Представиша трапезу златомъ украшенну,
 Брашны и питіями дивнѣ исполненну.
 Различный мусикіи родъ ту предстояше,
 Сладкими гласы ушы съ сердцемъ веселяше.
 Въ кратцѣ буди рещи ми: вся ту дана быша,
 Яже царя самага сердце веселиша.
 Сиде Дамокль почтенный, превозвеселися,
 Въ жребіи блаженнѣйшихъ быти вомѣнися.
 Но тогда повелѣ царь власомъ увязати
 Мечъ острый, и надъ главу его низпущати.
 Его же узрѣвъ Дамокль, зѣло устрашися,
 Вострепетавъ всѣмъ тѣломъ, лицомъ измѣнися.
 Преста ясти и пити, всепечалень бяше,
 Пѣснѣи слушати, зрѣти юношѣ не хотяше,
 Моляше царя слезно, еже пущень быти.
 Не на престолѣ златѣ, но въ дому си жити.
 Не желаше блаженства себѣ царска къ тому,
 Но покоенъ сѣдѣти возлюбилъ есть въ дому ¹⁾.

Такова жизнь каждаго человѣка, такова и жизнь царя. И царь-человѣкъ, владѣемый страстями: поэтому, чтобы править дружно необходимо научиться управлять самимъ собой ²⁾. Враги тайно вокругъ царя: но да будетъ одною изъ главныхъ его добродѣтелей— «безмѣстіе»: Августъ не только простилъ своего врача Квину, и помѣстилъ его въ своемъ совѣтѣ ³⁾; Филиппъ Македонскій своего хулителя тайно посылаетъ златницы, и тотъ дѣлается его поклонникомъ: «знайте, говорить царь слугамъ, что въ моей власти и

¹⁾ „Мечъ истинный“, тамъ же л. 280 об.—281.

²⁾ „Правитель“, л. 391—391 об.

³⁾ „Безмѣстіе“, тамъ же, л. 36, (№ 4).

людей — «хулители во хвалцы». ¹⁾ Не нужно спѣшить наказывать не наказываетъ гордаго своего врача Менекрата, назваго себя богомъ Діемъ, «яко искусень баше недуги цѣлити» — повелѣть его на пиру на высокое мѣсто, велить возжечь предъ нимъ свѣчало, а яствъ не подавать, такъ какъ богъ въ нихъ не нуждается. Не казнить морского разбойника Діонида Александръ, (кото-го авторъ «Вертограда» не безупреченъ): ибо разбойникъ сумѣлъ изгнать царю —

яко единымъ разбиваю

Кораблемъ, за то злу титулѣ ношаю:

Разбойника мя люди именуютъ.

Тебе же царя обычно титулуютъ.

Яко многими полки брань твориши,

Моремъ, землею, вся люди плѣниши.

Аще то правда, изволи судити,

Потомже мене подѣломъ казнити. ³⁾

Царь, слыша отвѣтъ, прощаетъ Діонида, увѣщая его только не быть разбой.

Однако, есть случаи, когда кроткій и смиренный царь долженъ быть непреклоннымъ. Если самъ Христосъ «кротокъ на небо вознесъ, а на земли обратися въ ярости», превращенный изъ агнца во льва ⁴⁾ — царь земной не долженъ допускать въ мірѣ неправды и несправедливости. «Судія, злыхъ не казняй, безъ ума мечъ носить, за милость и милости свѣшше не упросить» ⁵⁾. Въ особомъ циклѣ исторій, представляющихъ подписи къ какимъ то гравюрамъ — «истинны» ⁶⁾ передъ нами проходятъ цари и судьи, праведные и неправедные; среди первыхъ — Соломонъ, Вильгельмъ «Батавскій»,

¹⁾ Добро за зло, тамъ же, л. 125 об.

²⁾ Ближеніе гордости, тамъ же, л. 568 об.

³⁾ Разбойникъ, тамъ же л. 414.

⁴⁾ Судія жестокой, л. 486 об.

⁵⁾ Судія, тамъ же л. 486. Ср. «Безказніе», л. 35 об.

⁶⁾ Царь истинны еже есть о блажайшемъ судія бесѣдованіе избранными на казни судебными, на мѣди прехитрости и преварины наръзанными пѣснями (тамъ же л. 584—585 об.). Одно изъ раннихъ произведеній Симеона: помѣщено въ Синод. 731 варяду съ «българскими» и польскими его стихами. Ср. также тамъ же. Синод. 389, л. 124—124 об.

«судьи кекропидовъ — ареопагиты», Віасъ и др. — Конечно, во царя прощать — но не все простимо:

Нѣсть же лѣтъ винна казни свободити,
Кольми же паче безвинна казнити.
Царю лѣтъ вѣщ'ше: можетъ бо простити,
[обаче не все] и животь дарствити ¹⁾).

Строгого, а не снисходительнаго, царя — судію прославляе Симеонъ:

Ни кто же да возмнитъ си безказиенно быти,
Страннымъ путемъ истина нѣже велитъ жити.
Не сидевъ Гвиліельмъ есть, но правды хранитель,
Рекшъ: кроئیю грѣхъ мыйй да будетъ правитель.
Онъ земледѣльцу краву повелѣ отдати,
И абіе преступцѣ главу оурѣзати,
О княже преголѣмый надъ вѣсми богатый
Имаши вездѣ имя яко вѣнецъ златый. ²⁾

Конечно, судъ правый долженъ вершиться «по правилу»: да должно быть разсмотрѣно во всей «пучинѣ», «прилежно»: но судъ да забудетъ при этомъ «страсть, дружбу, вражду», да не взираетъ ни на слезы, ни тѣмъ болѣе на злато, да будетъ «недвиженъ». Онъ, какъ Віасъ, можетъ заплакать самъ, осуждая на казнь, но кровь его не тѣшитъ: но виновнаго онъ не проститъ (паче слезъ) — нужда болѣзнь проявляти, обаче виновныхъ казни правой предавати ³⁾).

Неправедныхъ судей ждетъ самихъ злая казнь отъ царя: Камбизъ (Камвисій), царь персидскій, поручилъ правосудіе въ стражѣ своей Сисамну; но послѣдній, ослѣпленный золотомъ, творилъ судъ неуравный. Узнавъ объ этомъ, Камбизъ приказалъ содрать съ него кожу и покрыть ею сѣдалище судебное, дабы преемникъ Сисамна сынъ его Отанъ, пріучался, помня конецъ отца, судить по правдѣ —

¹⁾ Цитирую по Синод. 288, л. 558 об. Ркп. Ак. Н. л. 585—585 об.

²⁾ Синод. № 288, л. 558. Послѣдніе два стиха въ Синод. 731, л. 10 об. читаются такъ:

О княже преголѣмый надъ вѣсми батавы.
Имаши вездѣ имя предрагій славы.

³⁾ Оронъ, № 11, № 10 и № 8, ркп. Ак. Н. л. 585—585 об., 584 об.

ещенія! люта зѣло и страшна правды ученія» ¹⁾). Примѣръ власти являетъ философъ Залевкъ—царь Локренскій Салевъ издалъ законъ, въ силу котораго за прелюбодѣянiе грозило казнь. Согрѣшилъ его сынъ; собравъ совѣтъ, царь хотѣлъ казнить сына, но граждане молятъ пощадить его. Царь, «истинныи», соглашается по просьбамъ ихъ изъять только одно око сына тѣмъ, чтобы во имя закона и справедливости другое было оставлено у него. И ужасный судъ совершился: царь пожертвовалъ сыномъ закону, какъ Богъ Отецъ Сыномъ для спасенія мира.

Новъ, по возрѣніямъ Симеона, идеальный царь, соединяющій въ себѣ смиреніе, щедрость и кротость съ правосудіемъ и любовью къ истинѣ. Какъ солнце одно озаряетъ міръ, какъ Богъ на небѣ оный одинъ въ царствѣ:

Обаче въ помощь трудовъ нестерпимыхъ
Да имать совѣтъ мужъ благочестивыхъ,
Еже Моисію тѣстемъ совѣщанно,
Всякъ царь да возмнитъ къ себѣ глаголанно ³⁾).

Наряду съ нимъ въ мірѣ иная власть особаго порядка—такая какъ бы второе царство

ибо та владѣтъ

И тѣмъ, кто увѣнчанну главу си имѣтъ,
Сіе царство гонимо отъ силныхъ бываетъ,
Егда кто законъ ея ломити дерзаетъ:
Но отмститель тому Богъ имать возмездити,
Внегда восхощетъ дѣла всемірна свободити ⁴⁾).

Царская власть да смирится предъ духовной. Константинъ Великій заявлялъ, что, если бы увидѣлъ епископа, впадшаго въ грѣхъ, окрылъ бы его ризою отъ чужихъ взоровъ. «Не тако днесъ

¹⁾ Судъ», ркп. Ак. Н. 482 об.—483. Ср. „Өровъ“, № 5, 584 об.

²⁾ „Истинна“, тамъ же, 202 об.—203.

³⁾ „Өровъ“, последнее стих., л. 585 об.

⁴⁾ „Царство трегубо“, л. 548—548 об.

дѣтся, невинныхъ клеветуютъ, отмщенія Божія руки не трепещутъ. Когда во времена Никейскаго собора Константину подавали жалобу на епископовъ, онъ бросалъ хартіи въ огонь, говоря, что не хочетъ быть судьей тѣхъ, у кого ему нужно просить благословенія. Въ разсказу прибавленъ опять укоръ современникамъ:

Днесъ и тайныхъ взыскують, и лжи вымышляютъ.

Всякихъ словъ людіе и тѣхъ (епископовъ) облитаютъ.

Но такимъ клеветникомъ самъ Христосъ спаситель

Имать быти праведный за то зло отмститель²⁾.

И дѣйствительно, примѣровъ наказаній тѣмъ, кто не чтитъ Церкви и ея служителей, не мало: царь Валентиніанъ, не вставшій при входѣ епископа Мартина, а продолжавшій сидѣть «книжво» — долженъ былъ вскочить, такъ какъ подъ престоломъ запылалъ огонь: это научило его почтенію³⁾. Епископъ находится подъ особымъ покровительствомъ Божиимъ: епископъ (Пана) Левъ, ослѣпленный и лишенный языка римлянами, дважды исцѣленъ Господомъ, помогающимъ рабамъ своимъ въ бѣдахъ. Нѣкій царь отказался исполнить требованіе своего духовника — прекратить блудное житіе и онъ отпустилъ его отъ себя, несмотря на его усиленные просьбы: тщетно святой ищетъ корабля; тогда онъ переѣзжаетъ море въ плытокѣ, держа «параманъ» свой, какъ парусъ, жезломъ же пользуется, какъ кормиломъ. Въ стихотвореніи⁴⁾ не названы имена царя и его отца духовнаго; но легенда извѣстна изъ разныхъ источниковъ: въ «Великомъ Зерцалѣ», куда она также попала, дѣйствіе происходитъ въ Барцелонѣ, градъ арагонскомъ; имя святого мужа — Раймунда, короля — Іаковъ⁵⁾. Симеонъ Полоцкій, конечно, хорошо зналъ «Великое Зерцало» въ польскомъ изданіи; но, забѣгая нѣсколько впередъ, отмѣчу, что та же легенда имѣется и въ сборникѣ проповѣдей М. Фабера «Opus concionum» etc (1646); на поляхъ экземпляра

1) „Епископъ“, № 1, тамъ же л. 147 об.

2) „Епископъ“, № 2, тамъ же; срв. и № 3, 4 л. 147 об. — 148.

3) „Честь епископомъ должны“, тамъ же л. 559.

4) „Море преплавается въ куколѣ“, л. 308 — 308 об.

5) См., напр., „Великое Зерцало“ собр. Буслаева. (Публ. библ. Ф. 1. 131 гл. 107, л. 84 — 84 об.

дававшего Симеону Полоцкому¹⁾, характерная замѣтка: *«príncipes arguere? Resp. licet»*.

Нѣ съ святостію сана епископскаго отстуеть и самъ бичъ — аттила, когда епископъ трекассинскій Люпусъ начинаетъ молиться и съ вѣрою въ помощь Господню открываетъ пророка. Варваръ становится кроткимъ и городъ спасень²⁾. — на пари — отступники не чтутъ сана епископскаго. Съ ними нѣ борьбѣ, борьбѣ побѣдоносной, несмотря на то, что ея оружіе молитва. Въ «Вертоградѣ» разсказано нѣсколько нѣ такой борьбы съ Юліаномъ отступникомъ³⁾. Такой царь — — тиранъ и мучитель, отъ идеальнаго рѣзко отличный:

Кто есть царь и кто тиранъ, хоцещи ли знати;

Аристотеля книги потщися читати.

Онъ разнствіе обою сіе полагаетъ,

Царь подданнымъ прибытковъ ищетъ и желаетъ.

Тиранъ паки прижитій всяко ищетъ себѣ,

О гражданстей ни мало печаленъ потребѣ⁴⁾.

Онъ открываетъ собою группу отрицательныхъ образовъ — устрашающихъ примѣровъ, которые сильнѣе должны запечатлѣть памяти черты идеальнаго владыки. Царь — мучитель — это противоположность. Если тотъ смиренъ и не славлю-

1) Полное заглавіе—*Concionum opus tripartitum auctore Matthia Fabro SS. catholico Neoforensi, et Palatinatus superioris per Dioecesin Aychstadianam ordinis Societatis Jesu Presbytero. Pluribus Singula Evangelia argumentis et De Festis Sanctorum Totius Anni. Pars prima. Editio tertia, correctior concionum Indice quadruplici Concionum, rerum memorabilium, materiarum, regum et Caeremoniarum, accessit Index Miscellaneorum Conceptuum pro Funebribus, et, Nuptialibus, in Primitiis Sacerdotum, et ingressu vel exitu Religionis. Serenissimo Reverendissimo Principi Maximiliano Henrico Rector missu supriorum. Coloniae, Apud Joannem Kinchium, Anno MDCXLVI.*

2) Экземпляръ принадлежитъ нынѣ Библіотекѣ Харьковской Духовной Семинаріи. За пользованіе имъ привожу благодарность г. бібліотекарю Семинаріи Корітенько.

3) «Смирение», ркп. Ак. Н., л. 456 об.—457.

4) «Зоданіе злое» (св. Василій и Юліанъ) л. 76; «Слѣпота» (Юліанъ и еп. Григорій) л. 449 об. «Молитва» (монахъ Пондій), л. 297—297 об.

5) «Разнствіе», л. 415 об. На поляхъ (и въ другихъ свискахъ): Книга и заглавіе. I.

бивъ—тиранъ гордъ и тщеславенъ. Князь Карфагенскій Ганнонъ того одержимъ былъ славолюбіемъ, что велѣлъ закупить птицъ, ворящихъ по людски, и, научивъ ихъ произносить: «Ганнонъ великъ есть», пустилъ ихъ во все концы, дабы повсюду онъ разнесъ его славу. Но птицы, выпущенныя на волю, забыли Ганнона, заплѣли «естественнымъ гласомъ»: тщеславный же властитель обратился въ посмѣхъ людямъ¹⁾.

Сесостръ египетскій, побѣдивъ враговъ, превоспоиился гордостью и повелѣлъ соорудить себѣ повозку изъ чистаго золота, украшенную драгоценными камнями, и запрягать въ нее четырехъ плѣнныхъ царей: но однажды замѣтилъ, что одинъ изъ царей пристально смотритъ на колеса: на вопросъ Сесостра, что онъ тамъ видитъ, послѣдовалъ отвѣтъ: гляжу на колеса и разсуждаю

Вращеніе ихъ. Имъ же что высится,

Абіе тожде ко земли низится

И еже прежде вращаешся низко,
тебѣ есть близко²⁾.

Сесостръ понялъ намекъ и пересталъ запрягать царей въ колесницу.—Счастье переменчиво, но этого не хотятъ помнить царившіе суетной своей славѣ. Казнь Божія настигаетъ ихъ поздно или рано: гордый Навуходоносоръ обращенъ въ скота; Тиридатъ мучитель царя Арменскаго—въ вепря; Попела, польскаго короля (это, кстати, единственная извѣстная мнѣ ссылка Симеона на польскую исторію) на башнѣ, съ женою и двумя сыновьями съѣли мыши³⁾. Злобъ Каракалла, умертвивъ брата, недолго сидѣлъ на престолѣ: остракъ сѣкира казнила мучителя, и справедливый Паниніанъ не заступился за него⁴⁾. Валеріанъ, гонитель церкви Христовой, попался въ плѣнъ персидскому царю Сапору, и когда послѣдній сажался на коня, Валеріанъ служилъ ему подножіемъ⁵⁾.—Невидимая сила поразила Юліана, другаго врага Церкви⁶⁾.

1) «Славолюбіе», л. 437—437 об.

2) «Обличеніе гордаго мудрое», л. 568 об. Ср. «Торжество», л. 436.

3) «Казнь», № 1, л. 219.

4) «Өронъ истинны».

5) «Казнь», № 2 л. 219; № 7 л. 219 об.

6) «Молитва», л. 297 об.

Саввъ жестокой конецъ царей-мучителей. Жизнь свою они
жизне блудно, какъ король Наварры Каруль¹⁾, въ праздности
жизни: Еліогабалъ приказываетъ римлянамъ собирать паутину,
павъсу собравной познать число жителей города²⁾; Доми-
цианъ увлекается, протыкая иглою пойманныхъ мухъ, — «но и самъ
умретъ иконома, яко въ бездѣліе вдася»³⁾. — Царь благой не
былъ: тиранъ жестоко мститъ своимъ врагамъ: Юстиніану
мучили и отправили его въ изгнаніе; но ему уда-
лось вернуть себѣ тронъ; когда онъ возвращался на корабль, злые
люди на морѣ, совѣтники сталъ убѣждать царя дать обѣтъ
за обиды. Царь отвѣтилъ въ ярости: пусть я потону, если
не помстить! Жестока была его месть, но, по попущенію
Бога, онъ вскорѣ былъ убитъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ⁴⁾.
Тирани мучить своихъ подданныхъ, не печалится «о граждан-
скихъ вѣсѣхъ»: онъ обременяетъ населеніе налогами и поборами,
иногда Господу. Богъ далъ Троадѣ премножество соли, и люди
жили свободно: но, объятый лакомствомъ, Лизимахъ велѣлъ
соль съ пользующихся солью, и она исчезла до тѣхъ поръ,
пока не было отмѣнено⁵⁾. Такъ изсякъ и цѣлебный источ-
никъ Эпирѣ, когда князь Эпирскій сталъ брать поборы съ пив-
ныхъ и виною⁶⁾. Любовь къ золоту довела Калигулу до того,
что онъ обращался въ немъ, но —

Долго ли тако о немъ веселися;

Три лѣта, и десять мѣсяцъ. И оубися⁷⁾.

Другой златолюбецъ — Калифъ вавилонскій выстроилъ столпъ
изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней; враги напали на него,
и взяли сокровищъ, онъ не нанялъ войска. Взявъ въ плѣнъ,
и заключили его въ столпъ златой, гдѣ онъ и умеръ съ го-

¹⁾ «Блудникъ», л. 50 об.

²⁾ «Паутина», л. 357 об.

³⁾ «Мухокозь», л. 313.

⁴⁾ «Месть», № 1, л. 278 об.—279.

⁵⁾ «Соль», № 2, л. 467.

⁶⁾ «Поборъ», л. 369 об.

⁷⁾ «Златолюбіе», № 11, л. 471.

⁸⁾ «Златолюбіе», № 2, л. 435 об.

Жить подъ властью такихъ царей, разумѣется, истинно бѣдствіе:

Бѣдство: конемъ бѣгати, чрезъ море плавати,
Подъ мучителемъ лютымъ животь провождати¹⁾.

Они любятъ только льстецовъ; они унижаютъ философовъ, для провинившихся изобрѣтають мучительныя казни: Махметъ-султанъ, столь популярный въ русской литературѣ въ XVI в., найдя яблока на деревѣ, приказываетъ разсѣчь чрево отроку. Не видѣть, не съѣлъ-ли онъ плода: и, только найдя въ желудкѣ еще непереваренное яблоко, «звѣрь» успокаивается²⁾. — «Правду глголющій страждуть» въ государствахъ тирановъ: Камбизъ проводитъ дни въ пьянствѣ: когда Праксаспъ, его думный бояринъ, осмѣливается увѣщать его не пить—царь приказалъ на слѣдующемъ пирѣ сѣсть Праксаспа, служившему за столомъ, стать за порогомъ и ползать лѣвую руку вверхъ: взявъ лукъ, царь угодилъ стрѣлой прямо въ сердце юноши; вынуть стрѣлу, показавъ ее обличителю: «виждь, не погрѣшаетъ рука царская, еще чаши истощаетъ»³⁾.

Но—такое безчеловѣчіе, такую нелюбовь къ правдѣ вызываютъ не только цари—язычники: тоже самое творится и у царей христіанъ. Вотъ любопытное заявленіе по этому поводу одного магометанскаго царя:

Правды без'мьстіе.

Монахъ нѣкто ревности к'Богу исполнился,
Еже мучень занъ быти зѣло устремися.
И тече къ Агарянску Солтану злочтиву,
Вѣру проповѣдати всеблагочестиву.
Дерзнувша приступити, Солтанъ вопрошаше:
Чесого съ дерзновеціемъ у него искаше;
Рече монахъ: правду ти хочу глаголати,
Да возмогу за Христа от тебе страдати.

¹⁾ «Бѣдство», л. 64.

²⁾ «Мѣсто», № 2 (Діонисій мучитель), л. 319.

³⁾ «Мучительство», л. 314—314 об.

⁴⁾ «Правды безмьстіе», № 4, л. 390 об.

Тогда Солтанъ рекъ ему: трудъ тщетно дѣши,
 Яко смерти за Христа отъ насъ желаеши.
 Мы не пмамы о семь ты смерти предати,
 У князей христіанскихъ дерзай глаголати
 Правду; у нихъ конечно ону обрящеши.
 Каковы отъ мусулманъ монаше ищеши¹⁾.

Эти чертами изображаетъ авторъ «Вертограда Многоцвѣт-
 ныхъ плодовъ» идеального и дурного. Я не стремился исчерпать
 тему, не буду и доискиваться, что въ вышеприведенныхъ
 стихахъ является отголоскомъ событій и мнѣній, современ-
 ному: его отзывы о современности отчасти рассмотрѣны
 въ монографіи Л. Н. Майкова. Меня интересуютъ въ
 частности не столько его взгляды, сколько способъ проведенія
 разсужденій—историческіе примѣры. Судить о размѣрѣ познаній
 о древней и новой исторіи по этимъ стихотвореніямъ,
 конечно, трудно: примѣры носятъ случайный характеръ въ виду
 незначительной цѣли. Лишь немногія стихотворенія просто,
 безъ вывода отмѣчаютъ какой нибудь любопытный истори-
 ческій фактъ или обычай. Не безъ намѣренія, можетъ быть, въ
 «Академіи»²⁾—о томъ, гдѣ находилась академія Платона
 употреблено это слово; можетъ быть, въ связи съ интересомъ къ
 живописнымъ въ другихъ писаніяхъ³⁾, стоитъ стихъ. «Живо-
 писцы знаменитыхъ живописцевъ античной древности⁴⁾ и т. д.
 «случайныхъ»—выдается и по размѣрамъ, и по содер-
 жанію стихотвореніе «Тріумфъ» (102 стиха).⁵⁾ Нѣсколько словъ
 о мірскихъ царяхъ, противопоставленныхъ смиренному
 Христу на ослати, уже встрѣчалось намъ въ проповѣдяхъ
 въ стихотвореніи—нѣтъ морализаціи, это обстоятельный

Томъ № 2, л. 390—390 об.

Л. 3 об.

Ивановъ, указ. соч. стр. 137—149.

Л. 7.

«Тріумфъ или торжество побѣдное», л. 496 об.—498.

разсказъ о триумфальныхъ въѣздахъ римскихъ воеводъ послѣ удачной войны въ Городъ:

Иже входъ каковъ быти да знается.

И перомъ моимъ міру предается.

Разсказавъ о раздачѣ воинамъ золотыхъ, серебряныхъ и другихъ вѣнцовъ разной формы, онъ подробно описываетъ, какія жимы запрягались въ колесницу, какъ вожь, предшествуемый трубами, кимвалами, органами, въѣзжаетъ въ городъ, какія ему поются почести, какъ приносится жертва Дію, и чествуемый въ Капитоліумъ, и какое удовольствіе отъ всего этого «торжества побѣднаго» испытываютъ и участники, и зрители.—

Сію же свѣтлость не все твориша,

Иныя вожь къ рвенію будиша,

И люди ратны: да сіи ратуютъ

Храбро, ови же умно вождествуютъ.

Эти замѣчанія о полезности побѣдныхъ торжествъ были, конечно, забыты къ 1703-году, когда наставники Славяно-греко-латинской академіи устраивали такое же торжество въ честь «освобожденія Ливоніи», воздвигали врата, украшенные «символами, эмблемами и изобрѣтеніями піитическими», и должны были объяснять и оправдывать свои аллегоріи, въ виду ропота московскихъ людей, — особой брошюрѣ¹⁾.

Въ другомъ большомъ сборникѣ виршъ Симеона «Рвемологіи», гдѣ помѣщены стихи на случай, привѣтства, стихи поздравительные и хвалебные въ честь Бога, святыхъ, патріарха, царя, членовъ царской семьи, друзей Симеона и т. под., — мы не находимъ стихотвореній повѣствовательнаго характера, и по интересующему нынѣ вопросу онъ даетъ немного матеріала. Однако, и въ этомъ авторъ пользуется исторіей для сравненій и иныхъ риторическихъ и піитическихъ фигуръ. Оставляя въ сторонѣ мифологію, дожи-

¹⁾ См. А. И. Соболевскаго — «Когда начался у насъ ложно-классицизмъ», «Библиографъ», 1890, № 1.

«Орла Россійскаго» ¹⁾, гдѣ поминаются и Омиръ и Виргилій, пѣвецъ Енеевыхъ браней, и Демосеенъ, и Кикеронъ, — ограничусь нѣсколькими при-
мѣрами, какъ самый характеръ историческихъ ссылокъ избавляетъ отъ необходимости исчислять ихъ всѣ.

Извѣстномъ и отчасти напечатанномъ ²⁾ «Привѣтствѣ благо-
получному, тишайшему, самодержавнѣйшему Великому Государю,
италикому князю Алексію Михайловичю Всея великія И малыя
россій самодержцу О вселеніи его благополучномъ в'домъ
чудивеніемъ, предивною хитростію, пречюдною красотою, в
комоменскомъ новосозданный» ³⁾, Коломенскій дворецъ сравни-
вается съ чудесами древняго міра — онъ долженъ стать осьмымъ:

Семь дивныхъ вещей древній міръ читаше,

Осмый дивъ сей домъ, время имать наше.

Въ странѣ Египта пирамиды бяху,

Зданіемъ дивнымъ весь міръ удивляху.

Гамо и фарось пиргъ пречюдный бяше,

Иже огонь въ себѣ выну содержаше.

Нань же кораблями плывущіи зряху,

И въ Нилъ безбѣдно въ нощныи часъ вхождаху.

Гретіе чюдо Олимпъ содержаше,

С кости слоновы, Діевъ образ бяше.

Толико чюдно хитрцемъ изваяны,

Даже подобный в'мірѣ невиданны.

Четвертый міру дивъ колось реченный.

Мужъ въ градѣ родисъ съ мѣди сотворенный.

Толь велій, даже корабли хождаху,

Между ногъ его, а щегль не спрятаху.

Пятый въ ефесѣ бяше храмъ діанны,

В двѣстѣ двадесят лѣтъ едва созданы.

Шестый въ Каріи гробъ маузоловъ бяше,

Иже цѣною всякъ умъ удивляше,

¹⁾ «Орелъ», указ. статья А. И. Соболевскаго. «Орелъ Россійскій» по списку
находится подъ ред. Н. А. Смирнова печатается въ изданіяхъ Общества Люби-
мцевъ Письменности.

²⁾ Изреч. Хрест. Буслаева, ст. 1197—1199. *Татарскій*, указ. соч., стр. 129—130.

³⁾ Изд. № 287, л. 381—387.

(л. 382) Во Вавилонѣ окрестъ града стѣны,

Въ седмое диво отъ мудрыхъ сочтены.

Осмое нынѣ на Москвѣ явися,

Егда сей царскій твой домъ совершися.

Само по себѣ преданіе не имѣетъ значенія для автора, а вынужденъ исчислять чудеса, главнымъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать читателямъ понятнымъ наименованіе дворца осмысленнымъ. Также мало самостоятельнаго значенія имѣютъ и замѣчанія въ другихъ мѣстахъ сборника объ обычаяхъ аѳинянъ праздновать день рожденія Сократа, а персовъ—день воцаренія Ксеркса¹⁾, ссылки на Тимарея и на свидѣтельство «исторіописателя» Плинія²⁾, на царя Константина и на Максентія, съ коимъ сравнивается «безбожный турчанъ» вооружившійся на христіанъ въ союзѣ съ вселютымъ ханомъ³⁾ и др.

Подводя итогъ обзорѣнію «историческаго» элемента въ стихахъ Симеона Полоцкаго повторяю, что дѣлать какія либо заключенія объ осведомленности его въ всеобщей исторіи на основаніи разсмотрѣннаго—нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, онъ охотнѣе ссылается на великихъ знаменитыхъ царей и дѣятелей древности, чаще упоминаетъ Филиппа Александра, Юлія Кесаря, Августа и другихъ «царей Рима ветвистаго и новаго», чѣмъ Франциска I, Альфонса Арагонскаго, Карла Великаго, Вильгельма Оранскаго и под. Онъ не считаетъ нужнымъ щеголять своей ученостью, сообщать разностороннія свѣдѣнія: только исторія царей римскихъ и византійскихъ пересказана имъ въ хронологическомъ порядкѣ въ особой группѣ стихотвореній. Русскіе цари и князья (кромѣ Владимира Св.) и польскіе (кромѣ Понятовскаго) онъ не называетъ, несмотря на то, что съ ихъ исторіей знакомъ былъ, вѣроятно, достаточно. Его начитанность въ «книгахъ историческихъ» была гораздо значительнѣе, чѣмъ можно думать по приведеннымъ выпискамъ и пересказамъ. Я считаю нужнымъ остановиться на знаніи книгъ, какими располагалъ Симеонъ по исторіи, чтобы разобратъ въ источникахъ его историческихъ примѣровъ, можетъ

¹⁾ Тамъ же, л. 389.

²⁾ Тамъ же, л. 562.

³⁾ Тамъ же, л. 642 об.

⁴⁾ Тамъ же, л. 645 об.—646.

туту «философію» исторію, какая у него сложилась, и
 съ мотъ внушать своимъ читателямъ и ученикамъ.

II.

Изюляхъ рукописи «Вертограда», писанной самимъ Симеономъ
 (Синод. № 659) попадаются изрѣдка ссылки на источ-
 беди нихъ цитируются иногда и историки: Плутархъ, изъ
 токобы взять разсказъ о милетскихъ дѣвахъ-самоубійцахъ¹⁾,
 тописецъ, т. е. Іосифъ Флавій²⁾, Кедренъ³⁾, Науклиръ⁴⁾,
 итѣ какіе то «русскіе» и «римскіе» (католическіе) лѣто-
 воть, кого называетъ самъ авторъ; нѣкоторыя ссылки
 и въ двухъ другихъ спискахъ «Вертограда». Мы уви-
 шше; какое онѣ имѣютъ значеніе. Симеонъ не только много
 еще больше читалъ: въ Москвѣ у него была своя
 библіотека, частью пріобрѣтенная, частью полученная въ
 разныхъ лицъ, между прочимъ, отъ его друга и отчасти
 полоцкого архимандрита Игнатія Іевлевича: по смерти
 перешла къ Сильвестру Медвѣдеву, который, вѣроятно,
 ожилъ собраніе, въ 1698 году состоявшее изъ 539 №№,
 судить по неточной и небрежной описи, составленной
 Святейшаго Патріарха⁷⁾. Въ этой описи значится

Синод. № 659: «Отчаяніе», л. 127 об.

Тѣ же, л. 416 об. и др.

Тѣ же, л. 121 об. и 264.

Тѣ же, л. 225 об.

Тѣ же, л. 121 об.

Тѣ же, л. 306—306 об.

Она эта напечатана И. Е. Забѣлинымъ во «Временникѣ Московскаго
 и Древностей» (1853, часть XVI, стр. 53—67). Большая часть поиме-
 ей книгъ находится нынѣ въ Библіотекѣ Московской Синодальной
 померами, отмѣченными далѣе въ скобкахъ. Часть ихъ уже описана
 Библіотека Московской Синодальной Типографіи, ч. II—Печатныя
 Иностран. книги XV и XVI вв. (1484—1538 гг.); вып. II: Иностранныя
 (1539—1570 гг.) М. 1912. Другая часть библіотеки Симеона поимено-
 (Майковъ—указ. соч. стр. 7—8, примѣчаніе) въ «Описаніи Патрі-
 1718 года» (Русскій Архивъ 1864 года, приложеніе, сообщ. Полу-
 №№ 697—735 и не попала, кажется, въ библіотеку Синод. Типо-
 съ собственноручными записями Симеона разошлись по
 встрѣчаются и въ библіотекахъ Спб. Духовной Академіи, Харьковской
 (вѣроятно, въ составъ книжнаго собранія Стефана Яворскаго,
 Харьковскій учившій монастырь—Харьковскій Колле-
 и другихъ.

не мало и книгъ историческаго содержанія: среди нихъ общіе обзоръ всемірной исторіи—два тома «Вяблеи Отеки Мунди» (*Biblia Mundi Vincentii Burgundi I et IV tomi. Duaci 1624*), изъ которыхъ первый—знаменитое «*Speculum Historiale*» (Библи. Синодальной Типогр. № 3267); всемірная хроника Бриенія (*Phil. Brietii Annales Mundi, sive chronicon universale, Paris. 1633, pars IV. Синод. Типогр. № 3936*), «Гранографъ всего свѣта» (м. б. Petri Ottonii Laurentii Beyerlinck, *Opus chronographicum orbis univ. Antwerp. 1611; Синод. Типогр. № 3265*); къ этому же разряду относятся конечно, и «*Annales ecclesiastici*» Баронія¹⁾. За ними идутъ рядъ произведеній историковъ римскихъ и позднѣйшихъ: Саллюстій (*Sallustii Historia de conj. Catilinae et de bello Jugurino, Bas. 1571. Типогр. 3652*), Титъ Ливій (Типогр. 3653), книга «Иустина исторіи описца» (*Iustini historici de Trogo Pompeio 1593; Типогр. 3654*) и др.; «книга Іосифа Флавія» (*Flavii Iosephi Antiquitatum iudaicarum libri XX: De bello iudaico etc. 1534; Типогр. 3262*); представлены и польскіе хронисты—М. Бѣльскій (4117), М. Стрыйковскій (4121), Кромеръ (4119). Другую группу представляютъ книги полу-историческія, полу-географическія, описанія иностранныхъ государствъ, напр. «Монархія Турецкая» (Типогр. 4124) *Monarchia Turecka opisana przez Ricota, 1678*) «книга описанія Персидскаго царства» (Типогр. 3955: *Persia seu regni Persici statutus, variaque itinera per Persiam, 1623*). Обширенъ отдѣлъ книгъ по юридическимъ и общественнымъ вопросамъ: среди нихъ—и «Политика» Аристотеля—на польскомъ языкѣ (4131: *Polytyki Aristotelesowej, to jest rządu Rzeczypospolitey.. 1605*). Отмѣчу наконецъ присутствіе въ библиотекѣ и такихъ энциклопедическихъ сборниковъ каковы «*Polyanthea*» (Типогр. 3241), «*Loci communes, sive thesaurus legum rerum et materialium*» (Витемб. 1559; Типогр. 3710), «*Apophtegmata*» (переплетено вмѣстѣ съ книгой Marka Doktora

¹⁾ Я не успѣлъ, къ сожалѣнію, пересмотрѣть экземпляры Баронія въ библиотекѣ Синод. Типографіи и знаю о ихъ присутствіи тамъ по рукописному каталогу иностранныхъ книгъ, а въ библиотекѣ Симеона по упомянутой выше описи, въ ней значатся подъ № 1—въ дѣствѣ, на латинскомъ языкѣ «Бароніушъ XI книгъ», подъ № 95—«книга лѣтописецъ Бароніушъ», № 96—2 книги Бароніушъ, № 97—«книга Бароніушъ» и др.

theologa z Rabinem Żydowskim, Lwów 1645; Типогр. пр. 4).

Каталогъ мѣста заставляетъ меня ограничиться этимъ бѣглымъ. Нѣкоторыя книги (напр. *Speculum historiale* Виттв. Бовэ) носятъ на себѣ слѣды внимательнаго чтенія — замѣтки на поляхъ, закладки и под. Само собою разумеется, перечень не исключаетъ возможности чтенія Симеономъ книги, точно такъ же, какъ не заставляетъ думать, что онъ перечелъ всѣ вышеназванныя книги, бывшія въ его рукахъ. Онъ можетъ явиться отпавнымъ пунктомъ для опредѣленія той «исторіографіи», за предѣлы которой едва ли выйдетъ исторіа «Вертограда».

Древнѣйшей литературы здѣсь, строго говоря, немного. На свѣтъ двѣ тома знаменитаго «*Speculum quadruplex*» Виттв. Бовэ, изъ коихъ одинъ — «*Speculum Historiale*», не разъ уже упомянуто (написанъ ок. 1244—1254 г.г.), представляетъ, какъ не земную исторію съ сотворенія міра до 1244 года. Съ конца 13-го вѣка первый его составитель, «*vir in divinis scripturis studiosus, eruditus ac veterum lectione dives, ingenio subtilis et sermone*», какъ говоритъ о немъ Тритемій²⁾, пользовался репутацией авторитета и сохранялъ ее и позже, въ эпоху Фосса и Митра, и чуть ли не до половины XVIII-го вѣка. Для схоластической школы онъ былъ незамѣнимъ: исторія человѣчества, разделенная по шести вѣкамъ (сообразно шести днямъ творенія), сама имъ въ богословскомъ освѣщеніи; изложеніе — рядъ выводовъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ³⁾; если приводятся

¹⁾ Не пишу въ виду называть всѣхъ историческихъ сочиненій, находящихся въ описи. Нѣкоторыя, упомянутыя въ описи, остались для меня неясными: напр., книга «исторія римская разная въ тетратехъ на польскомъ языкѣ» (№ 53), книга «Исторій византійскихъ» (въ описи 60); но и изъ известныхъ источниковъ немногія, такъ какъ цѣлью моею было дать лишь самое общее понятіе историческомъ отдѣлѣ бібліотеки, полный каталогъ которой представлялъ бы важный документъ для историка русской литературы, какъ и для историка просвѣщенія.

²⁾ Tithemii, De scriptoribus ecclesiasticis. № 457. Цитирую по Histoire littéraire de France, tome XVIII, page 514.

³⁾ H. pp. 483—484; ср. Fabricius, Bibliotheca greca, ed. 1718—1723, tomus pp. 67—125.

свѣдѣнія о какомъ либо поэтѣ, историкѣ, философѣ, отцѣ церкви и под. — тутъ же рядъ выписокъ изъ сочиненій этихъ писателей. Въ итогъ — обширная энциклопедія, позволявшая блистать Симеона разносторонней ученостью, подлинная «*bibliotheca mundi*», собиравшая, какъ Великія Четьи-Минеи митрополита Макарія, все «старое и поемое». Іоаннѣй Голытовскій и другіе южно-русскіе ученые ею часто пользовались; Симеонъ Полоцкій, какъ уже было замечено, перевелъ изъ нея главы о Магометѣ и, вѣроятно, оттуда и извлеченія изъ Петра Альфонса¹⁾; мы увидимъ далѣе, чѣмъ Симеонъ обязанъ Викентію и въ интересующей насъ сейчасъ области.

За исключеніемъ римскихъ и раннихъ христіанскихъ авторовъ, остальные историки относятся или къ самому концу среднихъ вѣковъ, или къ эпохѣ Возрожденія. Конечно, Симеонъ зналъ польскую хронику М. Бѣльскаго, могъ знать и его «Всемірную хронику», читалъ и Стрыйковскаго; зналъ и излюбленные въ концѣ XVII-го вѣка позже русскими читателями «Лѣтописи» Баронія, сохраняющія свой авторитетъ въ старообрядческой средѣ до настоящаго времени. Очень возможно, что онъ заглядывалъ и въ компиляціи нѣмецкихъ историковъ XVI в. Науклера²⁾, Каріона³⁾ и др., популярныя въ Польшѣ. Въ его рукахъ могли быть и тѣ сборники историческихъ анекдотовъ и изреченій, «*facta et dicta*», «*Apropheteigmata*» и под., ходившіе въ Польшѣ⁴⁾ и въ подлинникахъ и въ переводахъ, въ основаніи которыхъ Рей написалъ свой «*Zwierzytniec*»⁵⁾.

¹⁾ Рукопись съ этими переводами указана выше (Синод. 660).

²⁾ D. Johannis Naucleri. Chronica succinctim comprahendentia res memorabiles saeculorum omnium ac gentium ab initio mundi usque ad annum Christi nati 1500. Cum auctario et appendice nova. Coloniae 1544.

³⁾ Chronicon Carionis expositum et auctum a Philippo Melanchtone et Casp. Peucero. Sumptibus Samuelis Crispini. 1625 (1-е изд. 1549).

⁴⁾ О нихъ см., напр., *Chrzanoski* — «*Zwierzytniec*» Mikołaja Reja z Nagłowca. Atenum, 1893, Lipiec, str. 79—83.

⁵⁾ Сборникъ Рей, невольно воспоминающійся при обзорѣ историческихъ прикладовъ Симеона, мало имѣетъ общаго съ соответственными отдѣлами «Вертоградъ», и, вѣроятно, не былъ извѣстенъ автору послѣдняго. Несмотря на разнообразіе темъ «Зверивца» и на то, что первый его отдѣлъ, гдѣ «*rozczynają sprawi i podług pamięci godne onych Królów i inych Stanów sławnych, tak pogańskich jako i Krześciańskich, z którychby właśnie każdemu pocziwemu stanowi przystało dobrze przyłożyć ku swym postępkom bracia*» основанъ на сущности, на томъ же историческомъ матеріалѣ или, по крайней мѣрѣ, на очень сходномъ — между прикладами разныхъ авторовъ совпаденій въ темахъ почти нѣтъ. Разсказанному выше стих. Симеона —

смотря на разнообразіе авторовъ, содержаніе этихъ книги и исторіографіи болѣе или менѣе одинаковы. Они не разъ повторялись въ научной литературѣ¹⁾. Исторія—одна изъ главныхъ наукъ богословія: ея задача—доставлять примѣры и наставленій, показать дѣйствіе Божественнаго Промысла въ минувшихъ жизни человѣчества или отдѣльнаго народа. Изображеніе дѣлъ и наказаній Божіихъ можетъ также благотворно вліять на читателей, остерегать ихъ. Цѣль исторіи—прежде всего нравственное совершенствованіе читателя, и только между прочимъ—расширеніе его умственного кругозора. Тактическій взглядъ, прoderжавшійся въ исторической литературѣ до временъ Ранке, высказывается одинаково какъ католическимъ и протестантскими авторами. Съ этой точки зрѣнія о значеніи исторіи говорить Меланхтонъ въ предисловіи къ исторіи Каріона²⁾; тоже повторяетъ и Мартинъ Бѣльскій въ предисловіи къ своей всемірной хроникѣ³⁾. Исторія, по его словамъ, даетъ великимъ людямъ и цѣлымъ народамъ вѣчную славу въ томъ, что они жили, расширяетъ умственный кругозоръ; читая ее—

Będziesz wiedział na świecie przygody,

Prace, zyski, pożytki i szkody.

Siedząc doma, nie chodząc w oględy,

Możesz zwiedzić wszystkie kąty wszędy.⁴⁾

¹⁾ Соответствуетъ у Рея (цитирую по изд. d-ra W. Bruchnalskiego, Biblioteka polska, Kraków 1895: „Mikołaja Reja Zwierzyniec 1562“) — „Zachodnik“, VI, стр. 16 (Zelenkus, Król lokreński); стих. „Добро за зло“—XIV, стр. 19 (Filip, macedoński Król); стих. „Худородія память“—XXX „Prawda“, стр. 25. Вотъ, кажется, и все (изъ 235 примѣровъ перваго отдѣла) тамъ. Во второмъ отдѣлѣ лица и факты польской исторіи: Симеонъ, какъ видно пользуется ни польской, ни русской исторіей; въ примѣрахъ Рея гораздо болѣе стремленіе поучать, чѣмъ у Симеона; общаго между ними остается необходимое отношеніе къ историческому матеріалу, который для нихъ составляетъ и любопытныхъ случаевъ, отсутствіе критики, анахронизмы и под. и т. д. Между прочимъ, см. Marie Schulz—Die Lehre von der historischen Methode des Geschichtschreibens des Mittelalters (VI—XIII. Jahrhundert). Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Heft 13, Berlin und Leipzig, 1909.

²⁾ Cit. cit., Epistola dedicatoria (стр. 20): Est omnino necessaria singula hominum cognitio, sed maxime gubernatoribus, quae sine temporum serie, sine chronologia, et non monstrato imperiorum ordine, lucem non habent.

³⁾ См. Ign. Chrzanowski—Marcin Bielski. Studium literackie. Warszawa 1906, стр. 101.

⁴⁾ Замѣтимъ, что въ данный моментъ „Kroniki świata“ цитирую по изданію 1895 г., стр. 59.

Здѣсь уже нѣкоторое распріеніе средневѣковыхъ рамотъ содежаніе остается прежнимъ—факты «куріозные» и «вельми полезные».

Дидактическая тенденція не только освѣщаетъ эти факты, она же обусловливаетъ и ихъ расположеніе. Жизнь человѣчества распредѣлена по «вѣкамъ», «эпохамъ», «міровымъ возрастамъ». Науклеръ различаетъ въ исторіи двѣ большихъ эпохи: *Generatio carnalis* и *generatio spiritualis*: граница между ними—Рожденіе Христово. Каріонъ дѣлитъ ее на три: отъ Адама до Авраамъ—тысячи лѣтъ; отъ Авраама до Христа—столько же, отъ Христа до Страшнаго Суда—столько же, итого шесть тысячъ лѣтъ «*milia annorum mundus, deinde conflagratio*». Это—отголоски менитатаго ученія о «шести вѣкахъ», отъ временъ Августина и Лактанція господствовавшаго въ средневѣковой исторіографіи. Заменитый Беда, сочиненія котораго въ изданіяхъ XVI--XVII вѣковъ могъ читать и Симеонъ Полоцкій, принимаетъ и изъясняетъ это ученіе о шести міровыхъ возрастахъ въ своихъ трактатахъ «*De temporibus*», «*De temporum ratione*» и др.». *Sex aetatibus mundi tempora distinguuntur.*»¹⁾ Первый—отъ Адама до Ноя, второй—отъ Ноя до Авраама, третій отъ Авраама до Давида, четвертый—до Вавилонскаго переселенія, пятый—до пришествія Спасителя, шестой—нынѣшній: седьмой вѣкъ—будущій—«*aetas quietis septima*», какъ сказано въ латинскомъ гимнѣ,²⁾ приписываемомъ Бедѣ. Конечно, Викентій изъ Бовѣ держится того-же порядка. — Возвращаясь къ болѣе новымъ историкамъ, замѣчу, что и М. Бѣльскій тоже изъясняетъ шесть вѣковъ, на основаніи своихъ латинскихъ источниковъ, въ порядкѣ тотъ же, что и у Беды Достопочтеннаго.³⁾

Не обошелъ этой теоріи, отчасти навѣянной книгой пророка Даниила, и Симеонъ Полоцкій въ своемъ «Вертоградѣ». Онъ ра-

¹⁾ Цитирую по изд. *Migne's, Patrol. cursus completus, ser. lat., tomus XV. Venerabilis Bedae tomus primus: De temporibus liber, caput XVI et sq. col. 288 et 289.* Въ трактатѣ «*De temporum ratione*»,—седьмой—періодъ покоя въ мртѣ съ Богомъ, восьмой—вѣкъ жизни будущей, послѣ воскресенія мертвыхъ (*ibid. col. 576—578.*)

²⁾ *Patrologiae tomus XCIV. Bedae tomus V, col. 621—623, (Hymnus IV.)* Ср. *Latéinische Hymnen des Mittelalters, hrsg. von Mone, Erster Band, Freiburg und Breisgau, 1853, № 1: Hymnus beati Bedae presbyteri de opere sex dierum mundi et de sex aetatibus mundi, S. 1—4.*

³⁾ *Chrzanowski, op. cit., str. 105.*

въ вѣковъ, въ связи съ различными мистическими значе-
н- ными числами: семь—число даровъ Духа святаго, семь добро-
т- ныхъ таинствъ, семь печатей на книгѣ Агнца въ «Откровеніи»,
о- ныхъ, на коихъ Премудрость утвердила храмъ и т. д.:
о- ныхъ вѣковъ,

Ими же ко вѣчности текутъ человѣцы,
Дажь Боже ко блаженной. Тѣи же суть вѣцы.
Первый есть отъ Адама, иже конецъ взяше.
Егда потопъ за грѣхи во вселеннѣи бѣаше.
Второй бысть отъ потопа, иже оконченны,
Егда Авраамъ въ мірѣ жилъ есть божественный.
Третій отъ Авраама до Моисіа былъ есть,
Иже вѣрно Господу въ законѣ служилъ есть.
Четвертый отъ Моисіа бѣаше протяженный,
Даже Давидъ на царствѣ сѣдѣ оутверженный.
Пятый вѣкъ, отъ Давида царя положенный,
До ввѣгда родъ еврейскій въ вавилон плѣненный.
Шестой отъ плѣненія того положися,
До времени вѣнеже Богъ плотью родися.
Седьмой, отъ Христа Бога лѣты претекаетъ,
Кто вѣсть день судный, конецъ сего вѣка знаетъ¹⁾.

Эта вариация общей схемы, едва ли самостоятельная, хотя
иная и не могу сейчасъ указать. Самостоятельность у Симеона
заключается въ выборѣ матеріала, его расположеніи, иногда
переработкѣ, но рѣдко въ освѣщеніи, рѣдко въ мысляхъ.
Онъ бы вмѣстѣ съ М. Бѣльскимъ о себѣ сказать, что онъ
«nie pisze, tylko co w łacińskiem napisano», и не такъ
неслабедливо въ этомъ уваженіи къ латинской и польской
уважали его враги (Евѣимій); онъ и самъ признается въ пре-
дѣлѣ «Вертограду», что тщаніе положилъ многое и трудъ
иногда то, чтобы *пересадить* «богодуховенноцвѣтородныя»
корни изъ иностранныхъ вертоградовъ въ «домашній»
славянскій.²⁾

Вопросъ о непосредственныхъ источникахъ его историческихъ примѣровъ слишкомъ великъ для того, чтобы поднимать его въ настоящей статьѣ. Въ общемъ, ихъ надо искать, конечно, въ литературѣ, болѣе охарактеризованной выше. Вопросъ осложняется тѣмъ, что писатели эти повторяютъ другъ друга иногда чуть не дословно: категорическое утвержденіе, что Симеонъ тотъ или иной анекдотъ взялъ у Викентія, а не у кого иного — рѣшительно можно, да едва ли и необходимо. Самъ онъ, какъ мы видели, часто ссылается на опредѣленнаго писателя, и еще вопросъ, насколько можно вѣрить его ссылкамъ — особенно находящимся въ текстахъ стихотвореній.¹⁾ Однако, для болѣе или менѣе полной характеристики разсматриваемаго здѣсь цикла, мнѣ кажется, было бы бесполезно, не удовлетворяясь общимъ указаніемъ историческихъ сочиненій, извѣстныхъ Симеону Полоцкому — показать, какъ онъ читалъ, какъ передавалъ прочитанное. Надѣюсь вернуться еще къ вопросу объ источникахъ его произведеній, ограничусь здѣсь нѣсколькими примѣрами.

Обычно Симеонъ поступаетъ со своими источниками такъ. Расскажъ или сентенція, приглянувшіеся ему въ текстѣ «Зерцала»

¹⁾ Не могу не сослаться по поводу сказаннаго на какой нибудь определенный случай. Есть, напр., въ „Вертоградѣ“ стихъ „Скаканіе“ (№ 3), начинающееся такъ.

Науклѣрь историкъ дивная вѣщаеть,
умы чтущихъ то, зѣло оудиняеть.
Въ веси, глаголетъ Колбеке реченный.

въ Алверстаденстей земли населенный... (л. 431 и далѣе л. 431).

Дѣйствительно, въ „Хроникѣ“ Науклера (ор. cit., изд. 1544, generatio fol. 685) находимъ подобный разсказъ (о страшномъ наказаніи плясавшихъ по церковной службѣ въ кануны Рождества Христова; разсказъ этотъ, между прочимъ, находится въ *Chronicon Hirsaugiense* Тритемія подъ 1012 годомъ, гдѣ упоминается имя священника, проклинавшаго танцоровъ — св. Рупертъ, и имя главнаго изъ клѣтыхъ Othertus или Othoperdus; мѣсто дѣйствія — Саксонія), начинающійся, однако иначе: „Imperante Henrico (II), accidit miranda res in Saxonia et in dioecesi Magdeburgensi, ubi erat ecclesia S. Magni, quidam sacerdos, ut refert Vincentius et Joh. de Calandum Missam celebraret.“ etc. (имя главаря танцоровъ Hubertus). Названный историкъ, указанный Симеономъ, у Науклера нѣтъ. Его „Хроника“ не была, очевидно, имъ считана. Источникомъ же стихотворенія — или „Wielkie Zwierciadło przykładów (ssm. 1530. № 2166, Taniec, str. 1105, przykład V: Trafiło sie w jedney wsi Kolbeche Halberdenskiej Dyocesisiey w Saskiej ziemi“ etc., или — Vincentius Bellovaceus. *Speculum Historiale*, lib. 25, cap. 10 (откуда и взятъ этотъ разсказъ составителями „Зерцала“).

изъ Бова, или у какого нибудь историка, или у проповедника переводить дословно, насколько позволяют это требования и приемы; впрочемъ, онъ охотно опускаетъ подроб-
содержающія разсказу мѣстный колоритъ, для которыхъ по-
нотъ бы комментаріи: зато распространяетъ новыми словами
то, что заключается въ разсказѣ; такому распространенію
зая обыкновенно морализація; въ источникѣ иногда нѣтъ нраво-
выхъ выводовъ и замѣчаній: въ такомъ случаѣ Симеонъ при-
бавляетъ отъ себя. Особенно охотно онъ выбрасываетъ собствен-
ныя и названія мѣстностей: вмѣсто опредѣленнаго короля у
называетъ «въ странѣ нѣкоей»; въ связи съ этимъ стоятъ и та-
личія—если можно такъ выразиться—понятій и лицъ, кото-
рыя искируетъ свои источники: подобно переводчикамъ «Великаго
дѣла» замѣняетъ папу—епископомъ, статую—иконой и т. под.
именна въ этихъ разсказахъ (какъ и въ другихъ случаяхъ)
старается передавать въ той формѣ, какую они имѣли бы въ
оригиналѣ, греческаго: онъ не пишетъ Камбизесъ, а Камвизесъ,
и великаго называетъ Альвертомъ, Гомера—Омиромъ, Ци-
церономъ (повидимому, латинское с въ XVII в. на самомъ

концѣ въ такихъ случаяхъ приходится искать въ текстѣ стихотворенія,
такъ, въ стихъ:

На кимитирій взидоша ногама,
кимитирій* (польское cmentarz, smyntarz, лат. coemeterium, coemite-
rium, греч. νεκροτάφειον; какъ увидимъ, Симеонъ часто придаетъ греческую форму
словамъ съ латинскаго словамъ и именамъ), указывало бы, по моему мнѣнію,
на источникъ; съ другой стороны, ср. заключеніе—

W. Z.: Ostatek drzeniem członków karanie swoje pokazowali

В. М.: Казнь божественну явъ сказовеху,
и «Долбека»—«весь», соответствующее польскому обозначенію.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ разсказомъ, излюбленнымъ
мною латинской и польской проповѣди «прикладомъ». Теофанъ Прокопо-
вичъ риторикъ издѣвается надъ нимъ въ ряду «безчисленныхъ другихъ басенъ»
у Писарева Дух. Акад. т. I, 1865, стр. 625). Въ сборникѣ Маршанція «Hortus
литературный былъ въ рукахъ у Симеона (см. далѣе) на стр. 516 экземпляра,
которому автору «Вертограда» разсказъ этотъ отчеркнулъ и на подлинѣ
и на «mobile lectu». Къ литературной исторіи стихотворенія «Скаканіе» я надѣюсь
еще замѣчу, что авторъ его, очевидно, зналъ этотъ сюжетъ по нѣсколь-
кимъ именамъ: его передача не переводъ одного какого нибудь изъ нихъ, а сво-
бодное измышленіе, при чемъ его занимаетъ не столько фактическая сторона (именъ
и названій мѣстъ), сколько трагичность происшествія, причина наказанія:
переводъ зѣло досаждаетъ,

Яко Божіей службѣ пакостиша и т. д.

дѣлѣ произносили въ школахъ такъ же, какъ и теперь) Демосѣиномъ (sic) и т. д.

Впрочемъ, онъ не всегда — переводчикъ и передѣльватель опредѣленнаго текста. Передавая разсказъ по одной какой-либо версии, онъ припоминаетъ иногда другую развязку по иной — отмѣчаетъ: «иніи пишутъ». Изрѣдка проявляетъ онъ и элементы критики: пересказывая, напр., житіе Іоанна Богослова, онъ приводитъ мнѣніе, по которому Іоаннъ взятъ живымъ на небо и явленъ предъ Страшнымъ Судомъ вмѣстѣ съ Енохомъ и Іліею: эти послѣдніе объясняли отсутствіе тѣла Іоана въ гробницѣ на другой день погребенія: но это не представляется Симеону достовѣрнымъ.

Но нѣсть се достовѣрно, вѣрнѣе первое,
Чтѣ перенесенно тѣло егово святое¹⁾.

Повидимому, можно указать на *Speculum Historiale* Викентія *Annales ecclesiastici* Баронія, хронику Науклера, какъ на книги, въ которыхъ Симеонъ прибѣгалъ особенно часто при составленіи «Вертограда»; кромѣ нихъ и всевозможныхъ антологій «*Polyanthea*» историческіе примѣры попадались Симеону и въ сборникахъ латинскихъ проповѣдниковъ — М. Фабера и Меффрета («*Hortulus Regius*»). И. М. Тарабринъ уже давно указано сочиненіе Викентія и проповѣди Фабера, какъ источникъ апокрифическихъ и легендарныхъ мотивовъ «Вертограда»²⁾; указаніе не теряетъ своей силы и при разсматриваемомъ мною циклѣ. Подтверждаю это нѣсколькими примѣрами. Вотъ стихъ Симеона «Судъ» (объ императорѣ Траянѣ и параллельная выписка³⁾ изъ «*Speculum historiale*» (на поляхъ послѣдняго вся дальнѣйшая цитата отчеркнута и поставленъ знакъ NB):

¹⁾ Рук.п. Ак. Н. л. 216 об. Срв. ниже въ Царяхъ Рима Ветхаго* № 33, особенно 38 и др.

²⁾ См. Древности. Труды Славянской Комиссіи И. М. Археологическаго Общества, т. 3, М. 1902, протоколы, стр. 23—24: И. М. Тарабринъ, «Апокрифическій элементъ въ „Вертоградѣ“ С. Полоцкаго».

³⁾ За справку о страницѣ приношу благодарность г. бібліотечарю Синодальной Типографіи А. А. Покровскому.

C y d z.

Изд. Наукъ 31. 7. 3.
483 об.—484. (6).

Цесарь на войну изъ
Рима идяше

на коня своего всѣдаше,
вѣзъ нѣкая ногу похитила,
и тѣми слезы суда есть

просила:
дать праведный судь свой
сотворити,
позвавша сына оныя оубити.

ко царю: ты царство
правиши,
тембиду стражду, молю да
судиши.

...не: потерпи, егда
возвращуся,
...трудъ праведный творити
потщуся.

еще ся царю невратиши,
праведный судъ бѣдѣй
сотвориши;

пш: то наслѣдникъ мой
содѣтъ тебѣ,

то могу обѣщать себѣ;
содѣтъ, то въ пользу
не твою,

гвѣ дѣломъ прославить
правду людемъ свою.

от тебе требую, да ся ты
славиши.

ОДНУ МОЮ СУДОМЪ ТЫ
ОТМСТИШИ.

вѣсь долженъ еси: твое
то есть дѣло.

и нудить мя къ тебѣ
глаголати смѣло.

Синод. Гипор. 3267: Vincentii
Bergundi, Speculum Historiale
(Bibl. Mundi, tomus IV, Duaci
1624), Liber X, cap. 46: De
imperio Traiani, p. 385, col. 2:

Hic (Traianus) aliquando cum profecturus ad bellum iam equum ascendisset, vidua quaedam, apprehenso pede illius, miserabiliter lugens, iustitiam sibi fieri de his qui filium eius iustissimum et innocentissimum occiderant, poscebat. Tu, inquit, Auguste, imperas, et ego tam atrocem iniuriam patior? Ego, ait ille, satisfaciam tibi, cum rediero. Quod si non redieris? ait illa. Successor, inquit, meus satisfacit tibi. Tu mihi debitor es secundum opera tua, mercedem recepturus, fraus autem est nolle reddere, quod debetur. Successor tuus iniuriam patientibus vel passuris, pro se tenebitur, te non liberavit iustitia aliena: Bene agitur cum successore tuo si liberaverit se ipsum. His verbis motus Traianus, descendit de equo, et causam viduae praesentialiter examinavit, et condigna satisfactione viduam consolatus est.

и Альфонса, короля Арагонскаго («Дѣлати»: Concio V, in festo S. Michaelis, 9. VI., стр. 141), объ ужасномъ концѣ Карла VIII («Блудникъ» ср. Concio V, in festo S. Mariae Magdalenae, стр. 453.)¹⁾, о любви къ просвѣщенію Франциска I, короля Франціи («Образъ»: ср. Concio IX, in festo Nat. Christi, 9. VI., стр. 24) и др. — Какъ примѣръ распространенія Симеономъ этого разсказа Фабера, можно указать его стихотвореніе «Глава акаголавшая». Текстъ его напечатанъ въ «Исторической россіи» Буслаева, и поэтому я не привожу его здѣсь.²⁾ Тотъ же разсказъ у Фабера (Concio I, in festo S. Georgii, B. I. стр. 233 «Refert Guil. Paris. et Medina aliique, Albertum Magnum dixisse aliquando caput hominis aeneum, tanto artificio, ut artium videretur. Quod cum vidisset audissetque discipulus eius Thomas Aquino ratus subesse aliquid magici, arrepto malleo confregit. Albertus, indoluisse et dixisse fertur: proh quid fecisti? Annum annorum perdidisti. Quanto labore sudatur, ut ex hoc fiat vir iustus? et hunc tamen omnem laborem perdit unum tantum»). У Симеона сохранены отдѣльныя выраженія этого разсказа (Thomas de Aquino передано «Θому иже съ Аквина»), но правоучительный выводъ, но распространенъ значительно. Стихи Фабера дали ему матеріалъ для 12-ти стиховъ, хоть мысль осталась та же.

Вотъ другой примѣръ передачи — безъ измѣненій, но съ прибавленіемъ вывода:

Печаль.

и Фіорій въ узы во
верженный
и испанскимъ, обнощъ
измѣненный
и въ старца: ибо его
власы,

Didacus Osorius Hispanensis
a Rege Catholico in carcerem
obiectus adhuc admodum iuvenis,
unica tantum incarcerationis
nocte prae nimia animi
angustia, cogitationibus mentem
exagitantibus, totus incanuisse
dicitur: ideoque dimissus a Rege

¹⁾ Автографъ. Синод. 659, л. 16 — противъ стих. „Блудникъ“ указано иное чтеніе Фабера, мною не найденное. Цитаты изъ Фабера по изд. 1616, по экземпляру принадлежавшему Симеоноу Полоцкому (см. выше).

²⁾ Иерич. Хрест. ст. 1192—1193 (по Синод. № 288). Ср. рукоп. Ак. И. л. 97.

Из'червыхъ быша сѣды, в'малы
часы.

Се печаль како скоро измѣняетъ,
Всякъ земнородный то да
разсуждаетъ.

Краль же увѣдѣвъ то измѣненіе,
Дарова ему вины прощеніе.

(Рукоп. Ак. Н. л. 357 об.).

Наконенъ, у этого же Фабера — источникъ еще одного сказа съ устраненіемъ именъ и мѣстныхъ чертъ, о чемъ уже говорилось выше:

Епископъ (3).

Епископъ нѣкто с'царемъ на
трапезѣ бяше,

Егоже царь ко правдѣ словомъ
оувѣщаше,

Онъ ублаживъ царское слово, рече
къ нему:

Изволи богомолцу сказати своему:

Рыбу подлежащую откуда начати:

От главы, ли ошита; азъ не могу
знати.

Царь отвѣща: от главы. Онже
подложилъ есть:

Право твой царскій разумъ сіе
осудилъ есть:

И сотвори такожде, изволи начати

От царскаго ти лица, правду
совершати.

Отпусти сродницу си, нѣсть та
жена тебѣ

Довле сотвори плотстей законно
потребѣ.

Таковымъ епископомъ быти
подобаетъ,

et vita donatus, quod
iam gustasset. Refert Petr. H.
Silu. p. 2. c. Z.

Faber. Concio III in festo
Assumptionis Beatae Mar-
Virg. F. V, стр. 514.

Hinc cum Fridericus Traiectensis Episcopus inter epulas a Ludovico Pio Imperatore admissus, retur, ut absque ullo personarum respectu jus diceret: Recte respondit, inquit; sed et illud scire cupio, utrum piscem a capite an a cauda aggredi deceat? Cum Imperator a capite tanquam praestantiori parte inchoandum respondisset, subintulit ille: Ergo et tu imperator renuncia prius incesto conjugio, quod contraxisti sic aliter apud Baron. Anno 838. Traiectensis in spec. magistr. fig. 62.

Ibid. Concio I in festo Andreae E. IV, стр. 514.

¹⁾ На поляхъ экземпляра NB.

изярю рещи правды не
страшаетъ.
креститель древле
сотворилъ есть:
и божіемъ главу положилъ
есть.
Синод. № 288, л. 159—

примечаясь пока этими примѣрами, дамъ въ заключеніе
для иллюстраціи того пути, по которому приходится
справляться при изслѣдованіи источниковъ «Вертограда».
Въ общемъ обзорѣ стихотвореній на темы изъ всеобщей
исторіи находящихся, приходилось упоминать «Местъ или
мѣсто-разсказъ («сагу») объ убійствѣ Лонгобардскаго короля
и его женой Розамундою. Этотъ популярный сюжетъ, пе-
решедшій въ свое время и Павломъ Діакономъ¹⁾, могъ быть
известенъ и изъ разныхъ источниковъ. Во первыхъ, подроб-
ную передачу мы находимъ у Баронія²⁾ въ его «Анналахъ»:
онъ хорошо зналъ ихъ и пользовался ими для «Вертограда»:
одно изъ стихотвореній³⁾, которое я не отношу въ разрядъ
стиховъ на темы изъ всеобщей исторіи, онъ на поляхъ
повторено и въ двухъ копіяхъ) дѣлаетъ на Баронія точ-
ное указаніе. Разсказъ Баронія много длиннѣе и обстоятельнѣе
описаніе: но, во первыхъ, мы знаемъ, что однимъ изъ
приемовъ его пользованія источниками было сокращеніе
текста, устраненіе изъ него всего не общечеловѣческаго;
потому онъ могъ найти болѣе краткій пересказъ въ сокращеніи
своемъ, сдѣланномъ Спонданомъ⁴⁾.

Patrologiae Curs. Complet., series latina, t. 95: Bedae tomus ultimus—Pauli
tomus unicus: De gestis Langobardorum, lib. II, cap. 28—29, col. 498—500.
Annales ecclesiastici, ed. Theiner, tomus X, Annus Christi 571, p. 272—274:
Rosimunda uxore occiditur quae et ipsa cum complice Helmige veneno

«Рассказъ о милостинѣ», Синод. 659, л. 121 об. (легенда типа «Великаго
...»)
Annales ecclesiastici ex XII tomis Caesaris Baronii in Epitomen redacti
recentiori longe accuratior. Opera Henrici Spondani. Moguntiae, 1623, pars
I, c. 65: Alboinus rex Longobardorum necatur arte coniugis.

Но—тотъ же самый разсказъ имѣется и въ другихъ книгахъ бывшихъ въ распоряженіи Симеона, напр., въ книгѣ «Hortus pastus» Якова Маршанція¹⁾: Симеонъ пользовался ею, какъ извѣстно при составленіи проповѣдей. Она, въ свою очередь, отсылаетъ насъ къ упомянутой уже нѣсколько разъ «Хроникѣ» Науклера²⁾. Такимъ образомъ, передъ нами рядъ текстовъ (списокъ ихъ можно бы пополнить): вопросъ въ томъ, какой изъ нихъ предпочтительнѣе при опредѣленіи непосредственнаго источника «Мести».

Но приведу сначала самое стихотвореніе С. Полоцкого.

Местъ или отмщеніе.

3.

- л. 279. Албоинъ Лонгобардовъ краль жену имаше,
 Яже ся Росимунда по имени зваше.
 Тоя отца Албоинъ нѣкогда оубиль есть,
 Изъкости главы его чашу оустроиль есть.
 Во нѣкое же время съ женою піаше
 И в'той чаши вино ей пити подаваше,
 Глаголя: пій весела съ отцемъ рождшимъ тебе,
 От меча десницы ми не соблюдшимъ себе.
 Росимунда въ обиду то себѣ вмѣнила,
 Отмщеніе творити в'сердци положила.
 Бѣ же въ дворѣ Лонгобардъ Хелмехилдъ реченный.
 Добротою лица си велми оукрашенный,
 Мужъ зѣло храбрый: той же дѣвицу любаше,
 Росимундѣ служшую, еже она знаше.
- л. 279 об. И совѣща дѣвицѣ блудно съ онѣмъ жити.
 Чесого елма дѣва не хотѣ творити,
 Проси ю, да зоветь и на мѣсто извѣстно,
 Сама с нимъ да пребудеть, той отпедши дестно.
 Сотвори дѣва тако, мѣсто показала,
 На немже Росимунда того ожидала,

¹⁾ Jacobi Marchantii, Hortus pastorum et Tuba sacerdotalis. Hannoviae, 1661.

²⁾ Синод. 656, л. 83 об. и л. 179.—Ср. Горскій и Невоструевъ, Описание рукописей Моск. Синод. Библ., отд. II, ч. 3. М. 1862, стр. 837.

³⁾ Hortus pastorum, стр. 945 (ссылка: Nauclet. vol. 2, generat. 20, an. 34).

Хелмехилдъ в'нощи время приде, дѣвы чая,
Пребысть съ Росимундою, кто бяше не зная.

Егда же грѣхъ содѣявъ хотѣ отходити,
Росимунда явлшися ять слово творити:

Виждь что ти избереши, едино от двою,
Да можеши имѣти цѣлу главу твою.

Или оглаголю тя кралю, за се дѣло,
И конечно лишится главы твое тѣло.

Или ти Албоина днесь да оубіеши,
А съ царствомъ за супругу мене да поймеш.

Онъ окаянный избра краля си оубити,
И со Росимундою въ супружествѣ жити.

Шедъ оубо оуби краля, обагрилъ есть ложе
Кровію его, жена злобѣ до поможе.

Бывшу погребенію, Росимунда тщится,
Да злобникъ ону пойметъ, и краль сотворится.

Лонгобарди во преки тому дѣлу стаха,
Хелмехилда онаго за краля не взяша.

Она с'нимъ совѣщаше из'страны бѣжати,
Злата сребра доволство великое взяти.

И тако сотворивше, кораблемъ отплыша
Моремъ, и до Равенны тѣм града приплыша.

Жиша тамо оубійцы, казни не пріяша:
Но зри какую кончину житія си взяша.

Лонгинъ видя прекрасну Росимунду быти,
К'тому богатства зная, хотѣ с'нею жити.

Нача ю да погубить мужа, оувѣщати,
Благо рече со мною тебѣ ся с'четати:

Будемъ бо Италиі страною владѣти,
И Лонгобарды в'нашей области имѣти.

А жена безумная золѣ совѣтъ пріяла,
О смерти Хелмехилда тощю промышляла.

Оуготова питіе, отраву положила.
Оусмотрѣвши часъ на то, мужеви вручила.

Иже пія позналъ есть смертну чашу быти.
Похищъ ону за врасы¹⁾, велѣ ей допити,

Еже оста во чаши: и мечемъ прещаше,
Она той же ядъ испи, аще не хотяше.
И тако отравою оба погибоста,
Погубившая краля, сама исчезоста:
А богатство многое в чюжди иде руки,
Злая же души, в люты отидоша муки¹⁾.

Въ обстоятельномъ разсказѣ Баронія, заимствованномъ у Паппа Діакона, мы не находимъ, однако, нѣкоторыхъ подробностей, присутствующихъ въ стихотвореніи Симеона: такъ, у Баронія, впрочемъ ничего не говорится о томъ, какъ Розимуида убѣждаетъ служанку вступить въ связь съ Хелмехилдомъ; съ другой стороны, убійца Албоина является не Хелмехилдъ, а Peredeus, а Хелмехилдъ, упомянутый у Баронія Helmig (и Amechildes) только его сообщникомъ. Уже одного этого различія именъ достаточно, чтобы рѣшить вопросъ о «Лѣтописяхъ», какъ объ источникѣ «Вертограда» въ данномъ случаѣ—отрицательно. Сокращеніе Баронія, сдѣланное Спонданаемъ, оставляетъ тѣже имена, которыхъ нѣтъ у Симеона; разсказъ въ «Hortus pastorum» ближе къ «Вертограду», но бѣднѣе подробностями. Чтоже касается Науклера, послужившаго источникомъ «Hortus'a», то врядъ ли можно сомнѣваться, что именно его переложеніе показалась Симеону наиболѣе подходящей: онъ перелагаетъ этотъ латинскій текстъ почти дословно. Вотъ разсказъ Науклера²⁾:

..Ibi vero convivio exhilaratus, Rosimundam uxorem ea patre bibere compellet, quam ex patris ipsius Chunimundi quondam capite a se occisi, in poculum redigi fecit, dixitque uxori, ut laete biberet cum patre suo. Insedit haec iniuria mulieri, atque ulcisci statuit. Helmechildus erat Longobardus forma praestans, et in armis ferax qui puellam in obsequio Rosimundae insistentem deperibat quod cum non ignoraret regina effecit ut puella se illi in concubitum daret. Id cum puella recusasset, regina ancillam monuit, ut adolescentem vocaret clanculum: quo veniente, mox abiret. Re ut iusserat con-

¹⁾ Цитируется по той же рукописи Ак. Наукъ.

²⁾ Joh. Naucleri, vol. II, op. cit., fol. 564. (Объ Альбоинѣ смъ fol. 562, с. 200 адо XX).

regina ancillae vestes, et in designatum concedit locum: ubi adolescens, ac voluntatem adimplevit. Volentem abire regina ac detegit se non esse ancillam. Causam autem fabricavit. Aut, inquit, regi accusatus peribis, aut eo obtruncato, imperium regno, et hoc ipso amplexu, perpetuo fruieris. Tunc illa, licet invitus, tamen aggreditur facinus. Alboinum quiescentem ad primum vulnus resistere conantem, occidit. eo ad funus Longobardorum lachrymis elato, annisa est Rosimunda illum declarare regem. Necdum vero assentire voluerunt ei, sed aliquamdiu reginae comminati arma in illam constituta sibi timens regina, fide publica a Longino habita, quicquid regiarum et regiae supellectilis habuerat Alboinus, imposuit ei. Alsuindam filiam secum ducens, adulterumque, Athesi in insulam delapsi, et in Adriatico navigantes, Ravennam applicuerunt. Longino magnis accepti honoribus aliquot menses quietiscentem, multa interim machinati, ut Longobardi Italia pellerentur, a Longinus forma mulieris aurique cupiditate accensus, contrivit, ut Helmechildum maritum de medio tolleret. atque cepit, fore ut regnum Italiae obtinerent. Speravit, si eam electorem, rex fieri Longobardorum. Praebuit Longino assensum, inconstans muliercula. Factum est ut quadam die Helmechildus de balneo veniret, illa sibi poculum veneno intermixxit, dicens: Si hoc biberis, magnam salutem inde consequi, qui cum biberet, ac venenum esse sentiret, appraehenso Rosimundam per capillos tenuit, et venenum quod remanserat bibere coegit, sicque divino iudicio ambo perierunt veneno.

Въводя этотъ разсказъ у Науклера, Симеонъ, какъ и всегда, въ вою обработку извѣстныя измѣненія. Во первыхъ, отброшена лица, не участвующия въ дѣйствіи (отца Росимунды; упоминанія о ея дочери), затѣмъ названія мѣстностей (вмѣсто моря—просто «моремъ»; оставлены только—Равенна, Италія); затѣмъ, что придаетъ разсказу «couleur locale». Въ исторіи, какъ и въ другихъ, Симеона интересуе общечеловѣческое значеніе и нравственный выводъ, который изъ нея можно извлечь, хотя на этотъ разъ мы не имѣемъ у него пространной

«морализаціи», однако, правоучительное значеніе рассказа точно ясно изъ послѣднихъ стиховъ:

Погубившая краля, сама исчезоста:
А богатство многое в чюжди иде руки,
Злая же души, в люты отидоша муки.

3.

Этими замѣчаніями о стихотвореніяхъ Симеона Полоцкаго «на темы изъ всеобщей исторіи» я ограничиваюсь. Разсмотрѣвъ цикль, со стороны формы однородный съ прочими стихотвореніями «Вертограда» повѣствовательнаго характера, — по своимъ свойствамъ представляетъ, мнѣ кажется, значительный интересъ. Эти стихи и ихъ истолкованія даютъ возможность автору начертать довольно полно образъ идеальнаго царя, какимъ онъ себѣ его представлялъ. Правда, въ этомъ идеалѣ для читателя, знакомаго съ древнею русскою литературой, новыхъ чертъ сравнительно немного: въ старыхъ чертахъ онъ рисовался еще Максиму Греку, въ болѣе рѣзкихъ и одностороннихъ — Ивану Пересвѣтову ¹⁾; однако, заслуживающаго вниманія нѣкоторыя новыя черты въ образѣ идеальнаго царя, очеркнутыя Симеономъ: любовь царя къ просвѣщенію, въ которой, какъ и во всемъ другомъ, онъ самъ подаетъ примѣръ своимъ подданнымъ. Этотъ царь не стѣсняется, въ случаѣ надобности, работать своими руками; со своими воинами онъ дѣлитъ тяготу подвиговъ; онъ бесѣдуетъ съ простецами, чуждъ гордости, кротокъ и смиренъ — но для преступающихъ его законы — велика его «гнѣва государева». Наряду съ этимъ выдвинуто необходимое для него глубокое уваженіе къ Церкви и ея представителямъ: власть Церковная выше власти царской.

Съ другой стороны знакомство, хоть и бѣглое, съ историческою литературой, извѣстной Симеону и съ источниками его историческихъ примѣровъ, позволяетъ говорить какъ объ общемъ историческомъ міровоззрѣніи Симеона Полоцкаго, такъ и о мѣстѣ, зани-

¹⁾ См. *Ржиза В. В.*, — И. С. Пересвѣтовъ, М. 1908; ч. II: Сочиненія И. С. Пересвѣтова, стр. 70—71: «Царь кротокъ і смиренъ на царствѣ своемъ, і сирѣчь его оскудѣеть, і слава его низится. Царь на царствѣ грозенъ і мудръ, царство не ширѣеть, і ния его славно по всѣхъ землямъ» и т. под.

ными его стихотвореніями въ ряду различныхъ попытокъ обновить содержаніе историческаго матеріала въ русской и расширить его рамки. Симеонъ первый въ Москвѣ, можно судить, заявляетъ о пользѣ историческихъ книгъ; общается къ фактамъ и преданіямъ иноземной—западной—исторіи, иногда вовсе неизвѣстнымъ въ древне-русской. По тому же пути шли и новые редакторы Хронографа, знатоки латинскихъ и польскихъ сочиненій по всеобщей къ концѣ XVII-го вѣка начитанность въ нихъ была уже обыкновеннымъ: средній образованный русскій человекъ, вольника Андрея Ивановича Лызлова, составителя «Скѣптіи», свободно ссылается на Кромера, Бѣльскаго, Стрыйковскаго и др., какъ на авторитеты общеизвѣстные¹⁾.

Т е к с т ы.

Данные ниже «Цари Рима ветхаго и новаго» печатаются по Синодальной Библіотекѣ № 288,—копіи, законченной Симеономъ и сдѣланной, вѣроятно, подъ его наблюденіемъ. Въ текстахъ, приведенныхъ выше, не сохранены ударенія, и надстрочныя буквы (внесены въ строку), титла раскрыты; ѿ передаются черезъ я, буквы ш и ѿ черезъ о и от. Въ остальномъ правописаніе, равно какъ и пунктуация, ест.

Стихотворенія представляютъ краткій обзоръ римской исторіи того же періода (до Константина Великаго) и византійской, по годамъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Подборъ фактовъ произвольный: впрочемъ, довольно послѣдовательно отмѣчается сдѣланіемъ царей—язычниковъ къ христіанамъ и царей—христіанъ

¹⁾ Изданную Новиковымъ „Скѣпскую Исторію... изъ разныхъ иностран- ныхъ, паче же изъ Россійскихъ вѣрныхъ исторій и повѣстей, отъ Андрея Ивановича Лызлова, вольника, составителя, и написанную лѣта 1692“. Изд. 2-е, Москва 1794, у Гвагинна, Кромера, Ботера, Стрыйковскаго, Кавита Курція, Бѣль- ского, Баронія (ч. 2, стр. 108—109)—наряду съ Степенною Книгой, Хроно- графомъ и др. (За возможность пользоваться книгой Лызлова привожу въ прил. проф. В. И. Саввѣ).

къ Церкви. Со стороны формы вирши эти—эпиграммы, «сочиненія» —можетъ быть, къ какимъ либо изображеніямъ царей, бывшимъ въ рукахъ у Симеона. Не имѣя возможности ихъ опредѣлить, позволю себѣ указать предположительно на знаменитыя въ свое время *Imperatorum Romanorum omnium orientalium et occidentalium veris imaginibus ex antiquis numismatis quam fidelissime delineatae. Ad cuiusque vitae descriptione ex Thesauro Jacobi Stradae.* (Tiguri officina Andreae Gesneri Anno 1559; см. описаніе одного экземпляра въ «Библиографъ», 1891, № 9—10, стр. 118—122, въ статьѣ Н. Чернева «Библиографическая находка»: помѣтка на выходномъ листѣ свидѣлствуетъ о томъ, что описываемый въ статьѣ экземпляръ находился въ польскихъ бібліотекахъ). Въ изданіи 1599 г. портреты, «на мѣди прехитростнѣ и презряднѣ нартъазаны» сопровождаются краткими біографіями и характеристиками изображеннаго лица (въ гекзаметрахъ). Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ утверждать, что Симеонъ имѣлъ въ рукахъ это изданіе. Экземпляры изд. 1599 года крайне рѣдки; книга переиздавалась нѣсколько разъ: быть можетъ, Симеонъ пользовался однимъ изъ позднѣйшихъ переизданій или, правильнѣе сказать, передѣлокъ, въ родѣ изд. 1615 г. «*De vitis imperatorum et Caesarum romanorum, tam occidentalium quam orientalium etc. Opus novum ac longe plenissimum, olim incredibili labore, sumptu magnifico, peregrinationibus multis, iisque periculosis Octavii de Strada a Reberg, civis Romani. Francofurti ad Moenum, Joh. Bringerus 1615.*» (цитирую по принадлежащему мнѣ экземпляру). Въ немъ также портреты съ медалями и монетами римскихъ императоровъ отъ Юлія Цезаря «*usque ad D. N. Imperatorem, Caesarem Matthiam*»... «*cum successibus ut sub umbra alarum eius quam beatissimi esse possimus optamus omnes a Deo ter Opt. Max. Imperium longum et fortunae felicem*» (стр. 514)¹⁾.

¹⁾ Къ источникамъ этихъ стихотвореній Симеона Полоцкого я ихъ разберу намеренъ еще вернуться въ другомъ мѣстѣ.

ЦАРИЄ ПЛИ КЕСАРИ РИМА ВСТХАГО.

1. Іулій Кесарь.

пришильный Рима покоритель,
блудный родовъ бранни оукротитель
нижъ ковъ сотворшихъ живота лишенны,
тоу мечами многими пронзенны.

2. Ктoвіанъ Кесарь Августъ.

проевавшу слово воплотися,
святный от Дѣвы челоувѣкъ родися.
тебѣ вселеннѣй, даже ся коваху.
и нѣ оружій. и тѣми ораху.

3. Тиверій.

изначала велми добръ явися,
една мертїю жестокоу людемъ сотворися.
состники. Гая же избралъ есть,
лишаго царя римляном подалъ есть.

4. Гай.

губитель, золь мучитель бяше,
застѣлимъ быти безумно желаше.
алии образъ свой ставити
дабы от жидовъ почитану быти.
ахъ тридесять язвъ приѣмъ злѣ скончася,
человѣкъ быти без'ползы познася.

Воцарися	Царствова
преж.: Рож. Хрс.: За лѣт. МѢС	Лѣт. ̅А̅
За ̅М̅А	̅Н̅З оум. лѣт. Хрс. ̅С̅І
Въ лѣт. Хрс.: ̅С̅І	̅К̅В
̅Л̅Ф	̅Г̅. ̅М̅ЦЗ, ̅І̅

Воцарися	Царствова
мг	гг. мцз, и
из	гг, мцз, з
ба	мцз, з, дни ке
ба	мцыг
ба	мцз, и

5. Клавдій.

Клавдій милость Евреомъ в'началѣ явилъ естъ.
По томъ из'гнати вся я изъ рима судилъ естъ.
Яко не мирни бяху. жена Агрипина
Отрави и, да оузритъ на престолѣ сына.

(л. 508 об.).

6. Неронъ.

Неронъ мучитель, матеръ свою погубилъ естъ.
Римъ сожже. оучителя Сенеку казнилъ естъ.
Христіаны гоняше, всѣмъ врагъ сотворися,
Оутекъ, въ ямѣ желѣзомъ сам'острымъ прои.
Елма же не абіе врагъ той оумираше,
Рабъ Епафродитъ мечемъ конецъ ему лаше.

7. Галба.

Сервій сулпитій Галба престолъ воспріише.
Но точію седмъ мѣсяцъ на ономъ сѣдѣше.
Ибо вои престола онаго лишиша,
Паче же и живота, ибо и оубиша.

8. Отѣонъ.

Сыл'вій Отѣонъ на царство силою в'ступилъ естъ.
Но токмо три мѣсяцы на ономъ пребылъ естъ.
Ибо от Вителія зѣло пристрашися,
Да не будетъ ятъ оцѣмъ, самъ волю оубиша.

9. Вителлій.

Вителлій на престолѣ не благо сѣдѣше,
И точію осмъ мѣсяцъ правителствоваше.
От Веспасіана бо ратвици внидоша
Въ Римъ, и побѣдивше и, в'части разсѣкоша.

10. Веспезіанъ.

и до вѣку землю воеваше.
на царство тамо избран быше.
Тита остави сына преблагаго,
ради града Сіонскаго.
торжество в'римѣ совершилъ есть,
сыномъ преславно, вѣрнымъ кротокъ былъ
есть.

11. Титъ.

царь преблагіи, никому отмщаше,
когда себѣ быти кого знаше.
никому ни кому благо сотворилъ есть,
одного погубилъ день, в'вечеръ возопилъ есть.
Домитіаномъ братомъ живота лишился,
отъ ядомъ смертнымъ напоися.

12. Домитіанъ.

мучитель вѣрныхъ мучаше,
сына Христова оумучивъ изгнаше.
проклятъ бѣ, вели золь явился.
многія жены си раба оубися.
много образы его истребиша,
и мучительство его тако мстиша.

13. Нерва.

и миръ преблагій миръ возвеселилъ есть,
и миръ всѣмъ сотворилъ есть.
изгнанный велѣ возвратити,
и миръ имъ на костемъ отъ языкъ имъ быти.
и миръ токмо царствоваше
и миръ лѣтъ многихъ оному желаше.

Воцарися	Царствова
ѡв	ѡ и ѡцъ аи
па	ѡ и ѡца, ѡ
пг	ѡ, и ѡцъ, ѡ
ѡѡ	ѡ, и ѡцы д

Воцарися	Царствова
ѣ	ѣ. ѿ мѣзъ, ѣ
ѣк	ѣ. ѿ мѣзъ ѿ
ѣм	ѣв, ѿ мѣзъ ѿ.
ѣг	ѣ

14. Траянъ.

Траянъ бѣ худороденъ, но храбрость являше.
 Егда въ полкахъ Титовыхъ воевода бѣше.
 Приемъ царство, гонитель христіанъ явися.
 Піяница и блудникъ Содомскъ сотворися.
 За мало прежде смерти, престалъ есть гонити
 Церковь, ей же даде богъ въ то время про

15. Адріанъ.

Адріанъ христіаномъ люте бѣше гонитель,
 Евстахія Плакиды жестокой мучитель.
 Антіноа отрока съ нимъ же блудно жилъ есть.
 По смерти въ мѣсто бога чтити осудилъ есть.
 Въ болѣзни ножа яда прилѣжно прошаше.
 Хотя смерти, Антовинъ того возбраняше.

16. Антонинъ.

Антонинъ нова суда на вѣрныхъ не даше.
 Гонити: но древняго не оставилъ бѣше.
 Тѣмъ гоненіе пребысть, въ старости скончаша.
 Проліяніемъ крове сосѣдъ не смазаша.

(л. 509 об.). 17. Марко Авреліи, и Лукии.

Аврелій со Лукиемъ царство воспріиалъ есть.
 Но овъ аки бы отецъ началство держалъ бы.
 Яко оумаленіе Идолъ чести зряше,
 На христіаны люту жестоту являше,
 Съ Норкоманы ратуя въ болѣзнь тяжку впаде
 И оумре, яко ни что от нихъ долго яде.

18. Ком'модъ.

Ком'модъ егда воцарися,
 въражданъ римскихъ лютый сотворися.
 Спокой желанный пріяху,
 міра в'то время не знаху.
 Слаболяры побити мыслилъ есть,
 Но Наркисъ пришед оудавилъ есть.

19. Севиръ.

Коммодъ царствомъ бысть почтенны,
 въ боги Ком'модъ вознесенны.

20. Пертинаксъ.

Пертинакса въ римѣ возлюбивша,
 в'днати и два дни пребывша оубиша.

21. Дидій Иуліан'.

Иуліана Дидія возваша.
 шестидесять шесть дни гробови предаша.
 престолѣ Севиръ посадися,
 первѣе с'срамомъ оудалися.

Севиръ паки.

Егда имя жестоты ношаше,
 охристианомъ милосердый бяше.
 и зѣло ся множаху,
 козни къ христу притекаху.
 и в'конецъ же велми развратися.
 и церкве лютый сотворися.
 и кагалла оубити хотяше
 и начали, яда смертнаго прошаше.
 То не дану бывшу, мяса много ялъ есть,
 и в'печь жизни тяжкій воспріялъ есть.

Воцарися	Царствова
рпв	ѣи, и мѣцъ ѣ
рче	ѣи и мѣцъ и
рче	мѣцъ : г
рче	мѣцъ : в
зрп вѣше	

Воцарися	Царствова
с҃г	ѡ. ѿ мѣцѣ
с҃д	а. ѿ мѣцѣ
с҃к	г. ѿ мѣцѣ
с҃д	г.
с҃з	г.

22. Каракалла.

Каракалла брата си повелѣ оубити,

И множество невинныхъ людей погубити.
Отца си други избѣ, врачы истребиль естъ.

Яко тому радѣша, без'милости мстилъ естъ.
Ав'гарь Едесскій царь имъ царства бысть лещи.

Но самъ близу Едеса бысть врагъ оубивающа.

23. Макринъ.

Оубійца Каракаллы Макринъ воцарися,

Но и самъ от воставшихъ панъ воен, оубивающа.

24. Іліюгаваль.

Іліюгаваль тураннъ потомъ наступилъ естъ

Многи изгна невиннѣ, многи погубилъ естъ.

Но и самъ оубиенъ бысть. а римляне гѣло

Влачивше ругателно, оутопиша смѣло.

И злую матеръ его злой смерти предаша,

Яко сыновни злобы винну быти знаша.

25. Александръ.

Потомъ Александръ скипетръ царскій восприя

Сей Ідолы и христа купно почиталъ естъ.

Много на дворѣ своемъ христіанъ держаше.

И мѣсто нѣкое имъ на церковь отлаше.

Лукавствомъ Максимиана на войнѣ оубиша.

Мам'мея мати его такожъ погубиша.

26. Максиминъ.

Максиминъ злый мучитель худа рода баше.

Христіаны из'лиха мучи, би, гоняше.

Четыри ихъ тысящи въ дворѣ си снискалъ естъ.

Бывшья съ Александромъ, вся смерти предаша.

законъ наипаче губилъ есть,
 расколъ церкви сотворилъ есть.
 верную оному от'яша,
 и во римъ боляромъ послаша.

27. Гордіанъ.

милъ лютомъ, Гордіанъ из'брася,
 имперіатенъ Царь всѣмъ показася.
 римъ, готъбы, римляны смирилъ есть,
 нишъ никто вои на него в'збудилъ есть.
 изъ ризы царскія, оубиша,
 и на мѣстѣ его посадиша.

28. Филиппъ.

иномъ Филиппомъ егда воцарися,
 и папы христу присвоися.
 крестіе свято провождаше,
 и ющихъ ся смиренно стояше.
 иже онаго оубити,
 онъ тожде въ Римѣ сыну сотворити.

29. Декій.

и емъ Декій, вселютый мучитель.
 и кровопійца всѣхъ вѣрныхъ гонитель.
 и церковь сей врагъ обратилъ есть,
 и еднѣй гонитель, того онъ почтилъ есть.
 и обѣжденный елма оутекаше,
 и сынъ мечну кончину пріяше.

30. Галлъ и Волусіан.

и престолъ с'сыномъ взятъ Волусіаномъ,
 и блага быста христіаномъ.

Воцарися	Царствова
сма	ѣ
смс	ѣ
сйг	а, и мца : г.
сид	г

Воцарися	Царствова
сѣз	и
сѣд	г.

Послѣжде гоненіе люто сотвориша,

Предваршымъ мучителемъ подобника бысть.

Данъ даяста татаромъ, оба оубіенна,

И тако злоба ея бѣше окончена.

31. Валеріан и Гальіен.

Валеріанъ на престолъ римскій возвысися,

Въ началѣ христіаномъ велики бл҃гъ явися.

Послѣжде чародѣемъ вѣкимъ бысть прелѣщанъ.

На кровь дѣтску вѣволшебство, и вто правнѣ.

Да гонитель христіанъ лютой сотворится,

Чрезъ полчетверта лѣта яко звѣръ ярится.

(л. 511). По мнозѣ мучительствѣ Персы плѣненъ.

Идѣже Сапоръ его хребетъ царь склоняше.

Во мѣсто под'пожія, ввсегда восхотѣти,

Ему путешествующу на кони сѣдѣти.

По томъ по велѣ его всего искожити,

И кровавое тѣло солию солити.

Тако лютой мучитель кончину пріяа естъ,

За христіяны господь от мщеніе дал естъ.

Бѣже ему Галліенъ общникъ правительства.

Сынъ его, и христіанъ люта томительства.

Но видя отмщеніе надъ отцемъ от бога,

Преложи свѣрѣпство си на благая многъ.

Свободу христіаномъ вездѣ дароваль естъ.

Но житіе не чисто велики провожда'а естъ.

По томъ въ медіоланѣ съ сыномъ оубіенны.

И Валеріанъ братъ съ нимъ живота лишени.

32. Клавдій.

Клавдій по Галліенѣ кесарь сотворися,

Христіаномъ мучитель лютой проявился,

и юзахъ велѣ оубивати,
незопросивше живота лишати.
и господѣ того бысть лишены,
и поповѣтріемъ страшнѣ оумерщвлены.

33. Квинтилль.

и Клавдіи вои воцарисѣ,
и шинадесѣть днѣх и оубиша.
и бѣють, яко себѣ жили.
и же и кровь, и жизнь источили.

34. Авреліанъ.

и итель, жестоко вѣрнымъ бѣше,
и ие на ня воздвизаше.
и бысть громомъ велии прѣстрашенны
и дѣт домашнихъ своихъ оубиены.

35. Такитъ.

и шѣсть мѣсяць празденъ бѣше
и ианъ же Такита воинскѣ полкъ избрѣше
и ией люди надеждоу веселы содѣя
и ию скорѣ конецъ взятъ жизни своея.

36. Флоріанъ.

и бѣ Токитовъ кесарь сотворисѣ,
и шѣ мѣсяца отъ вой оу Тарса оубисѣ.

37. Провъ.

и ии на престолѣ царстемъ посадисѣ
и иакомъ и Персомъ силен сотворисѣ.
и иегоняше, милость проявляше,
и иежныхъ воевъ, кочину пріяше.

Воцарисѣ	Царствова
с̄о.	днѣ, з̄и
с̄оа.	с̄.
с̄он	мѣцѣ, с̄.
с̄он.	мѣцѣ : в̄.
с̄о-о.	с̄.

Воцарися	Царствова
спд.	в.
спд.	в.
спс.	к.
тг.	г.

38. Каръ.

Каръ Мав'ліи на престолѣ царствомъ посаженъ.
Грядый ратно на Персы, громомъ оубиенный.
Ини глаголють яко самъ въ пути скончаша.
Кая извѣстна повѣсть, то намъ не сказаша.

39. Карин и Нумеріан.

Каринъ и Нумеріанъ царство воспріѣхъ.
Овъ западъ. сей же востокъ во власти держаша.
Сей от тестя си Апра живота лишися.
От Діоклитіанихъ овъ ратникъ оубися.

40. Діоклитіан.

Діоклитіанъ лютый христіанъ гонитель,
Без'численныхъ мученикъ бѣ жизни лишитель.
Въ обществѣ Максиміанъ царства ему баше,
Его же Іркулея народъ нарицаше.
Та яко не могоста вѣрныхъ изътребити,
Оумыслиста царствіе волно оставити.
Гнѣвастася на себе, яко не могоста,
Христіанъ побѣдити. во нуждѣ оумроста.
Нѣщии повѣствуютъ яко изумися
Діоклитіанъ, егда на вѣрныхъ ярися.

41. Константій Хлор. и Максимин Галерій.

Константій христіаномъ милость проявляше,
Максиминъ на востокѣ золъ гонитель баше.
(л. 512). И на западѣ точиѣ злобу си явиѣхъ.
Егда во Британіи Константій пожилъ естъ.
Иже паки бывъ въ Римѣ, остави си сына,
Отходя въ Британію юпа Константина.
Сего Максиминъ даде стражемъ си хранити,
Но онъ къ отцу промысли бѣгство сотвори.

	Воцарися	Царствова
въ кончину, вои воцаренны, Максентій царь бысть посажденны. и вѣрнымъ милосердѣ явися, иже мучитель велій сотворися. иже христову вѣру воспріѣлъ есть, и гонителей силно защищалъ есть. и полки своими пустился, въ рѣцѣхъ сѣмѣхъ потопися.		
ЦАРІСЬ РИМЪ ПОВАГО.		
1). Кон'стантинъ Великій. и великій егда воцарися. и Христово велми прославися: и вѣру праву разширяти, и вѣща вездѣ разоряти. и нинополѣ и въ немѣ водворися. и востокѣ царство сотворися. и сотворилъ есть, храмы назидаше, и доу христіанскихъ царь исполненъ быше. и вѣстей градѣ изволи собрати, и Христову свѣтло оумножати. и довольна отиде ко Богу, и мзду пріѣти многу.	тг	ла
Константій, Константынъ, Константъ. и три царѣ, три сыны остана, иже царство на трое раз'яша. и Кон'стан'тій въ цариградѣ избра царствовати, и за горами вся изволилъ взяти, и Азію, Іспанію съ нѣми. и Римъ Сикилію, и Африку съ нѣми.	тлз	а', бд.
и рече нумеровъ пѣтъ.		в. д. г. г.

Воцарися	Царствова
тѣ а	а. и мѣцъ. ѿ
тѣ а	мѣцъ, ѣ. и дни : і
тѣ а	а . вѣ

Сему Константинъ тѣся часть нѣку хитити.
 Но вои Константови вариша оубити.
 И тако весь Константу западъ прилучился.
 Но от магнентіевыхъ ратникъ той оубиша.
 Константинъ въ царѣ градѣ золь мучитель бѣ.
 Изби с'родники, въ вѣрѣ аrianствоваше.
 Изъшедь ратно на Персы паки возвратися.
 Іуліаномъ гонимъ, въ инъ вѣкъ преселися.

(3). Іуліанъ.

Іуліанъ во вѣрѣ правѣй воспитанъ,
 Царь бывъ, христа отрекъ ся, ко Ідоломъ.
 Гоненіе воздвиже на церковь святую,
 Яко же може дѣя ей злобу всякую.
 Паче всякаго звѣря жестоко вѣрнымъ бѣше.
 Вся мученикъ кровію страны исполняше.
 Жидомъ другъ, христіаномъ лютой врагъ явися.
 Не видимо божіимъ кошіемъ оубися.

(4). Іовиніанъ.

По зломъ Іуліанъ царь благій дадеся,
 Иже Іовиніанъ именемъ речеся.
 Христіанинъ истинный, благочынный збѣло.
 Сотворшъ проповѣдати христа вѣрнымъ скѣло.
 Веселіе всѣхъ вѣрвыхъ. Но то сократися.
 Ибо оуглія духомъ ¹⁾ скоро оумертвися.
 Нѣци пищу грибовъ въ вину полагають.
 Тѣми насыща оумре, свободно вѣщаютъ.

(5). Валентиніанъ и Валентъ.

Валентиніанъ изгнанъ вѣры ради бѣше,
 Іуліаномъ, потомъ царство воспріае.

¹⁾ На поляхъ: чадомъ.

въ царствѣ друга сотворилъ есть,
из персей си животь окончилъ есть.
гонитель, съ Готы воеваше,
гнѣхъ гонзая, в'кущъ сожженъ бѣше.

Гратіанъ и Θεодосій и Валентиніан юный.

Гратіанъ въ садися.
родительскій, и благъ всѣмъ явися.
жизни смерти на царство пріялъ есть,
ко силна быти зналъ есть.
милостивъ, всячески благъ бѣше,
всѣхъ кончину мечную пріяше.
содругъ сотворенный,
юный, зѣло мужъ смиренный,
вѣренія вѣры преставися,
пріемъ святымъ велми оублажися.
кѣмъ зѣло разширяше,
господу царей оугождаше.
множествомъ многимъ преставися,
своего смерти жалостно слѣзися.

(7). Аркадій и Онорій.

сидѣцѣ си престолъ воспріяше,
тогда а западъ онорій об'яше.
благочестно, токмо злѣ содѣя,
топатоуста из'церкве своея
изгнаніе, за что отлучися,
отобщества. но потомъ простися.
своемъ свой въ мірѣ, по немъ оставися.
Θеодосій малый, и царь поставися.
справядно вѣкъ свой провождаше,
православную тощю оутверждаше.

Воцарися	Царствова
	В. Кс.
ТѢ	А, Н.
ТѢ	В. З.
	Г, З.
ТѢ	А, Г. и МЦ : Г.
	В. Ви. и МЦ : Г

Воцарися	Царствова
уи	мг.
уиа	ѡ. и мцз: з.
уиз	и
убд.	и

Доволно бывъ на царствѣ, въ вѣчность престави
Его же отпещвиѣмъ западъ прослѣзися.

(8). **Теодосій малый.**

Теодосій, Римъ ветхій сестричищу далъ есть,
Валентинианови, и съ нимъ царствовалъ есть.
Поживе благочестно въ ловѣ с'кономъ паче есть.
Отъ того болѣзнова, кончину си взялъ есть.
Въ болѣзни Маркіана, сестрѣ оублажаше.
Того на царство взяти онѣи совѣщаше.

(л. 513 об.). (9). **Маркіанъ.**

Маркіанъ изъ воина, воинъ же рожденный,
На царство возведеся, бысть бракомъ спрѣжъ.
Пулхеріи царевнѣ, съ нею же живяше.
Дѣвство храня в'дѣлости. Что та обѣщаше.
Царь бѣ мудрый, праведный, милостивый зѣмлю.
Константинови точень, могу рещи смѣло.
Исполнь добродѣтелѣй жизнь свою скончалъ есть.
Надеждно, яко царство вѣчное стяжалъ есть.

(10). **Левъ.**

По добромъ Маркіанѣ, Левъ благій избрѣся,
Иже злымъ суровъ бѣше, с'враги сильно бѣся.
По церкви поборствова, духовныя чтить есть.
Мірскимъ онѣхъ судити людемъ возбравѣя.
Добродѣтелми славенъ съ міромъ разлучися.
Къ воздаятелю богу по мзду преселися.

(11). **Зиновъ Исаурикъ.**

Левъ блаженноточивый въ жизни погрѣшилъ есть.
Не знавъ добрѣ зинова, царству оублажилъ есть.

Воцарися	Царствова
уѡс	ѡ.
уѡа	ѡз. ѡ мцы : ѡ

(12). Василискъ.

Василискъ царство, лакомо живяше:
чиновъ людей злато злѣ в'зимаше.
Василискъ оубо ступивъ преданіемъ взялъ есть,
отъ глада конецъ воспріялъ есть.

(13). Зинонъ паки.

Зинонъ богомъ нѣчто исправися,
приклонень людемъ проявися.
Зинонъ блудникъ, и грабитель,
и мужа мудраго оубитель.
Зинонъ черная немощь и меташе,
Зинонъ же нѣсправидимъ бяше.
Зинонъ аки оумерщвленна,
и жива въ гробѣ быти затворенна.
Зинонъ оспрянувъ, стражей милости прошаше.
Зинонъ имамы царя, ему глаголаше.
Зинонъ буду не царь, стражемъ отвѣщалъ есть,
Зинонъ оубишанъ, конецъ тамо голодомъ взялъ есть.

(14). Анастасіи.

Анастасіи въ дворѣ царствемъ бяше,
Анастасіи прелюбы творяше
Анастасіи царска: тою возвысися,
Анастасіи восточный оле сотворися!

Воцарися	Царствова
ФѢИ	Ѣ. и МЦА:В
ФѢЗ	ЛИ
ФѢС	СИ и МЦА:Ѣ.

Въ началѣ притворися вѣренъ и благъ быти
 Но долго не можаше злобы си таяти.
 Ибо другъ еретикомъ велий показася,
 Много имъ епископовъ из'царства изгнася.
 Многи же и оумучи. Но самъ бысть казненъ.
 Страшнымъ громомъ отъ бога злый царь оубо

(15). Іустинь, 1.

Іустинь худороденъ, но благъ нравы быше.
 За то его Цариградъ на престолъ свой звахъ.
 Царствова благочестно, не оставивъ чада,
 Во страсти отиде, къ царю вѣчна града.

(16). Іустиніанъ.

Іустинъ, сестричица Іустиніана.
 Сотвори въ себе мѣсто быти оувѣнчана.
 Той аще писанія ни отчасти знаше,
 Но законы царствію преизрядны даше.
 До старости жилъ свято. Но в той измѣнися.
 Негли с'покаяніемъ живота лишися.

(17). Іустинь, 2.

Іустинъ на престолѣ царстемъ посадися,
 От Іустиніана сестры сей родися.
 Мужъ православный добрый и благоговѣйный.
 Но скоро ко лакомству, неправдѣ, прелщенію
 (л. 514 об.). Множицею въ болѣзни оума отхожди.
 Но и паки онаго цѣлость получаше.
 За живота си царству царя об'мыслилъ есть.
 Честнаго Тіверія на то возвысилъ есть.
 Съ нимъ же живъ лѣтъ' четыре, мирно престави.
 А Тіверій на царствѣ единъ оставися.

(18). Тиверій.

инѣхъ царей благъ муж былъ есть,
было шасливо, и чинно пожилъ есть.
правительствѣ, силный в'бранехъ баше,
в'гоннадеждно, богу духъ предаше.

(19). Маврикій.

пововѣрно на царствѣ си жилъ есть,
судство, от плѣншихъ плѣнныхъ не купилъ есть;
коста бога въ мѣрѣ семъ казнися,
они чады отъ фоки оубися.

(20). Фока.

лицемъ зло образенъ баше,
в'ошу праздну красоты имяше.
в'ошопійпа и не чистъ явися,
в'ѣрѣ правѣи въ инъ вѣкъ преставися.

(21). Іраклій.

царствѣ честно вознесенный,
мало радивъ и не мужественный.
в'едѣ царствія велми исправися,
ник истинныя вѣры сотворися.
дощня древо от персь свободилъ есть,
дощимъ градъ честно возвратилъ есть.
в'ошноволцемъ прелценъ приложися,
тащце пуцавъ, живота лишися.

(22) Константинъ или Іраклій 2.

Іракліевъ сынъ бысть оувѣчанный,
мѣсяцы, во гробъ бысть посланный.
правую матере вторья,
оутихну царства желавшія.

Воцарися	Царствова
фѣв	ѣ
фѣс.	зѣ.
хѣ.	и
хѣ	ла.
хѣа.	мѣцы: дѣ

Воцарися	Царствова
хѣа.	мцѣ
хѣа.	бѣ
хѣи.	ѣи.
хѣе.	ѣ

(л. 515).

(23). Иракліонъ.

Иракліонъ чрезъ промысль матере всадися,
 На царствіе, но мало тѣмъ возвеслися:
 Ибо боляре ему носа оурѣзаша,
 Матери же языка, и въ даль заточиша.
 Сына Константинова, на царство избраша,
 Константа. Константына вѣщи и зваша.

(24). Константъ.

Константъ Константиновъ сынъ ересь разшири,
 Едину въ христѣ волю яко дѣдъ вѣшае.
 Въ Сыракузѣ во бани не сохранны мыся
 Отъ Траилова сына Андрея оубися.

(25). Константинъ Погонатъ.

Константовъ сынъ Константинъ царство восприи,
 Въ благочестивѣй вѣрѣ весь вѣкъ пребыи.
 Потщася соборъ шестый въ цари градъ собрати,
 Ересь единовольцевъ проклятію дати.
 Въ благочестіи конецъ житія пріялъ есть,
 А понемъ сына его богъ на царство далъ есть.

(26). Іустиніанъ Младшій.

Іустиніанъ чадомъ погоната бѣше,
 Иже по отцѣ своемъ Скипетръ восприише.
 Въ началѣ царствія бѣ мужъ благочестивый.
 И противу врагомъ си на бранѣхъ щастливъ.
 Егда же злобами си бога отступилъ есть,
 Тогда онаго господь царствія лишилъ есть.
 Къ тому носъ оурѣзаша ратници оному.
 И изгнавше, царствіе предаша иному.

(27). Леонтии.

предварша мѣсто вознесенны,
трехъ сей лѣтѣхъ бѣше низверженный
носа и лишилъ есть
мѣстырь далматски страны заточилъ есть.

Воцарися	Царствова
Х ^ч д	г.
Х ^ч с	з.
Ѹ ^г .	и.
Ѹ ^д .	а. и мѣцз: с.
Ѹ ^г .	в.

(28). Тиверій. 3.

и седмичу царствіе держаше.
и Тиверіанъ паки царство взяше.

(29). Іустиніанъ паки.

и паки царствовалъ есть,
и много мѣстѣ дѣя являлъ есть.
ружя, мечемъ съсѣче выю,
и сотворилъ есть царю Тиверію.
и воинство лютей оубиваше,
и своего мщеніе дѣяше.
и на престолъ избраша,
и градъ ему во державу даша.

(30). Филиппинъ.

и въ Царь градъ оускори послати,
и царьскаго дерзнуша заклати.
и царю главу отъ выи отъяша,
и дѣлку ону яко даръ послаша,
и мѣстѣ малѣхъ часѣхъ очію лишися,
и сына его мѣстѣ посадися.

(31). Анастасій.

и въ царствѣ преблаго живяше,
и армены вси доволны послаше.
и сына си во пути оубиша,
и сына себя сотвориша.

Воцарися	Царствова
Ѹсі.	Ѹ.
Ѹсі.	кѸ:и мѸ:Ѹ.
Ѹма.	Ѹд.и мѸца:Ѹ

Иже объемъ цари градъ царя бывша ялъ
Животъ даровавъ ему в'монастыр посла

(32). Θεодосій. 4.

Θεодосій силою на царство всадися,
Аще и оутѣкаше, вои повудися.
Оному Левъ Исаврикъ царства завидяще,
Тѣмъ бывъ монахъ и с'сыномъ, престолъ Л'в

(33). Левъ Исавръ.

Левъ исавръ елма царства державу прияше
Еретикъ сый, образы хулити начаше.
(л. 516). По томъ нача из' церкви оны иже
Сѣщи, и сокрушати, огнемъ сожигати.
Черезъ все царства си время церкви врагъ
Не примирился съ нею, во адъ преселися

(35). Константин Копроним.

По зломъ отцѣ, сынъ хуждшій на царство
Иже от юности си злобамъ приучися.
Отступилъ есть от Бога, образы крушаше,
И кровь многу за честь ихъ вѣрныхъ проливъ
Превзыде зла Нерона, чародѣйство зналъ есть.
До конца живота си правовѣрныхъ гналъ есть.
Въ халадїи скончася, люте воиаше,
Яко богъ и живаго огневи предаше.
Каяся окаянникъ о злобахъ творенныхъ,
Но не оудостоися щедротъ божественныхъ.
Егда крещень бысть воду каломъ насквернилъ
И зато Копронима имя получилъ есть.
Еще и Кабалина народъ его зваше,
Яко гной конскъ и воду без'чинно любаше

(36). Левъ. 4.

Левъ сынъ, недобрый явился,
вмздивъ бояры на царство всадися.
Поброту себѣ притворяше,
зконоборецъ не честивый баше.
Меніемъ честнымъ из'образа взялъ есть,
на главу, вреды вказнь себѣ стяжалъ есть.
Поченны живота лишися.
Учителя церковь свободися.

(37). Константинъ и Ирина.

Константинъ по отцѣ си на царство вступилъ есть,
но лѣтень токмо тогда былъ есть.
Честиву мать си Ирину,
царствовала есть своему сыну.
И изгна мать. а послѣжде мати
она царствіе, и сына си яти.
И дѣла очеса из'яти.
И нужда ему во гробъ ся потщати.

(38). Ирина.

Ирина зѣло царствовалаше,
и разорилъ бѣ, она исправляше.
Никифора въ царствѣ премѣнися
и четырь, и въ далекій островъ заточися.

(39). Никифоръ.

Никифоръ люте царствовалъ,
и такую нечесть до конца держаше.
Византийскаго царя побѣдися,
и на древо острое всадися.
И кости главны Крумъ чашу содѣя,
и въ день радости пияше своея.
И царствовалъ. А во царіи градѣ,
и о тщетѣ полковъ, радость о отрадѣ.

Воцарися	Царствова
ѸѸс.	Ѹ.
Ѹч.	Ѹ.
ѸѸз.	Ѹ.
ѸѸ.	Ѹ.

Воцарися	Царствова
шѣл.	ѣ.
шѣл.	ѣ.
шѣл.	ѣ.
шѣл.	ѣ.

Ибо паче о смерти мучителя бяху
Радостни, неже тщеты избитыхъ ризаху.

(40). Ставратій.

Ставратій Никифоровъ сынъ царство взиаше.
Во Адрианополи: но не долго баше,
Не навидимъ боляры, въ монастырь прогнаша.
Міхаиломъ же царства скипетръ восприаха.

(41). Міхаиль Куропалать.

Міхаиль куропалать царствомъ бысть почтенъ.
Бѣ всяко благочестивъ, мужъ бѣ божественъ.
Честъ Иконамъ должную даяти веляше,
Иконоборцы паки въ царствѣ истребляше.
Агаряны порази, Болгары избися.
Лвомъ изъ царства премѣненъ, въ монастырь
Оеофилакть сынъ его скопецъ сотворенны.
Мати съ нимъ, и братія бяху заточенны.

(42). Левъ Арменинъ.

Левъ Арменинъ отъ воевъ на царство всахъ.
Врагъ Иконамъ всечестнымъ лютый сотвориша.
Михаила повелѣ Гугнива¹⁾ мертвити,
Но царица оумоли того не творити
(л. 517). Въ день рождества Христова, во от
своиѣхъ
Бысть лишенны во церкви живота своего.
Тѣло его въ торжище безчестно влечеса,
Рука ему и глава тамо отсѣчеса.

(43). Міхаил Балбъ гугнивыи.

Михаиль иже отъ Лва во оузы въ вержевыи,
Въ оковахъ на престолѣ царstemъ посаженъ.

¹⁾ Слово Гугнива вписано позже, другимъ почеркомъ.

Вѣцарися	Царствова
ѠА	ВІ.
ѠМВ.	ВЄ.
ѠЗЗ.	К

Воцарися	Царствова
шпс	кє. и мц. є.
цаи	а
цви	мѣ.

Іудей ко вѣрѣ правой приводилъ есть.

Многи храмы богови вѣчесть сооружилъ есть
(л. 517 об.). От елени за поясъ рогомъ

Даже метемъ воина поясъ разрѣшился.

Сію ему заслугу царь злѣ возмездилъ есть.

За добытіе меча живота лишилъ есть.

Но и самъ по случай томъ мало живяше.

Оутробою поврежденъ жизни конецъ зыде.

(47). Левъ Премудрый.

Левъ мудрый на престолѣ отчѣмъ посадилъ.

Книгамъ баше рачитель, добрѣ имъ оутѣшилъ.
Въ церковная дѣлеса вѣдаяшеса смѣло.

И законы написа изрядныя зѣло.

Поноса болѣзнію живота лишены.

Александръ братъ на царствѣ его посаженъ.

(48). Александръ.

Александръ пїаница и блудитель баше.

Покрывъ главу во церковь ходити началъ.

Петръ святой во снѣ би и, тѣмъ бысть претрашенъ.

Кровь плева, и червїемъ баше расточенъ.

(49). Константинъ 8.

Константинъ сынъ Лва мудра седмилѣтенъ бы.

Егда ся на престолѣ царстемъ посавилъ.

Его же Алексїевъ Константинъ гоняше.

Того отсѣченную царь главу видяше.

Прїять въ общество царства лютаго Романа.

Отъ него же самъ терпѣ, яко отъ Турана.

Стефанъ емъ в' монастырь заслалъ есть.
 ть же на царствѣ свободен осталъ есть.
 Романа отравленъ скончася,
 емъ на царство от всѣхъ людей взяся.

(50). Романъ.

оумертвивъ, бысть самъ оувѣнчаны,
 нство и на блудъ зѣло бяше вланы.
 коро лишился, и живот скончалъ есть,
 оставль. Но инъ царство воспріялъ есть.

(51). Никифоръ Фока.

царствіе вои понужденны,
 цѣ въ мужи бяше сопряженны.
 обро, благъ и щедръ живяше,
 о въ ненависть свою, его взяше,
 бяше правы си благія,
 достоинству на неподобныя.
 ана нанъ есть наоустила
 вску, и жизни лишила:
 и царя, главу отрѣзаша,
 ванеть молва, людемъ показаша.

(52). Іоаннъ Земиска.

и та бысть скипетромъ почтенны,
 побѣдами міру прославленны.
 твершая, богоматерь чтилъ есть,
 иицѣ царстѣй образъ поставилъ есть.
 ииѣсвицею оною идяше,
 славу побѣды даяше.
 и Дамасцѣ скопцемъ отравися,
 иицари градѣ, егда возвратися.

Воцарися	Царствова
цѣ а.	ѣ.
цѣ г.	ѣ.
цѣ	ѣ.

Воцарися	Царствова
цѣс.	н.
г.	г.
ѣ.	ѣ.

(53). **Василій и Константин.**

Василій и Константинъ Романова чада,
 Правая наслѣдника ваяста царство града.
 Василій держа первенство, и прещасливъ бже
 Множицею надъ враги си торжествоваше.
 Пятнадесять тысящъ вой Болгаръ ослѣпилъ ехъ
 Въ сотни съ окомъ единымъ мужа остави
 Еже ослѣвленные къ дому приволити.
 Не подобаше тако жестоко творити.
 Живе лѣта доволна, таже преставися,
 На царствѣ Константинъ брат его остави

(54). **Константинъ.**

Константинъ по братѣ си престоль содержише
 Чреву и страстемъ плоти выну работаеше.
 О нихъ же зазоръ имѣ, очію лишилъ ехъ
 Чрезъ воеводы, врачи нѣки побѣдилъ ехъ.
 (л. 518 об.). Романа же Аргюра во зятя призва
 Царство оному отдавъ, жизнь свою сконча

(55). **Романъ Аргуръ.**

Романъ царство от бога свое начинаше,
 Храмы во славу его многи созидаше.
 Къ людемъ бже милостивъ, вси его любива.
 Во добромъ правительствѣ во радости жива.
 Зоя токмо царица зла ему явися,
 Ко среброхудожнику сердцемъ обратися.
 Тому имя Михаилъ нареченно бже.
 Красень лицемъ с'Зоею прелюбы творяше.
 Зоя оубо первѣе царя отравила,
 Болнаго оудавити потомъ наустила.
 Потщася Михаила на царство вѣнчати,
 О коль зло со женою злою пребывати.

56). Міхаиль Пафлагон.

Престолъ егда посадися,
Царицѣ мужъ Зои сотворися.
Ея пакости, храняше
Ею злу жену, вѣры ей не яше.
Его казнь богъ попустилъ есть,
Ея хищая онаго мучилъ есть.
Ею пользу царству, брат оубо правяше
Еонелѣже Міхаиль живяше.
Ею его на царство подалъ есть,
Ею своя кончину пріялъ есть.

Воцарися	Царствова
✠АМ.	Н.
✠АМВ.	А.
✠АМГ.	В.
✠АНЕ.	А. И МЦ: С.

57). Міхаиль Калафать.

Потрабли сей отца родися,
Зою за сына въ мѣнися.
Живе злобно, и Зою изгналъ есть,
Царски скопивъ, далече с'сылалъ есть.
Цаки къ царству возвратися,
Ценъ съ престола: к'тому изочися.

58). Константинъ Мономах.

Калафлагона, царь бысть сотворенны,
Его мужа Зою съвокупленны.
Ци оугодно жилъ есть, а Зою рыдаше
Еда кончину она жизни взяше.
Ею поборникъ, благо ей творяше,
Ею создавъ, конецъ сам во ономъ взяше.

(59). Θεодора.

Ци царство Θεодора взяла,
Ци щасливо оно содержала.
Его царя сотворила
Ею воина ветха михаила.

Воцарися	Царствова
ѡиѡз.	ѡ.
ѡиѡ.	ѡ.
ѡѡѡ.	ѡ.
ѡѡѡ ѡ.	ѡ.

(60). Міхайль. 6. Стратоникъ.

Сей царь гражданомъ кротокъ, милосердъ даше.
 Но воинству прижестокъ дѣломъ сотворися.
 Ісакія комнина вои воцариша,
 Міхайла духовни нато оувѣстиша,
 Да царствіе оставить, небеснаго чая,
 Абіе сотвори то, душа та святая.

(61). Ісакій Комнинъ.

Ісакій комнинъ царство раточно строяше.
 И правила нѣкая церковникомъ даше.
 Громомъ бысть оударенны, монахъ сотворися
 Въ послушаніи, чісто, до смерти трулися.
 Оставляя же престолъ, Константина далѣсть
 На царствіе, его же добра быти знаѣсть.

(62). Константин Дука.

Константинъ благочестивъ, и правду любилъ.
 Добронравныя люди, и оумныя чтилъ.
 Сосѣды си не мечемъ, златомъ побѣждалъ.
 Жену оставь и сыны три, кончину взялъ.

(63). Евдокія с'сынами.

Евдокія со сыны суды совершаше,
 И похвалнѣ кормило царствія держаше.
 Но не содержа клятвы мужу сотворенны,
 Еже не посягати, писанми стверженны
 Рукописаніе си хитро свободила,
 Романа Діогена въ мужа си общила.

(64). Романъ Діогенъ.

(л. 519 об.). Сей въ началѣ царствія благодѣя
 Во днѣ лѣтъ турскія полки поразилъ есть.

вѣжденъ, ятъ, потомъ свободная.
 въ Дукою очію лишися.

(65). Міхаиль Дука.

говочивъ сей, самъ воцарися:
 и неполезень царствію явися.
 шия онаго въ цари градъ бяше,
 е Никифора на царство избраше.
 Міхаила въ монастырь послалъ есть,
 оу шесть мѣсяць пріямъ содержалъ есть.

(66). Нікифоръ Ботоніатъ.

Милу царю сотворилъ есть,
 и мноминомъ то самъ получилъ есть.
 црствія си лѣтѣхъ низверженны
 оу и скипетру, монахъ постриженны.

(67). Алексій Комнинъ.

и зора и зла царствію творилъ есть,
 и турки часто мечем поразилъ есть.
 ибелъ, царь мудрый, оуставы дѣяше
 еи оу вѣрѣ правой обращае:
 иувавша, вси раби лишиша,
 бачу иже плоть мертву сохраниша,

(68). Калоіоаннъ Комнинъ.

и оудитель при кончинѣ бяше,
 иже жалѣ, но аще живетъ еще, зряше,
 еи оу о смерти, самъ царь сотворися,
 и правитель того мірови явися.
 и презъ лишество в царствѣ оукротилъ есть
 и слова добрѣ оутолилъ есть.

Воцарися	Царствова
ѠѠѠ.	Ѡ.
ѠѠи	Ѡ.
ѠѠѠ	Ѡи
ѠѠѠѠ	ѠѠ.

Воцарися	Царствова
✠аѣмг.	ѣм.
✠аѣпа	ѣ.
✠аѣнг.	ѣ.
✠аѣнс.	ѣ.

В'ловех въ шуйцу стрѣлою самъ онъ оуцѣненъ.
Яко бѣ ядовита, живота лишися.

(л. 520). (69). Мануиль Комнинъ.

Сынъ калоіоанна Мануиль реченный.
На престолѣ царствія баше посажденный,
Мало ползы содѣявъ Інокъ сотворися,
По немъ Алексій комнинъ царь всѣмъ вѣдомъ.

(70). Алексій Комнинъ.

По отцѣ си Алексій въ дѣтствѣ оувѣчанный.
Ему же воспитатель бысть андроникъ извѣстный.
Сей власть любя, повелѣ царя оудавити,
И главу отсѣченну къ себѣ приносить,
Тѣло во оловянѣ грѣбѣ положиши,
И во пучинѣ морстей от рабъ оутопши.

(71). Андроникъ Комнинъ.

Андроникъ за убійство царя мерзокъ баше:
Царь Сикилійскій ему отмстити хоташе.
Тогда Ісакій Ангелъ онаго хитиль есть,
Око из' бодѣ, на струпливъ велбуд возсади.
Оувѣчавъ ругателно, ошибъ в' руку далъ есть.
Отъ женъ мучитель с' сѣченъ, злу кончину возакоу.

(72). Ісакій Ангелъ.

Царь бѣ правдолюбивый и мира хранитель,
Брата си Алексія от туркъ искупитель.
Иже послѣжде ятъ и, очію лишилъ есть.
И въ заключеніе тяжкое всади есть.
Отнюду же пособствомъ венеть свободися,
Но во кратцѣ времени житія лишися.

(73). Алексій Аггель.

его брата царствія лишил есть,
и очію. самъ царь по немъ былъ есть.
братня оубити хотяше,
къ Венетомъ помощь отъ онѣхъ стяжаше.
царствующій самъ въ немъ вопарися:
замена онаго лишился.

Вопарися

Царствова

ѠѠче.

Ѡ.

(74). Алексій Аггель.

юноша презрядный бѣше,
царства премудро оутолти знаше.
дуки міру обхужденны,
царство пріять, сей бысть оудавленны.

ѠѠг.

Ѡ.

(75). Алексій Дуна Мурзуфль.

на царствѣ градъ Латини взяша
Пелопонесь царя въ пути яша
задавше, очы избодоша,
съ высоты люте низвергоша.

ѠѠл.

Ѡцѣ

(76). Балдвинъ Фландир.

Константиновъ Латиннипы взяша,
на царствіе силнаго избираша.
со Скиѣи егда воеваше,
яте, во узахъ кончину пріяше.

ѠѠ.

Ѡ.

(77). Ириксъ Фландиръ.

своемъ царство воспріялъ есть,
замысливъ, конецъ жизни взялъ есть.

ѠѠѠ.

Ѡ.

Воцарися	Царствова
†AC SI	мѣсѣцѣ: не- колико
†AC SI	аи.
†AC KS	ад.
†AC за.	аг.
†AC ча	м.

(78). Петръ Антисіодоренскій.

Внукъ Івряковъ издщере, въ римѣ помазася.
 Θεодоромъ Ласкардомъ на востоцѣ яся.
 Чрезъ двѣ лѣтъ держанъ быв, потомъ же отрёкся.
 Но на пирѣ оубійствомъ живота лишися.

(79). Робертъ Антисіодоренскій.

Петровъ сынъ Робертъ во градъ царствующъ прибыль.
 Слышя о оузахъ отца аки заблудилъ есть.
 И бысть царствомъ почтены на немъ же живаше.
 Лѣтъ яко девять, по немъ сынъ наслѣдоваше.

(80). Балдвинъ. 2.

Балдвинъ дѣтищъ на царство Іоанна взялъ есть.
 Бренна, тому оумершу единъ царствовалъ есть.
 Многи бѣды отъ Варваръ лютыхъ пострадале.
 Но отъ Венетовъ помощь и отъ франкъ имаше.
 (л. 521). Отъ Палеолога же изгнанъ Міхѣила.
 Тако паки ко грекомъ власть ся возвратила.

(81). Міхѣиль Палеологъ.

Сей именемъ Ласкаровъ прежде воеваше,
 Поуслѣжде самъ на себе царство воспріѣмае.
 И греки на Латинскій разумъ обратилъ есть.
 Отъ вращшихся, по смерти гроба не влучилъ есть.

(82). Андроникъ Палеологъ.

Сей видя яко отцу погребъ возбранися,
 Гречески мудрствовать скоро возвратися.
 Отъ Андроника юна много пострадалъ есть.
 Та же кончину жизни своя пріѣлъ есть.

(83). Андроникъ юный.

бѣ сродникъ, но того гоняше,
ишилъ бѣ его, и паки призваше.
едставльшуся, единъ бѣ правитель,
и многими славы разширитель.

(84). Іоаннъ Констанузен.

два по себѣ сына си остави,
Іоанна во стража пристави.
тъ царствіе, но бысть оутисненны
Іоанна. и мнихъ сотворенны.

(85). Калоіоаннъ Палеологъ.

ѣнцемъ елма оукрасися.
цляномъ и Папѣ явѣ сотворися.
Андроника сей отца гонилъ есть.
нѣ братъ въ оузы онаго всадилъ есть.

(86). Андроникъ Палеологъ.

ко отцу си не милосердъ бяше,
и онаго со престола меташе,
тъ держаше. Но егда из'шелъ есть,
и Мануила на царство возвелъ есть.

(87). Мануиль Палеологъ.

алеологъ егда царствоваше
славы достойно чрезъ вѣкъ содѣяше.
ижи сыновъ, потомъ преставися,
мѣсто его на царство всадися.

Всцарися	Царствова
ⲉⲁⲧⲁⲗ.	ⲥ̅
ⲉⲁⲧⲙ.	ⲛ̅.
ⲉⲁⲧⲙⲓ	ⲕⲥ̅.
ⲉⲁⲧⲟⲥ	ⲁ̅.
ⲉⲁⲧⲛⲓⲫ	ⲗⲁ̅.

Новая вѣтвь на серебряномъ сосудѣ съ Таманскаго полуострова.

В 1912 г. В. В. Шкорниль разслѣдовалъ одну могилу въ Зеленой горѣ, на Таманскомъ полуостровѣ, могилу, въ которой былъ найденъ рядъ въ высшей степени замѣчательныхъ вещей, и въ томъ числѣ серебряный сосудъ, на орнаментацию котораго позволю себѣ обратить вниманіе специалистов¹⁾. Орнаментация сосуда важна потому, что открытая могила на Зеленой горѣ датируется. Благодаря этому, мы получаемъ и точную датировку найденныхъ въ могилѣ предметовъ.

Въ это время». Въмѣстѣ съ тѣмъ стиль это народъ и не только народъ, а человѣкъ опредѣленнаго времени и среды и народъ той эпохи. Каждый человѣкъ и каждый народъ выражаютъ свои взгляды и идеалы въ разное время разными образами и формами искусства отъ разныхъ сопровождающихъ ихъ жизнь обстоятельствъ. Ни отдѣльный человѣкъ, ни народъ не могутъ избавиться отъ законовъ природы. И на художественное творчество не можетъ не отразиться среда (въ самомъ значеніи этого слова: среда и физическая, и динамическая, среда, въ которой художнику пришлось жить и дѣйствовать). Среды произведенія искусства и представляютъ весьма важный источникъ для познанія среды, и произведенія искусства сами по себѣ для познанія среды прошлаго и являются такимъ образомъ съ письменными источниками важнымъ самостоятельнымъ историческимъ источникомъ.

¹⁾ Описание находки въ *Archaeologischer Anzeiger*, XXVIII (1913),

Бываютъ личности съ весьма ярко выраженной индивидуальностью. Художники, обладающіе такой индивидуальностью, создаютъ и творенія яркія, сильныя, рѣзко отличающіяся отъ работъ другихъ мастеровъ. Произведенія такихъ художниковъ сразу всякій, кто вообще читаетъ интересъ къ искусству, не узнать сразу, напр., Рубенса, Тициана, или изъ древняго Поликлета, Праксителя?

Совокупность формъ и вообще особенностей, изъ которыхъ складывается художественное произведеніе, легко каждымъ схватывается у сильныхъ и оригинальныхъ мастеровъ, труднѣе опредѣлить и отдать въ ней отчетъ у художниковъ второстепенныхъ, менѣе оригинальныхъ и болѣе зависимыхъ отъ другихъ. Здѣсь требуется извѣстный навыкъ, извѣстная техника. Еще труднѣе критическое изученіе формъ ремесленного искусства. То, что сказано мною относительно отдѣльныхъ мастеровъ, всецѣло относится и къ народамъ. Произведенія искусства народовъ, культуры коихъ были такъ различны, легко выдѣлить каждый съ перваго же разу. Я не представляю себѣ, какъ можно было бы смѣшать, напр., греческую статую классической эпохи съ египетской статуей эпохи древняго царства.

Въ силу какихъ способностей мы опредѣляемъ сразу Рубенса, Поликлета, египетскую статую древняго царства? Въ силу наблюдений надъ ихъ формами и особенностями, наблюдений, которыя дѣлаются быстро и иногда какъ будто бы безсознательно, въ силу той нашей способности, которую мы называемъ *чувствомъ стиля*, и которая ведетъ къ усвоенію совершенно особенныхъ, специальныхъ знаній.

Чувство стиля не представляетъ вовсе какой-нибудь всеобщей способности нѣкоторыхъ людей. Оно дано всѣмъ. То, что даетъ чувство стиля, зиждется отнюдь не на индивидуальныхъ переживаніяхъ и впечатлѣніяхъ, а основывается, въ концѣ концовъ, на чисто объективномъ наблюденіи формъ и другихъ особенностей художественнаго произведенія, которыя существуютъ въ реальности и которыя можетъ при желаніи видѣть, понять и провѣрить всякій.

Людей сильныхъ и оригинальныхъ мало. Не такъ много и сильныхъ и оригинальныхъ художниковъ. *Servile pecus imitatorum*

иногда всегда представлено значительнѣе, чѣмъ разрядъ ихъ ворцовъ, открывающихъ новые пути. Тѣмъ не менѣе и сейчасъ человѣчество не остается неподвижнымъ, инертнымъ законъ жизни. Наблюденія надъ стилемъ художественныхъ разнѣхъ временъ и народовъ показываютъ это ясно и явностью: стили мѣняются все время.

Иногда чувство стили легко позволяетъ намъ сдѣлать ошибки, такъ внутри крупныхъ отдѣловъ бываетъ часто не только мелкіе подотдѣлы. Однако, и здѣсь возможна вполне плодотворная работа наблюденія надъ формами и особенностями, и каждый желающій (конечно съ потратой нѣкотораго труда) способенъ проконтролировать, какъ и всякую другую

и эти простыя истины приходится все же повторять, потому что случается выслушивать отъ весьма почтенныхъ лицъ и отъ въ солидныхъ ученыхъ сочиненіяхъ сужденія, которые обостряютъ неясность въ пониманіи того, что такое стиль.

Въ каждой эпохи, гдѣ мы, если желаемъ что-либо знать, должны обращаться къ вещественнымъ памятникамъ, анализировать ихъ формы, пользоваться исключительно нашею способностью чувства стили. Искать другія наши способности, такъ и чувство стили способно, получать болѣе или менѣе высокую технику. И такъ, какъ и вездѣ въ другихъ областяхъ человѣческихъ дѣятельностей, не дѣла будетъ лучше, если техника будетъ высокая. И такъ, какъ и вездѣ въ другихъ областяхъ человѣческихъ дѣятельностей, не обладающимъ высокою техникою, дѣйствія высокой техникою обладающихъ, могутъ показаться иногда подобными. Но это не будетъ правильно. Правильнымъ будетъ стараться достигнуть требуемой высоты техники. Каждый при желании достигъ какой угодно высоты техники; техники воспеваются, не рождаются. Однако, необладаніе техникою не даетъ ни мѣйшаго права ее отрицать или думать, что безъ нея нельзя получить тѣ же знанія.

Какъ являлось, что орнаментация сосуда, найденнаго на Таити, и островѣ, проливаетъ свѣтъ насчетъ времени нѣкоторыхъ произведеній искусства, я имѣлъ въ виду древности, найден-

ныя въ курганахъ южной Россіи и въ частности кургана Чертомлыцкаго.

Послѣднее время мнѣ уже неоднократно приходилось печатно высказываться о времени предметовъ, найденныхъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ ¹⁾.

Въ своихъ работахъ я указывалъ на разнообразіе мнѣній ученыхъ насчетъ даты Чертомлыцкаго кургана. Такое разнообразіе мнѣній не обозначаетъ никоимъ образомъ краха науки. Оно обозначаетъ только, что памятникъ не достаточно изученъ. Въ виду того, что искать указаній насчетъ времени Чертомлыцкаго кургана надо прежде всего въ *стиль* найденныхъ въ его могилахъ художественныхъ произведеній, а формы ихъ, сложныя и богатые, обнаруживающія наслоенія разнообразѣйшихъ вліяній, требуютъ отъ изучающаго ихъ чрезвычайнаго напряженія и вниманія, дѣло изученія, естественно, идетъ медленно. Я нимало не сомнѣваюсь, что, въ концѣ концовъ, разногласія ученыхъ исчезнутъ или, во всякомъ случаѣ, будутъ уменьшаться. Когда-нибудь и стиль чертомлыцкихъ древностей будетъ столь же ясенъ и понятенъ, какъ напр., нынѣ стиль Поликлета или Праскителя. Было время, когда наука не знала копій съ «Дорифора» и съ «Афродиты Книдской». Если мы ихъ знаемъ теперь, то прежде всего благодаря критическому изученію формъ дошедшихъ до насъ памятниковъ античной скульптуры.

Я нисколько не умаляю важности изученія древностей, добытыхъ раскопками въ скифскихъ курганахъ, въ связи съ изученіемъ дошедшихъ до насъ историческихъ свидѣтельствъ и вообще въ связи съ изученіемъ исторіи Скиѣи, но думаю, что, если историкъ не будетъ считаться съ результатами, полученными на основаніи критическаго изученія формъ памятниковъ, или иными словами съ результатами ихъ историко-художественнаго изученія, получаемыми, благодаря *чувству стиля*, онъ самъ лишитъ себя важнаго источника

¹⁾ См. моя статьи въ *Сборникъ археологическихъ статей, поднесенныхъ г-р. А. А. Бобринскому*, Спб., 1911, стр. 45 слл. (Золотыя обивки излучій-горатовъ пазъ, Чертомлыцкаго кургана и изъ кургана въ м. Ильинцахъ), въ *Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи*, вып. 50, Симферополь, 1913, стр. 179 слл. (Новѣйшая датировка Карагодеуашскаго кургана) и въ *Archäolog. Anzeiger*, XXVIII (1913) ст. 228 сл. (по поводу вновь найденной вазы бл. Воронежа).

знанія и потому будетъ рисковать погрѣшить противъ истины. Знаній, которыя даетъ изученіе стили, другимъ путемъ получить совершенно невозможно.

Я указалъ уже, что мнѣнія ученыхъ насчетъ даты чертомлыцкихъ древностей до послѣдняго времени отличались большимъ разнообразіемъ. И нынѣ единогласія на этотъ счетъ нѣтъ. Если *М. И. Ростовцевъ* въ своемъ недавно вышедшемъ большомъ трудѣ «*Античная декоративная живопись на югѣ Россіи*» (Спб. 1914), на стр. 318 сл., заявляетъ, что «въ наукѣ нѣтъ болѣе сомнѣній», что древности Чертомлыцкаго кургана, какъ и древности кургановъ Куль-Обы и Солохи, относятся къ IV—III в. до Р. Хр., то я противъ этого позволю себѣ протестовать. Если подѣ наукой подразумѣвать и мнѣнія различныхъ изслѣдователей и критиковъ, печатно высказывавшихся за другую датировку Чертомлыцкаго кургана и приводившихъ за то различные мотивы¹⁾, то утвержденіе *М. И. Ростовцева* ошибочно. Если онъ лично въ указанномъ мѣстѣ книги категорически утверждаетъ, что названныя древности относятся къ IV—III в., то эта категоричность мало убѣждаетъ, если самъ *М. И. Ростовцевъ* въ другихъ мѣстахъ той же своей книги относитъ тѣ же древности къ иной эпохѣ: на стр. 176 сл. онъ относитъ ихъ ко «времени никакъ не болѣе раннему, чѣмъ III в. до Р. Хр.», на стр. 48 (примѣчаніе) къ IV—II в. и на стр. 42 къ эпохѣ «между второй половиной III вѣка и началомъ II вѣка до Р. Хр.» Очевидно, колебанія были и у *М. И. Ростовцева*.

Каждый новый памятникъ, такъ или иначе освѣщающій вопросъ о времени древностей Чертомлыцкаго и другихъ кургановъ, является важнымъ.

Много новаго принесли раскопки *Н. И. Веселовскаго*, разслѣдовавшаго въ 1912 г. курганъ Солоху²⁾.

¹⁾ *С. А. Жебелевъ*, въ журналѣ *Гермесъ*, 1912 г., № 4, стр. 105; *И. Н. Бороздинъ*, *Русская археологія* въ 1911 г., въ прибавленіи къ 44-му выпуску *Извѣстій Императорской Археологической Коммиссіи*, Спб. 1912, стр. 173; *Е. Н. Minns*, *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, стр. XXXIX; *В. В. Сазаневъ*, Серебряные сосуды съ золоченымъ орнаментомъ изъ Чмырева кургана, въ *Извѣстіяхъ Импер. Археолог. Коммиссіи*, в. 45, стр. 111 сл.

²⁾ См. объ этихъ находкахъ въ ст. *С. А. Половцовой*, въ *Гермесѣ* за 1914 г., №№ 6—8, и въ *Revue archéologique*, 1914, mars—avril, стр. 164 сл.

Древности Солохи, относящіяся къ IV—III в. до Р. Хр., должны быть, безъ всякихъ сомнѣній, старше древностей Чертомлыка и Куль-Обы. Это положеніе обосновывается мною въ статьѣ моей, которая должна появиться вскорѣ въ печати.

Противъ датировки Чертомлыцкаго кургана IV—III в. до Р. Хр. говорить и орнаментака таманскаго сосуда, привлекающаго наше вниманіе теперь. Въ могилѣ, гдѣ найденъ былъ сосудъ, оказался золотой статеръ Александра Великаго. Другая могила, открытая въ курганѣ на Зеленой горѣ, также дала предметы, датирующіеся IV—III в. до Р. Хр. ¹⁾ Не можетъ быть сомнѣній, что серебряный сосудъ, найденный В. В. Шкорпиломъ, относится къ концу IV или началу III в. до Р. Хр. Сосудъ этотъ своеобразной грушевидной формы съ отверстиемъ въ формѣ плющеваго листа, закрывавшимся крышечкой, которая была прикрѣплена на шарнирахъ (рис. 1). Низъ сосуда (рис. 2) украшенъ штампованною розеткой и рядомъ узкихъ соприкасающихся другъ съ другомъ реберъ, которые на верху заканчиваются выгнутыми вверхъ дугами. Выше реберъ идутъ кругомъ сосуда штампованные пояса, у которыхъ рельефныя части были позолочены. Первый поясъ по срединѣ украшенъ плетенкой, напоминающей рисунокъ плетенку на серебряномъ кубкѣ изъ Артюховскаго кургана ²⁾, и обрамленъ съ обѣихъ сторонъ узоромъ представляющимъ подражаніе зерни. Второй поясъ украшенъ роскошною вѣткою аканѳа съ крупными и мелкими цвѣтами, довольно большими усиками въ видѣ завитковъ и мелкими усиками, скручивающимися спиралью. Рис. 3 представляетъ аканѳовую вѣтвь въ развернутомъ видѣ по рисунку *Е. Б. Барсуковой*. Сверху поясъ съ аканѳовою вѣтвью обрамленъ полоскою, подражающею зерни.

Аканѳовая вѣтвь съ начала IV в. представляла одинъ изъ очень любимыхъ и распространенныхъ декоративныхъ мотивовъ греческаго искусства ³⁾. Подобно многимъ другимъ мотивамъ ⁴⁾ аканѳовая вѣтвь примѣняется для украшенія и въ эпоху позднѣй-

¹⁾ См. *Archaeolog. Anzeiger*, XXVIII (1913), 177 слл.

²⁾ Ср. *Minns, Skythians and Greeks*, стр. 431.

³⁾ См. мою статью въ *Сборникъ, поднесенномъ гр. А. А. Бобринскому*, стр. 104 слл.

⁴⁾ Ср. напр. плетенку на указанномъ сосудѣ изъ Артюховскаго кургана; съ пальметный фризь. См. мою указанную статью.

шую эллинистическую. Великолепнымъ примѣромъ аканѳовой вѣтви эллинистической эпохи является вѣтвь на базѣ колонны Дидимейона Милета. На рис. 4 я даю воспроизведеніе аканѳовой вѣтви изъ

Рис. 1 (н. в.). Серебряный сосудъ, найденный на Таманскомъ полуостровѣ.

Дидимейона по рисунку *Е. Б. Барсуковой*, исполненному ею по новой фотографіи *Брауна* въ Парижѣ. Колонна Дидимейона, на которой сдѣлана аканѳовая вѣтвь, была сооружена въ 150 г. до Р. Хр. Интересна аканѳовая вѣтвь, украшающая ильинецкій и чертомлыцкій гориты ¹⁾. Рис. 5 даетъ изображеніе части аканѳовой

¹⁾ См. мою работу въ *Сборникъ, поднесенномъ гр. А. А. Бобринскому*, стр. 104 слл.

вѣтви горита Чертомлыцкаго кургана по рисунку *Е. Б. Барсуковой* ¹⁾.

Мною было указано на сходство стили аканѳовыхъ вѣтвей на ильинецкомъ и чертомлыцкомъ горитахъ съ вѣтвю на колоннѣ Дидимейона ²⁾. Сходство стили у нихъ настолько велико, что, вне сомнѣній, ильинецкій и чертомлыцкій гориты явились приблизительно въ то же время, какъ и колонна Дидимейона. Какъ относится стили

Рис. 2 (н. в.). Дно серебрянаго сосуда, найденнаго на Таманскомъ полуостровѣ.

аканѳовой вѣтви таманскаго сосуда къ стилю вѣтвей горитовъ и колонны Дидимейона?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, присмотримся къ формамъ аканѳовыхъ вѣтвей на всѣхъ этихъ памятникахъ. Важно обратить вниманіе на формы и стволы вѣтокъ, и листья аканѳа, и завитковъ усиковъ, и цвѣтовъ. Не менѣе важно отмѣтить и то, какъ и гдѣ размѣщаются цвѣты, какъ они чередуются съ завитками и

¹⁾ Оригиналы рисунковъ 3—5 *Е. Б. Барсуковой* принадлежатъ Императорской Археологической Комиссіи. Приношу мою сердечную, глубокою благодарность *В. В. Латышеву*, любезно разрѣшившему воспроизвести рисунки *Е. Б. Барсуковой* въ настоящей работѣ.

²⁾ См. мою статью въ *Сборникъ, поднес. гр. А. А. Бобринскому, ук. м.*

съ листьями аканѳа, въ какомъ отношеніи находятся вѣтка и ея составныя части къ фону.

Стволъ аканѳовой вѣтви на таманскомъ сосудѣ довольно толстый; онъ покрытъ винтовыми нарѣзами и представляетъ узоръ плетенаго каната. У чертомлыцкой вѣтви стволъ тонкій и совершенно гладкій. Форма ствола вѣтви таманскаго сосуда находитъ аналогію у ствола аканѳовой вѣтви позднѣйшаго храма Артемиды въ Ефесѣ (послѣ 356 г. до Р. Хр.)¹⁾. Чертомлыцкая вѣтвь аналогична вѣтви на колоннѣ Дидимейона (150 г. до Р. Хр.). Съ нею сближаетъ чертомлыцкую вѣтвь и мотивъ двухъ перехватовъ на стволѣ передъ аканѳовымъ листомъ. Листья аканѳа на таманской вазѣ также не той формы, что на чертомлыцкомъ горитѣ. На таманской вазѣ всюду повторяется одинъ широкій листъ, изъ-подъ котораго выходитъ продолженіе вѣтви ствола; на горитѣ стволъ вѣтви выходитъ всякій разъ изъ двухъ листовъ аканѳа. И опять интересно указать, что листья таманскаго сосуда аналогичны листьямъ аканѳа второй половины IV вѣка до Р. Хр. симы Артемисія Ефеса, а листья чертомлыцкаго горита листьямъ колонны II вѣка до Р. Хр. храма Аполлона Дидимейскаго. Очертанія концовъ листьевъ на таманскомъ сосудѣ образуютъ округлости, на чертомлыцкомъ горитѣ — острые зубцы. Различны у таманской вазы и у чертомлыцкаго горита узоры на листьяхъ аканѳа. Сравнивая рис. 3 и 5, всякій можетъ убѣдиться въ томъ, что различны у того и другого памятника и формы цвѣтовъ аканѳовыхъ вѣтвей, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, и формы усиковъ, образующихъ завитки. На таманской вазѣ толстые усики оставлены безъ цвѣтовъ. На чертомлыцкомъ горитѣ завитки усиковъ значительно тоньше, и на нихъ посажены довольно массивные цвѣты. Мелкихъ усиковъ, скручивающихся спиралью, мотива, въ высшей степени характернаго для памятниковъ IV—III в.²⁾, на чертомлыцкомъ горитѣ не видимъ

¹⁾ См. *Durm*, *Die Baukunst der Griechen*, 1910, стр. 338, рис. 324.

²⁾ Ср., напр., *Millin*, *Peintures de vases antiques*, I. 16, 22; II, 32, 39; *Watzinger*, *Griechische Holz-sarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen*, 1905, стр. 76 сл.; *Otto Rubensohn* *Hellenistisches Silbergerät in antiken Gipsabgüssen*, Aus dem Pilizaeus-Museum zu Hildesheim, 1911, табл. VII, 39; *Minns*, *Scythians and Greeks*, стр. 326, и т. д.

совсѣмъ. Итакъ, рисунокъ составныхъ формъ вѣтвей аканѳа на таманской вазѣ и на чертомлыцкомъ горитѣ совершенно различенъ. Различно и расположеніе отдѣльных частей на фонѣ, что обуславливаетъ совершенно иной общій характеръ и ритмъ орнаментальнаго мотива. Распредѣленіе крупныхъ, тяжелыхъ частей вѣтви на таманской вазѣ поражаетъ своею неравномѣрностью: около листьевъ аканѳа расположены и крупные цвѣты, а около завитковъ усиковъ чувствуются пустоты. Художникъ видимо хотѣлъ достичь эффектнаго живописнаго дѣйствія крупными золотыми пятнами, неравномѣрно

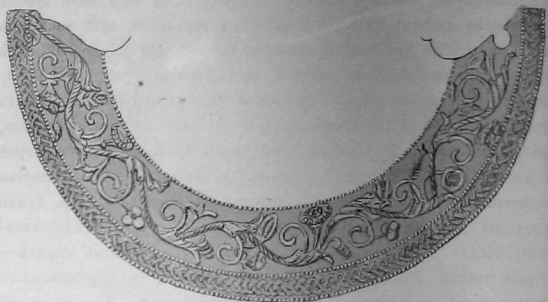

Рис. 3 (3/4). Аканѳовая вѣтвь на таманскомъ сосудѣ.

разбросанными по сосуду. Живописному эффекту содѣйствуютъ и усики, скручивающіеся спиралью и какъ-бы удаляющіеся во внутрь фона. Совершенно къ другому эффекту стремился художникъ, сдѣлавшій чертомлыцкій горитѣ: у него тяжелые цвѣты отдѣлены отъ сдѣлавшихся болѣе легкими листьевъ аканѳа и поставлены на завитки усиковъ. Благодаря этому, тяжелыя части распредѣляются на фонѣ чрезвычайно равномѣрно, въ правильномъ чередованіи. На свободныхъ мѣстахъ у вѣтви между крупными цвѣтами разсыяны мелкіе цвѣты. Нигдѣ не чувствуется пустотъ. Ритмъ на чертомлыцкомъ горитѣ—совершенно иной, чѣмъ на таманскомъ сосудѣ: на горитѣ ритмъ ясный, спокойнѣе, проще, торжественнѣе и величавѣе; орнаментъ производитъ впечатлѣніе и большей стройности и худо-

жественной законченности. По общему характеру съ нимъ вполнѣ сходится и орнаментъ колонны Дидимейона.

Всѣ тенденціи орнамента таманской вазы и чертомлыцкаго горита въ основѣ радикально различны. И это не случайность.

Рис. 4 (1/2). Акантеовая вѣтвь на базѣ колонны храма Аполлона Дидимейскаго.

Различія эти не могутъ быть объяснены различіемъ формы поверхности, на которой расположены орнаменты у того и другого предмета, тѣмъ болѣе, что круглая поверхность дидимейской базы не помѣшала автору ея орнаментации украсить ее такъ, какъ украшена плоская полоска на чертомлыцкомъ горитѣ. Чрезвычайно знаменательно, что тѣ оригинальныя черты, которыя характерны

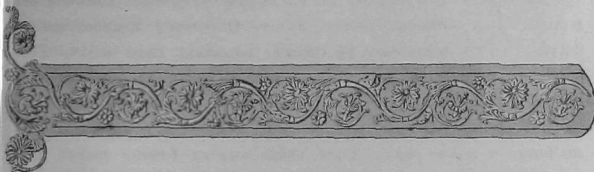

Рис. 5 (3/4). Акантеовая вѣтвь на чертомлыцкомъ горитѣ.

для вѣтви таманской вазы, неизмѣнно и постоянно встрѣчается у акантеовой вѣтви въ IV—III в. до Р. Хр. и въ архитектурѣ, и на золотыхъ и серебрянныхъ издѣліяхъ, и на росписныхъ вазахъ, и въ орнаментахъ саркофаговъ. Наоборотъ особенности вѣтви на чертомлыцкомъ горитѣ находятъ аналогіи не въ IV—III в., а на колоннѣ Дидимейона 150 г. до Р. Хр. и на другихъ памятникахъ II в. до Р. Хр., напр., на мегарскихъ красно-лаковыхъ чашкахъ ¹⁾. Схема расположенія цвѣтовъ, создающая ритмъ, на чертомлыцкомъ горитѣ,

¹⁾ Ср. *Minns*, ук. соч., стр. 352.

хотя и является на видъ проще и строже, чѣмъ на таманскомъ сосудѣ, но она на самомъ дѣлѣ изысканнѣе и ученѣе и явилась, несомнѣнно, уже результатомъ переработки схемы, которую мы наблюдаемъ на таманской вазѣ. Стоитъ только переставить тяжелые цвѣты во внутрь завитковъ, и схема таманской вазы приблизится къ схемѣ чертомлыцкаго горита. Такъ какъ всѣ формы на чертомлыцкомъ горитѣ легче и стройнѣе, то и это говоритъ за то, что чертомлыцкая схема—схема, болѣе обработанная и болѣе поздняя. Въ результатѣ передѣлки явилась схема, болѣе логичная, простая, болѣе строгая и болѣе архитектурная. Авторъ новой схемы видимо стремился уничтожить безпокойный и живописный характеръ старой схемы и старался (надо сказать съ успѣхомъ) достигнуть болѣе пластическаго дѣйствія. Въ этомъ отношеніи авторъ новой схемы подходитъ ближе къ схемѣ классической эпохи начала IV вѣка ¹⁾.

Однако, разработка схемъ въ деталяхъ не оставляетъ сомнѣній, что ея авторъ долженъ былъ быть знакомъ съ живописной схемой IV—III в.

Радикальныя различія въ направленіи творчества у отдѣльныхъ художниковъ не обязываютъ къ предположенію, что художники эти должны были жить въ разное время. Отдѣльные индивидуальныя мастера могутъ опережать въ своихъ твореніяхъ свою эпоху. Дѣло обстоитъ совершенно иначе съ перемѣной стиля въ ремесленномъ искусствѣ, къ каковому относятся чертомлыцкій горитъ и таманскій сосудъ. *Новый стиль въ ремесленномъ искусствѣ обыкновенно обозначаетъ и новую эпоху.* Вновь найденный на Тамани сосудъ ясно свидѣтельствуетъ, что въ IV—III в. до Р. Хр. популярный декоративный стиль былъ радикально различенъ отъ того стиля, который мы наблюдаемъ на чертомлыцкомъ горитѣ, и потому разница во времени, когда явились эти два памятника, должна быть непремѣнно большая. Такъ какъ аналогіи чертомлыцкому гориту мы находимъ на памятникахъ II в. до Р. Хр., то всѣ основанія говорятъ за то, что чертомлыцкій горитъ надо датировать не IV—III в., а II вѣкомъ до Р. Хр.

Нельзя не указать въ заключеніе на то, что предлагаемая мною датировка чертомлыцкаго горита, какъ нельзя болѣе, встрѣчаетъ подтвержденіе въ томъ, что мы знаемъ вообще объ искусствѣ IV—III и II в. до Р. Хр. Конецъ IV и начало III вѣка были

¹⁾ Ср. *Durm*, Die Baukunst der Griechen, стр. 281.

эпохою, когда въ искусствѣ законодателями были величайшій живописецъ Апеллесъ и величайшій живописецъ-скульпторъ Лисиппъ. Писатель Ксенократъ апогеемъ развитія въ искусствѣ ставить направленіе Лисиппа. Главная особенность искусства этого времени — его живописныя тенденціи. Мы видимъ, что этими тенденціями и отличается аканеовая вѣтвь на вазѣ съ Тамани. Орнаментака чертомлыцкаго горита, какъ и орнаментака храма Аполлона Дидимейскаго, свидѣлствуютъ о совершенно другихъ вкусахъ въ обществѣ. *Новое искусство представляетъ реакцію на направленіе IV—III в., умышленно исключая живописные элементы, упрощая формы и возвращаясь вообще къ классическимъ традиціямъ начала IV в.*¹⁾ Нельзя не припомнить при этомъ, что во II в. въ Пергамѣ начинается изученіе и собираніе памятниковъ старой классической эпохи. Искусство «заражается аттическимъ классицизмомъ» V—IV в., и въ противоположность Ксенократу, прославлявшему прежде Лисиппа, пергамскіе писатели выставляютъ особенное значеніе Фидія и Алкамена²⁾. *Въ результатъ возрожденія во II вѣкѣ до Р. Хр. классическихъ афинскихъ идеаловъ V—IV в. и явились художественные предметы Чертомлыцкаго и Куль-Обскаго кургановъ и другихъ, примыкающихъ къ нимъ по стилю обнаруженныхъ въ нихъ предметовъ*³⁾.

Б. Фармаковский.

¹⁾ Если орнаментака храма Аполлона Дидимейскаго не такъ богата, напр., мотивами формъ цвѣточного орнамента, то это объясняется вовсе не тѣмъ, какъ представляетъ себѣ *М. И. Ростовцевъ*, Античная декоративная живопись на югѣ Россіи, стр. 55, прил. 1, — будто „памятники архитектуры стоятъ въ хвостѣ развитія сравнительно съ живописью (апулійскія вазы), текстильнымъ искусствомъ, торевтикой и рѣзбой по дереву“. Авторы орнаментака храма Аполлона Дидимейскаго были уже болѣе тонкими художниками, и вѣннее богатство декоративныхъ формъ и количественное разнообразіе ихъ не удовлетворяло; ихъ болѣе плѣняла величавая и строгая архитектурность цѣлаго и сила пластическаго дѣйствія: не хвостъ развитія, а нѣчто совсѣмъ иное!

²⁾ Ср. *Robert*, Archaeologische Märchen, у *Kiessling-Wilamowitz*, Philologische Untersuchungen, X (1886), стр. 17 слл., 53 слл., 75 слл.

³⁾ *М. И. Ростовцевъ* возражаетъ противъ датировки Чертомлыцкаго и другихъ кургановъ II вѣкомъ въ новой своей работѣ о воронежскомъ серебряномъ сосудѣ, печатающейся въ 34-мъ выпускѣ *Матеріаловъ по археологій Россіи*, издав. Императорскою Археологическою Коммиссіею. Разборомъ основаній, заставляющихъ *М. И. Ростовцева* относить указанные курганы къ IV—III в. до Р. Хр., я займусь по выходѣ изъ свѣтъ названной работы *М. И. Ростовцева*. Теперь замѣчу только, что доводы *М. И. Ростовцева* не поколебали моихъ взглядовъ.

Галицко-русскій варіантъ сказанія о крестникѣ.

Пятый томъ «Збірника фільольогічної секції Наукового Товариства імени Шевченка у Львові» (Львовъ, 1902) содержитъ работу г. И. Верхратскаго: «Про говор лемків». Въ данномъ трудѣ, на ряду съ данными діалектологическими, приведены образцы говора лемковъ, въ видѣ нѣкоторыхъ матеріаловъ народной поэзіи, записанныхъ изъ устъ жителей интересующей автора области; среди ряда сказокъ, приведенныхъ г. Верхратскимъ, есть одна, представляющая варіантъ сказанія о крестномъ сынѣ. Нахожу необходимымъ въ виду дальнѣйшихъ соображеній изложить содержаніе этой сказки.

Особаго заглавія издатель ей не даетъ, но предпосылаетъ ей краткое изложеніе ея содержанія. Разсказываетъ она о бѣдныхъ супругахъ, у которыхъ вслѣдствіе ихъ бѣдности никто не хотѣлъ быть воспріемникомъ новорожденнаго мальчика. Только въ другомъ селѣ отецъ находитъ одного прохожаго, который соглашается быть у него кумомъ и указываетъ, гдѣ найти куму. Послѣ крещенія прохожій пропадаетъ. По истеченіи шести лѣтъ мальчика отдають въ школу, гдѣ онъ хорошо учится; на праздникъ Пасхи онъ предпринимаетъ розыски своего крестнаго отца: встрѣтившійся прохожій говоритъ ему, что онъ и есть его крестный отецъ, и приглашаетъ его къ себѣ, объяснивъ дорогу. Явившись, согласно объясненіямъ крестнаго, въ лѣсъ на поляну, за которой находится домъ крестнаго, мальчикъ видитъ сосну, на вѣткѣ которой виситъ колода, въ «путора цетнара» вѣсомъ, а подъ нею корыто меду. Является медвѣдица съ медвѣдемъ и медвѣжатами; она отбрасываетъ колоду, но та, падая вновь, убиваетъ медвѣдя и ее. Явившійся крестный приглашаетъ его въ домъ, позволяетъ гулять по дому и находящемуся при немъ саду, запретивъ ему входить въ одну комнату.

Мальчикъ проводить у крестнаго 30 лѣтъ, принимая ихъ за 3 дня (крестный не кто иной, какъ Христосъ); потомъ онъ проникаетъ въ запретную комнату, восходитъ на стоящій тамъ тронъ; стѣны комнаты распадаются, и онъ видитъ всю землю; прежде всего онъ замѣчаетъ, какъ его отецъ спитъ на полѣ, а Василь воруетъ у него пшеницу; онъ кричитъ, крикомъ будить отца, тотъ поднимается въ свою очередь крикъ; сбѣжавшіеся люди хватаютъ вора. Далѣе крестникъ видитъ мать; къ ней лѣзетъ воръ; онъ опять кричитъ, мать просыпается; воръ хочетъ ее убить, но крестникъ «съ неба» (пояснено: «с того саду»; но какъ садъ и домъ крестника очутился на небѣ, неизвѣстно) бросаетъ желѣзомъ и убиваетъ вора. Далѣе—крестная мать: она спитъ; ея мужъ ушелъ къ любовницѣ; отъ крика крестника она также просыпается, идетъ къ любовницѣ, отнимаетъ у нея своего мужа; любовница арестована. Въ заповѣдной комнатѣ является Христосъ, упрекаетъ крестника и показываетъ ему результаты его дѣятельности: воръ, отсидѣвъ годъ въ тюрьмѣ, не научился ничему доброму и, выйдя изъ тюрьмы, поджегъ домъ его отца; второй воръ былъ разбойникъ; убивъ его, крестникъ долженъ теперь искупать его грѣхи; крестная мать и ея мужъ разошлись совсѣмъ, а любовница также лишь умножила свои грѣхи въ тюрьмѣ. Крестникъ посылается на землю искупать ихъ и свои грѣхи. По указанію самого Христа онъ идетъ въ лѣсъ къ старцу; послѣдній велитъ ему срубить и сжечь дерево, взять три головы, зарыть ихъ и поливать, нося ежедневно воду. Крестникъ исполняетъ это; старецъ умираетъ, и крестникъ остается жить въ его хатенкѣ; люди носятъ ему пищу; смущенный честью, которую воздаютъ ему люди, онъ удаляется въ болѣе пустынное мѣсто. Оттуда онъ приходитъ однажды къ мѣсту, гдѣ зарыты головы, и видитъ, что одна изъ нихъ проросла. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ разбойника; онъ рассказываетъ разбойнику о себѣ и убѣждаетъ его покаяться: разбойникъ прогоняетъ его, угрожая смертью. Черезъ 10 лѣтъ прорастаетъ вторая головня; слѣдуетъ новая встрѣча съ разбойникомъ (2-я), съ тѣмъ же результатомъ. Черезъ новыя 10 лѣтъ опять встрѣча съ разбойникомъ (3-я); разбойникъ уступаетъ убѣжденіямъ крестника и кается; прорастаетъ 3-я головня. Крестникъ благодаритъ Бога; на другой день крестникъ умираетъ; разбойникъ занимаетъ его мѣсто.

Я намѣренно подробно изложилъ содержаніе интересующей меня сказки. Не сомнѣваюсь, что всякому, знакомому съ легендарными разсказами Л. Н. Толстого, она напомнитъ разсказъ послѣдняго «Крестникъ». Сходство простирается на планъ всего разсказа, на порядокъ составляющихъ его подробностей и даже на мелкія детали.

Едва ли есть надобность пересказывать содержаніе Толстовскаго разсказа и проводить подробно его сравненіе со сказкой г. Верхратскаго, въ виду слишкомъ большой его извѣстности. Напомню развѣ подробность, бросающуюся въ глаза по сходству съ соотвѣтствующею подробностью сказки: воръ, который крадетъ съ поля снопы у отца крестника, называется и у Толстого Василиемъ; первый разъ это имя приводится съ фамиліей: «Это Василій Кудряшовъ, воръ, ѣдетъ» (гл. 5), а дальше безъ фамиліи; вапомню еще хотя бы сцену съ медвѣжатами. Различія касаются чертъ второстепенныхъ; укажу нѣкоторыя: въ повѣствованіи о томъ, что видѣлъ крестникъ съ неба, у Толстого прежде разсказано о случаѣ съ крестною матерью, потомъ—съ родной матерью; въ сказкѣ—наоборотъ; у Толстого первая встрѣча съ разбойникомъ происходить до удаленія крестника въ болѣе пустынное мѣсто, а вторая—какъ разъ на пути крестника къ «оврагу», который онъ избралъ себѣ для поселенія; въ сказкѣ всѣ встрѣчи съ разбойникомъ происходятъ послѣ переселенія крестника; главы 7-я и 8-я въ разсказѣ Толстого повѣствуютъ о четырехъ загадочныхъ встрѣчахъ, бывшихъ у крестника на пути, когда онъ, выйдя отъ крестнаго, ищетъ способа, какъ искупить «свои и разбойниковы грѣхи» (телушка въ хлѣбѣ; грязный рушникъ; мужики, кружащіе ободья; гуртовщики); нравственный выводъ изъ этихъ встрѣчъ крестникъ дѣлаетъ въ концѣ разсказа; всего этого въ сказкѣ нѣтъ. Въ существенномъ же сходство обоихъ разсказовъ несомнѣнно и поразительно.

Конечно, ни Л. Н. Толстой, ни галицкая сказка изобрѣтателями самой темы разсказа не являются. Исторія крестнаго сына служитъ темою старинной легенды, дошедшей какъ въ рукописной традиціи, такъ и въ устной народной словесности. Рукописные тексты (насколько они мнѣ извѣстны, по крайней мѣрѣ), разсказываютъ о событіяхъ, о которыхъ сообщается въ первой половинѣ разбираемой

повѣсти (т. е. галицкой сказки и толстовскаго разсказа): о встрѣчномъ незнакомцѣ, дѣлающемся кумомъ бѣдняку, о встрѣчѣ съ нимъ крестника въ день Пасхи, о путешествіи крестника къ нему (причемъ крестнымъ отцемъ оказывается самъ Христосъ), о строгихъ судахъ крестника и о возвращеніи его домой, послѣ чего онъ ведетъ добродѣтельную жизнь и угождаетъ Богу. Содержаніе судовъ разнообразится; по преимуществу разсказывается, что крестникъ видитъ воровство, разбой, прелюбодѣяніе; по его желанію преступники наказываются огнемъ съ неба, нападеніемъ звѣрей, потопленіемъ корабля, паденіемъ на нихъ стѣны зданія ¹⁾).

Устный варіантъ, записанный у Аѳанасьева ²⁾, содержитъ въ началѣ то же повѣствованіе, но безъ указанныхъ судовъ. Есть лишь одинъ судъ, влекущій за собою такую же перемѣну въ судьбѣ героя повѣсти, какъ и въ разсказахъ Толстого и галицко-русскомъ: въ зановѣдномъ покоѣ, куда крестный отецъ запретилъ крестнику входить, но куда онъ всетаки проникаетъ, онъ видитъ разбойника, передъ которымъ стоитъ на колѣнахъ человѣкъ; «жалко ему стало того человѣка, ухватилъ онъ камень и убилъ разбойника». Разбойникъ умеръ безъ покаянія, и по велѣнію Господа крестникъ долженъ выкупать его грѣхи. Однако, способъ этого искупленія въ Аѳанасьевскомъ разсказѣ иной, какъ и вообще дальнѣйшее содержаніе разсказа совершенно иное: оно представляетъ «варіантъ... сказки, героемъ которой является Незнайка» ³⁾. Легенда напечатана Аѳанасьевымъ по тексту изъ собранія Даля; кѣмъ, гдѣ записанъ данный варіантъ, непосредственно ли отъ народнаго разсказчика, и насколько точно, указаній нѣтъ.

Какъ бы то ни было, вторая часть Аѳанасьевской легенды отношенія къ данному мотиву не имѣетъ. Первая же ея часть интересна потому, что представляетъ исторію о крестномъ сынѣ въ соединеніи съ мотивомъ покаянія разбойника или, точнѣе, съ мотивомъ иску-

¹⁾ Въ сборникѣ Аѳанасьева: „Народныя русскія легенды“, 183—7, въ примѣчаніяхъ къ № 30, напечатанъ одинъ изъ старыхъ текстовъ повѣсти о крестномъ сынѣ, заимствованный изъ рукописнаго собранія Даля; какъ сообщаетъ издатель, этотъ текстъ представляетъ „очевидно“ выписку „изъ какого-нибудь рукописнаго сборника“ (сдѣланную В. И. Далемъ?). Свидѣній болѣе обстоятельныхъ о данной рукописи не сообщено.

²⁾ Нар. рус. легенды, № 30.

³⁾ Н. соч., 183.

плєнія грѣховъ разбойника; искупленіе совершается не самимъ разбойникомъ, а Господнимъ крестникомъ, принимающимъ на себя грѣхи разбойника. Этого соединенія рукописные тексты не знаютъ: они говорятъ, что возвратившійся на землю крестникъ жилъ праведно и угодилъ Богу.

Пересказы Толстого и галицко-русскій также (подобно указанной легендѣ у Аѳанасьева) заставляютъ крестника искупать грѣхи разбойника, послѣ того, какъ онъ убилъ послѣдняго; что же касается способа искупленія въ этихъ двухъ пересказахъ (сгорѣвшія головни и поливаніе ихъ), то онъ представляетъ, какъ извѣстно, сюжетъ многочисленныхъ, распространенныхъ у разныхъ народовъ, рассказовъ о покаяніи разбойника или кровосмѣсителя, о которыхъ не разъ говорили изслѣдователи ходячихъ литературныхъ сюжетовъ, и которые находятъ себѣ параллель въ апокрифической литературѣ, гдѣ мотивъ такого покаянія приуроченъ къ кровосмѣсителю Лоту¹⁾.

Въ русскомъ пересказѣ этого сюжета, вошедшемъ въ то же собраніе легендъ Аѳанасьева²⁾, на ряду съ повѣствованіемъ о томъ, какъ кающійся поливаетъ головни, находимъ и сообщеніе о встрѣчахъ съ разбойникомъ, котораго кающійся преступникъ приводитъ къ покаянію. Въ настоящей замѣткѣ я не имѣю въ виду заниматься изслѣдованіемъ общаго вопроса о происхожденіи и исторіи сказаній о покаяніи разбойника, а равно и сказанія о крестникѣ, объ отношеніи этихъ сказаній между собою и къ другимъ памятникамъ (говоря о другихъ памятникахъ, я имѣю въ виду прежде всего апокрифическое сказаніе о смерти Авраама, извѣстное и въ византійской и въ славянскихъ литературахъ³⁾; въ немъ строгіе суды приписаны праотцу Аврааму, восхищенному арх. Михаиломъ на небо; послѣ судовъ, въ виду ихъ чрезмѣрной строгости, арх. Михаилъ по повелѣнію Божію возвращаетъ Авраама на землю. Содержаніе судовъ въ апокрифѣ не тождественно съ содержаніемъ судовъ крестника, но все же близко къ нему; преступления: прелюбодѣяніе, разбой, воровство; кары: огонь съ неба, звѣри, поглощеніе разверзшейся землею. Весьма возможно, что мотивъ строгихъ судовъ по-

¹⁾ Ср. *Веселовскій*, Разысканія..., X (Сборн. о. р. я. и сл. А. Н., 32).

²⁾ № 28.

³⁾ *А. Васильевъ*, *Anecdota graeco-byzantina*. М. 1893, р. 293, sqq.; *Тихонравовъ*, Пам. отр. р. л-ры, I, 79 сл.

шелъ именно изъ указаннаго анокрифа); въ настоящее время меня интересуютъ частный вопросъ о взаимоотношеніи толстовскаго и галицко-русскаго, напечатаннаго г. Верхратскимъ, рассказовъ, а общей исторіи данныхъ литературныхъ мотивовъ я касаюсь постольку, поскольку это мнѣ кажется необходимымъ для указаннаго частнаго вопроса. Мнѣ прежде всего интересно отмѣтить, что и Толстовскій рассказъ и галицко-русскій, какъ видно изъ изложеннаго, совпадая другъ съ другомъ и въ цѣломъ и въ подробностяхъ, довольно значительно отличаются отъ прочихъ переработокъ тѣхъ же мотивовъ. Содержаніе судовъ, разнообразящееся въ различныхъ указанныхъ выше памятникахъ, совпадаетъ въ обоихъ, интересующихъ меня, пересказахъ; оба пересказа представляютъ одинаковое соединеніе легендарныхъ мотивовъ о крестномъ сынѣ и о покаяніи разбойника, соединеніе, которое въ другихъ пересказахъ, по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстныхъ, не встрѣчается. Ближе всѣхъ стоитъ къ такому типу сказанія указанный выше Аѳанасьевскій пересказъ (№ 30), который присоединяетъ къ сказанію о крестникѣ эпизодъ о разбойникѣ, замѣняя имъ рассказы о другихъ строгихъ судахъ и заставляя крестника взять на себя грѣхи разбойника; но дальше онъ ведетъ крестника совсѣмъ инымъ путемъ. При всемъ различіи этого послѣдняго пересказа и интересующаго насъ вида сказанія (у Толстого и Верхратскаго), Аѳанасьевскій пересказъ позволяетъ думать, что соединеніе двухъ основныхъ темъ: о крестникѣ и объ искупленіи грѣховъ разбойника, совершилось въ той средѣ, откуда произошелъ № 30-й Аѳанасьева, т. е. средѣ народной. Но мы не имѣемъ данныхъ, чтобы приписывать народнымъ пересказамъ введеніе въ исторію крестника именно того способа искупленія, того именно покаяннаго подвига, который мы находимъ у Толстого и Верхратскаго. И можетъ быть, пересказы, находимые у этихъ послѣднихъ, воспользовались намекомъ на соединеніе исторіи крестника съ мотивомъ искупленія грѣховъ, содѣянныхъ разбойникомъ, указаніемъ на покаяніе крестника за его грѣхи, но использовали эту идею иначе: зная другую легенду о покаяніи грѣшника, легенду, заставляющую его поливать головы, примѣнили къ крестнику именно этотъ способъ покаянія, который болѣе шелъ къ общему суровому религіозному аскетическому тону повѣсти.

Сходство между обоими интересующими меня пересказами этимъ не ограничивается: оно простирается на такія детали, которыя дѣлають труднымъ объясненіе сходства тѣмъ, что оба они воспользовались одинаковымъ источникомъ и, развивая его на свой страхъ, совпали въ этомъ дальнѣйшемъ развитіи легенды.

Трудно представить, чтобы въ двухъ мѣстахъ, столь далекихъ другъ отъ друга, у двухъ перелагателей легендъ, и перелагателей столь различныхъ, какъ Л. Н. Толстой и галицко-русскій народный сказочникъ, получился совершенно одинаковый рассказъ, представляющій тождественное сочетаніе нѣсколькихъ основныхъ мотивовъ (исторія крестника, строгіе его суды, плачевные ихъ результаты, эпизодъ съ медвѣдицей, искупленіе грѣховъ разбойника, встрѣчи съ молодымъ разбойникомъ и т. д.; сходство во всемъ планѣ повѣствованія; прибавка къ традиціоннымъ мотивамъ тѣхъ же новыхъ данныхъ: медвѣдица, молодой разбойникъ). Интересующее меня совпаденіе обоихъ пересказовъ можно было бы объяснить или тѣмъ, что оба они воспользовались общимъ источникомъ, который имѣлъ уже указанные особенности, и воспроизвели его съ точностью, или же вліяніемъ одного пересказа на другой (посредственнымъ или непосредственнымъ). Пока другіе пересказы, дающіе подобную же картину, неизвѣстны, эти особенности, принадлежащія только даннымъ пересказамъ, побуждаютъ меня склоняться къ послѣднему предположенію. Но если такъ, то можно ли думать объ усвоеніи Толстымъ галицко-русскаго пересказа? Печатный текстъ г. Верхратскаго появился много позднѣе обнародованія «Крестника», а указаній на знакомство Толстого съ галицко-русскими сказочниками я не знаю. Но этого мало: я думаю, что народныхъ пересказовъ, которые перелагали бы дѣло въ такомъ видѣ, какъ оно представлено въ интересующемъ меня типѣ повѣсти, и которые могли бы послужить источникомъ для великаго писателя, не было, да и не могло быть до его «Крестника». Толстой, вообще, былъ человекомъ съ слишкомъ рѣзко выраженной индивидуальностью, чтобы передавать традиціонные рассказы безъ измѣненія, и обыкновенно видоизмѣнялъ ихъ; данная же легенда, именно въ рассматриваемомъ видѣ, по своимъ внутреннимъ признакамъ, повидимому, носить печать сознательной, скажу болѣе: тенденціозной обработки, прино-

ровленной къ весьма опредѣленному міровоззрѣнію, именно тому міровоззрѣнію, которое извѣстно намъ изъ нравоучительныхъ сочиненій Толстого; мало того,—носитъ печать именно тѣхъ сторонъ въ Толстовскомъ ученіи, которыя особенно настойчиво и усиленно проводились писателемъ какъ разъ въ годы, когда былъ написанъ «Крестникъ». Все то, что отличаетъ наши два пересказа отъ старой легенды, носитъ яркій отпечатокъ теоріи непротивленія злу, ученія о томъ, что всякое зло и всякое насиліе является только источникомъ новаго зла. «Вижу я теперь», говоритъ у Толстого крестникъ, «что зло отъ зла умножается. Что болѣе гоняють люди зло, болѣе зла разводятъ. Нельзя, значить, зло зломъ изводить» (гл. 7). Къ главной фабулѣ привлекаются различные эпизоды, подгоняемые подъ ту же основную идею, даже въ ущербъ художественной цѣльности и простотѣ повѣствованія.

Исторія съ мевѣдицей, играющая роль придуманной ad hoc аллегоріи, пристроенная къ разсказу довольно неудачно и мало съ нимъ связанная, указываетъ, какъ злоба, съ которою медвѣдица все выше и выше отбрасывала колоду, наконецъ погубила и ее и медвѣдя. О судьбѣ медвѣжатъ далѣе ничего неизвѣстно; да и весь эпизодъ съ медвѣдями (гл. 4-я Толстовскаго разсказа) въ повѣствованіи роли болѣе не играетъ, и только въ 6-й главѣ Господь, посылая крестника на землю, толкуетъ ему видѣнное, уподобляя его раздраженіе противъ вора злости, съ которою медвѣдица отбрасывала колоду: это одна изъ загадочныхъ встрѣчъ, которыя Толстой ввелъ въ свою повѣсть, и которыхъ не знаетъ старинная легенда о крестникѣ. Общій мотивъ загадочныхъ встрѣчъ извѣстенъ народнымъ сказкамъ¹⁾ и могъ быть подсказанъ ими, но содержаніе встрѣчъ придумано, повидимому, Толстымъ въ духѣ его основныхъ моральныхъ положеній и для иллюстраціи ихъ и напрасно осложняютъ ясную и простую фабулу. Но самое главное измѣненіе касается судовъ. Наказанія у Толстого вездѣ смягчены: въ старой легендѣ крестникъ (какъ и Авраамъ въ апокрифѣ) каралъ грѣшниковъ только смертію, тутъ же, на мѣстѣ; разбираемая версія легенды ведетъ ихъ въ тюрьму; это на-

¹⁾ Пересказъ легенды о крестникѣ въ „Сѣверныхъ сказкахъ“ г. Овчукова, значительно измѣненный, знаетъ загадочныя встрѣчи, но иного содержанія, и едва ли стоитъ въ связи съ Толстовскимъ пересказомъ.

казаніе отлично отъ стараго не только по степени и по формѣ, но и по своей идеѣ: къ грѣшникамъ примѣняются мѣры государственнаго правосудія, мѣры, которымъ такъ не сочувствовалъ Толстой. Однако и эти наказанія, смягченныя сравнительно со старою легендою, приносятъ печальные плоды: грѣшники въ тюрьмѣ еще больше развращаются, семейная жизнь крестной матери героя повѣсти испортилась. Старая легенда просто осуждаетъ строгаго судью (Авраама, крестника) за его жестокость; наша версія ясно окрашена опредѣленной правоучительной тенденціей, обличающей печальные результаты суда вообще (ибо онъ не оказывается очень строгимъ), притомъ суда, облеченнаго въ установленныя государственнымъ уголовнымъ закономъ формы, а не внушеннаго гнѣвнымъ порывомъ отдѣльной личности. Едва ли можно приписать эту переработку съ ея опредѣленной правоучительной тенденціей, съ ея послѣдовательно проведеннымъ соотвѣтствіемъ именно Толстовскому ученію, крестьянской средѣ, а не сознательному моралисту, образованному перелателю старинныхъ легендарныхъ сюжетовъ.

Въ виду всего изложеннаго, кажется, скорѣе всего слѣдуетъ признать, что тотъ сложный видъ сказанія о крестникѣ, который мы находимъ въ галицкой сказкѣ и у Толстого, нѣтъ основаній возводить къ нѣкоторому общему для этихъ пересказовъ источнику, но что онъ принадлежитъ нашему писателю. Я не знаю, насколько извѣстенъ Толстой въ Галицкой Руси; знающіе галицко-русскую жизнь могутъ сказать, имѣетъ ли основаніе моя догадка, но мнѣ кажется, что извѣстность великаго русскаго писателя, давно достигшая міровыхъ размѣровъ, допустима и для галицко-русскаго населенія; изложенныя выше соображенія заставляютъ меня скорѣе всего приписать интересующую насъ версію сказанія о крестникѣ именно Толстому, а въ галицко-русской сказкѣ видѣть результатъ усвоенія Толстовскаго разсказа. Если такъ, то различіе, выражающееся въ отсутствіи въ галицкой сказкѣ загадочныхъ встрѣчъ крестника при началѣ его искупительнаго подвига, является пропускомъ, который можно объяснить безсознательнымъ стремленіемъ къ большей простотѣ повѣствованія, ставшаго уже слишкомъ пестрымъ и принявшаго много второстепенныхъ эпизодовъ, или даже просто объяснить забвеніемъ, которому подверглись прежде

всего эти второстепенные, осложняющіе эпизоды. Равнымъ образомъ моральныя разсужденія Толстого въ духѣ «непротивленія злу» естественно подверглись ограниченію, а частью и вовсе опущены сказочнымъ.

Соображенія, заставляющія меня видѣть источникъ галицко-русской сказки именно въ разсказѣ Толстого, косвенно подкрѣпляются, по моему мнѣнію, и свидѣтельствомъ изданнаго Аѳанасьевымъ устнаго пересказа, именно тѣмъ, что этотъ пересказъ даетъ соединеніе легенды о крестникѣ съ легендою объ искупленіи грѣховъ разбойника. Записанный гораздо раньше появленія на свѣтъ Толстовскаго «Крестника», Аѳанасьевскій пересказъ позволяетъ думать, что такое соединеніе было уже и въ народной словесности, именно великорусской; изученіе причинъ и источниковъ такого соединенія не входитъ сейчасъ въ мою задачу, которая заключается только въ объясненіи совпаденія Толстовскаго разсказа и галицко-русской сказки. Весьма возможно, что Толстому и былъ извѣстенъ народный разсказъ подобнаго вида. А можетъ быть на него повліялъ именно текстъ Аѳанасьевского изданія? Помимо общихъ соображеній объ извѣстности этого послѣдняго и, стало быть, доступности его для Толстого, я, допуская это, имѣю въ виду такую совпадающую въ обоихъ пересказахъ подробность: послѣ убійства крестникомъ разбойника Господь въ Аѳанасьевскомъ пересказѣ говоритъ: «Этотъ разбойникъ убилъ въ жизнь свою девять человѣкъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай же на землю и трудись, пока грѣхъ свой не замолишь!». У Толстого: «этотъ человѣкъ девять душъ загубилъ. Ему бы надо самому свои грѣхи выкупать, а ты его убилъ, всѣ грѣхи его на себя снялъ... Теперь тебѣ за всѣ его грѣхи отвѣчать... Иди въ міръ, выкупай разбойниковы грѣхи». Усвоивъ себѣ это соединеніе, Толстой очень легко уже могъ замѣнить продолженіе Аѳанасьевского пересказа, взятое изъ другого цикла сказокъ и пристроенное къ началу не очень удачно, инымъ, которое взято изъ тѣхъ сказаній о покаяніи разбойника, гдѣ разбойникъ поливаетъ зарытыя головы и выращиваетъ изъ нихъ деревья. Этотъ мотивъ отличается болѣе серьезнымъ и строгимъ характеромъ, а потому и оказывался болѣе подходящимъ. Весьма вѣроятно, что и этотъ мотивъ, въ главныхъ по крайней мѣрѣ чертахъ, Толстой

заимствовалъ изъ того же Аонасьевского сборника, который содержитъ нѣсколько его вариантовъ (№ 28 и примѣчанія къ нему). Изучая сборникъ Аонасьева, Толстой могъ найти въ разныхъ вариантахъ легенды, приведенныхъ издателемъ, различныя детали, которыми и воспользовался; главнымъ образомъ я имѣю въ виду рассказъ о строгихъ судахъ крестника, приведенный Аонасьевымъ по Далевской рукописи въ примѣчаніяхъ къ № 30 (см. выше); далѣе вариантъ, приведенный подъ № 28^b, рассказывающій о покаяніи разбойника, знаетъ такую подробность, какъ встрѣчи кающагося грѣшника съ разбойникомъ, который ѣздитъ мимо него и расцѣвуетъ пѣсни, и который наконецъ обращается на путь истины. Такимъ образомъ, я склоненъ думать, что въ основныхъ чертахъ все содержаніе своей легенды Толстой взялъ именно изъ сборника Аонасьева; отсюда онъ почерпнулъ и мысль объ объединеніи отдѣльных ея элементовъ, идущую изъ великорусскаго народнаго пересказа. Но это объединеніе было имъ видоизмѣнено, развито и освѣщено съ опредѣленной моральной точки зрѣнія. Процессъ созданія нашей легенды въ цѣломъ, такимъ образомъ, является довольно сложнымъ и дѣломъ не одного человѣка. Тѣмъ болѣе трудно было бы допустить независимое сложеніе въ другомъ мѣстѣ русской земли совершенно такого же повѣствованія, и я тѣмъ болѣе склоненъ думать о повѣсти Толстого, какъ объ источникѣ записанной г. Верхратскимъ сказки, а не наоборотъ; при такомъ предположеніи исторія развитія легенды становится болѣе ясной: отъ Аонасьевского пересказа къ Толстому, отъ него къ галицкой сказкѣ.

Резюмирую мои соображенія. Я полагаю, что въ основѣ галицко-русскаго сказанія о крестникѣ лежитъ легенда Толстого «Крестникъ», переданная очень вѣрно, лишь съ нѣкоторыми пропусками. Толстой же при созданіи этой легенды, руководился, по всей вѣроятности, сборникомъ легендъ Аонасьева, давъ своеобразную и проникнутую опредѣленнымъ, въ духѣ его моральнаго ученія, освѣщеніемъ комбинацію легендарныхъ мотивовъ, которые онъ нашелъ въ названномъ сборникѣ, именно: въ легендѣ № 30, рукописномъ вариантѣ къ ней, приведенномъ въ примѣчаніи, и въ легендахъ № 28^a и 28^b.

А. Кадлубовскій.